
С ПРАЗДНИКОМ,
ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ОКТЯБР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

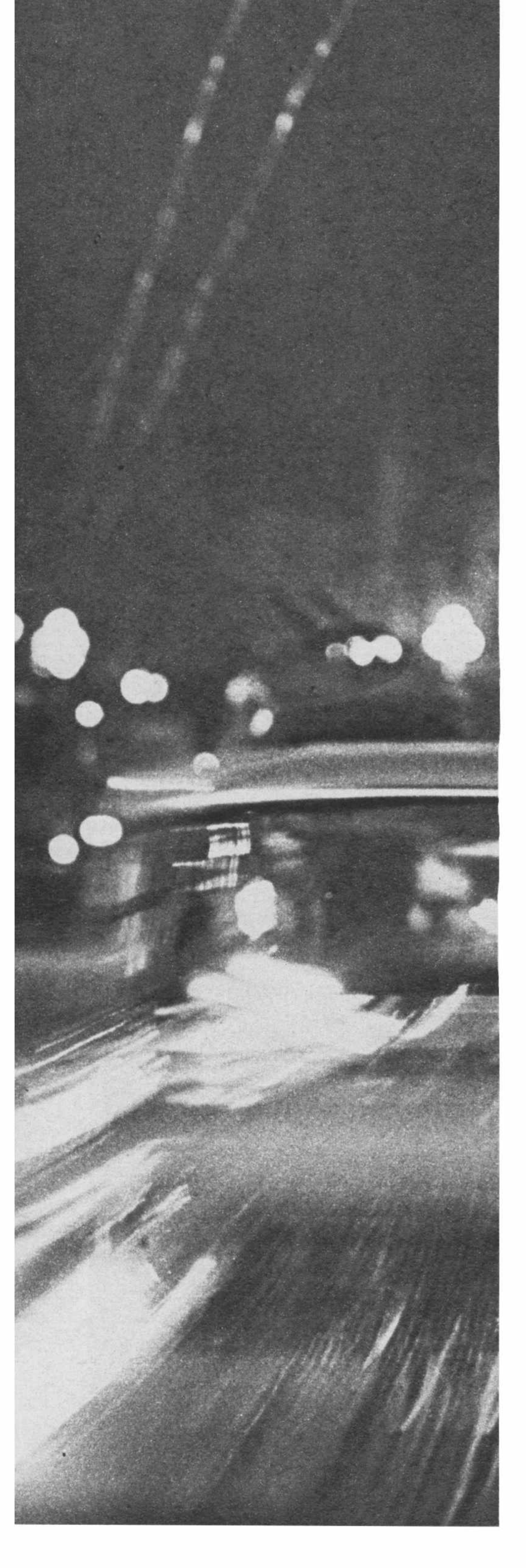
№ 45 (2002)

7 НОЯБРЯ 1965

ЗДРАВСТВ
МАКСИ

Н. БЫКОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева, И. Тункеля.

Любят Игорь Полунин и Юрий Клюквин вечерний Ленинград.

Давно это было. Жил в Питере парень по имени Максим. Веселый, хороший парень. Жил за Нарвской заставой и был из рабочих. Однажды вся страна узнала о нем. Люди смотрели на экран, смотрели в озорные глаза и узнавали себя, вспоминали, как сами жили на своей рабочей окраине, как сами мечтали о винтовке и о книжках, как прощались со своей юностью, били белых, а потом возвращались, кто остался в живых, на ту же окраину, на свою рабочую заставу, в бараки, в мертвые цеха. Самые обыкновенные парни начинали строить необыкновенную, красивую жизнь.

Прошли годы. Мы даем теперь им высокие эпитеты. Страна знает поименно своих героев. И особенно помнится, все живет и живет в нашей памяти тот Максим, простой парень с Нарвской заставы. Навсегда семнадцатилетний, навсегда в кругу друзей, навсегда делающий жизнь необыкновенную и красивую.

Какой ты сегодня, Максим? Где живешь, что делаешь, о чем поешь в своих песнях?

Мы ни на минуту не сомневались, что встретим его, что обязательно узнаем его. Под высоченной ли, темной от времени аркой Нарвских ворот, на проспекте ли Стачек, в клубе имени Гааза или в проходной Кировского завода, в спортивном магазине или просто в метро... Мы подолгу смотрели, как тренируются начинающие штангисты и баскетболисты, как торопятся ребята на сборке гиганта-трактора, как зябнут они в очереди у кассы танцевального зала Дома культуры имени Горького, как бродят семнадцатилетние с гитарами и поддают ногами охапки листьев... Мы знали, что Максим среди них, потому что он и сегодня, наверное, живет за Нарвской, а работает наверняка на Кировском. И любит спорт, и любит музыку, и... И все-таки — какой он сегодня, тот самый обыкновенный рабочий паренек?

...Станция метро «Кировский завод» сразу же после «Нарвской заставы». Только промчались первые подземные поезда, и уже тесно на эскалаторах. С каждой минутой, с каждым поездом нарастают волны самых ранних пассажиров — рабочих Кировского завода. Могучее, напористое движение. Гуще, гуще, быстрее, быстрее. Идет рабочий класс. Упругая толпа спешит к заводским проходным. В руках — папки, книги, газеты, спортивные сумки. Вверх, вверх, где уже брезжит рассвет, где уже двинулась навстречу утру — от завода — ночная смена; в руках книги, свежие газеты, спортивные сумки.

Мы его увидели в верхнем вестибюле метро, там, где газетный киоск, наверное, самый ранний в городе. Он расплатился за журнал «Film» и отошел в сторонку. Потом к нему подошел еще паренек. Вдвоем им не терпелось перелистать журнал.

— Здравствуй, Максим!

— Вы меня? А я не Максим! Я Володя... Акимов Владимир. Да, с Кировского...

Вот так мы и познакомились. Могли бы встретить его и в комитете комсомола, как встретили там его тезку, крутолобого Володю Трешкина, слесаря с главного конвейера; могли бы встретить и на сборке нового трактора «Кировец», как встретили электрика Толю Пирязева; или в спортзале, как сварщика Лешу Сельдюкова; или как Славика Чайкина и его приятелей, возле афиши «Куба, большое ревю»... Всем этим ребятам по семнадцати, все они комсомольцы, все работают на том же Кировском, и все учатся вечерами в десятом или в одиннадцатом классе. И, в общем-то, все они сегодняшние Максимы. Как и Володя Акимов.

— А живешь ты за Нарвской заставой? — с надеждой спросили мы.

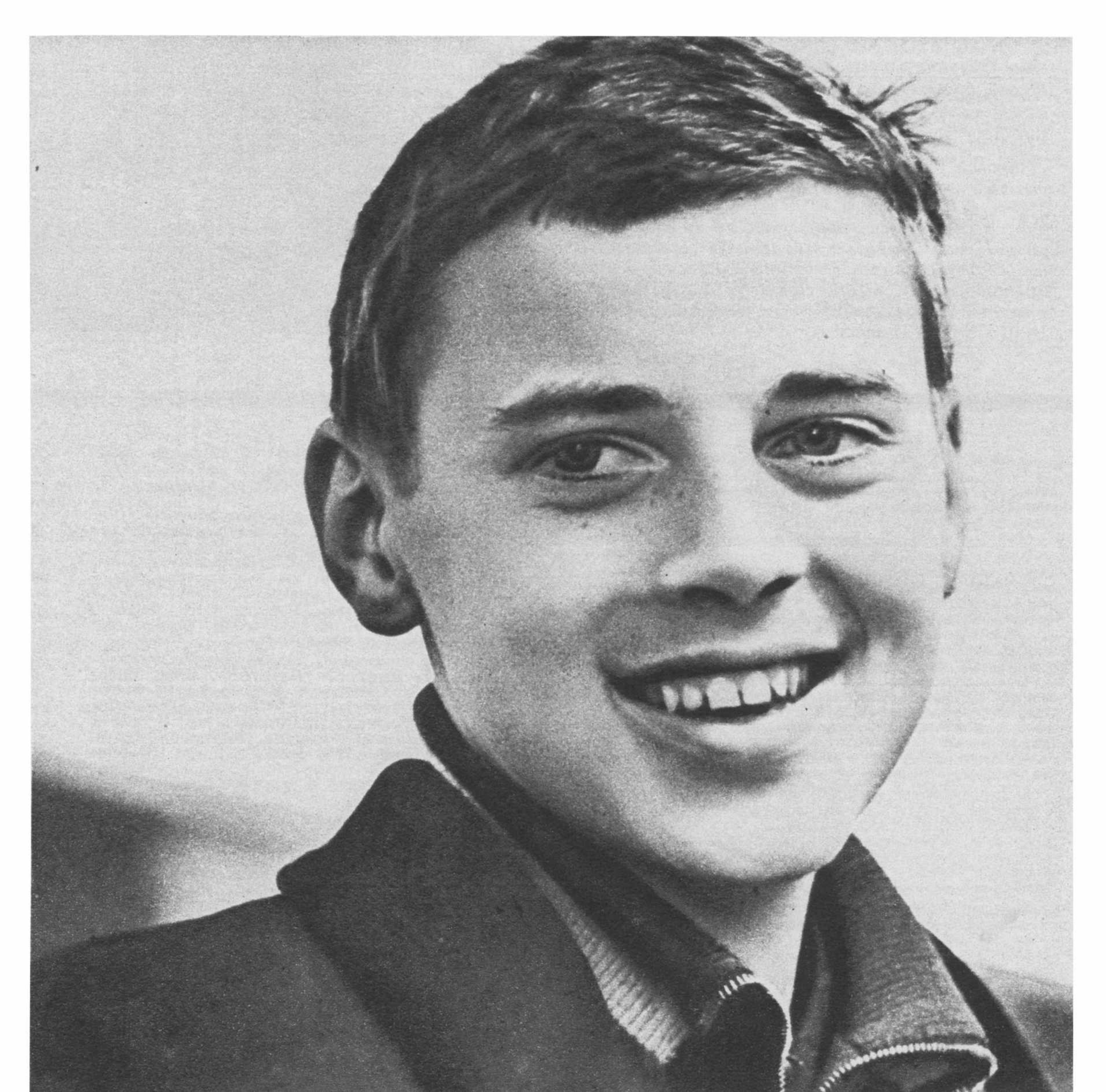
Володя сначала сказал «да», потом вдруг поправился:

— Нет. То есть я всю жизнь за Нарвской жил и родился там, а сейчас мы на Пулковскую переехали, уже месяца два как новоселье справили. Не слышали о такой улице? Новая.

Максим переехал!

Акимовы до этого жили udtесновато, им дали отдельную квартиру.

— ...А я обыкновенный, — говорит Володя.

БЕССМЕРТЕН ПОДВИГ ГОРОДОВ-ГЕРОЕВ

Брестская крепость стала олицетворением славы нашего народа, одержавшего победу в Великой Отечественной войне. На торжества по случаю вручения крепости ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» в Брест прибыли делегации городов-героев, участники обороны крепости, бывшие подпольщики... На торжественном заседании в областном театре имени Ленинского комсомола Белоруссии выступили с речами член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. М. Машеров.

На торжественном заседании, посвященном вручению Брестской крепости высоких правительственных наград.

Фото ТАСС.

Член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов прикрепляет к знамени Одессы орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

Никогда не забудет советский народ героическую эпопею обороны Одессы. Подвиг города-героя в дни Великой Отечественной войны был отмечен высшей наградой. В Одессе состоялось торжественное вручение ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». На торжественном заседании в театре оперы и балета выступили с речами член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов и первый секретарь ЦК КП Украины, член Президиума ЦК КПСС П. Е. Шелест.

— А навещаешь хоть старый свой дом?

— Да, там теперь наше заводское общежитие. Девушек поселили... У меня вообще на заставе осталось много друзей. Так что я гулять туда езжу...

Максим, то бишь Володя Акимов, снова нырнул в самую стремнину утреннего человеческого потока, который выносил кировцев через широкий проспект Стачек к трем проходным завода. Володя шел на работу — в мастерские железнодорожного цеха, к токарному станку, а его мама, Евдокия Ивановна, возвращалась в эту минуту с той же станции метро домой. Мы не знаем, встречаются ли сын и мать в подземных залах, где всегда день, но это вполне вероятно. Евдокия Ивановна работает в ночь на соседней станции метро «Автово». Она обходчик третьего контактного провода.

— Аким, в субботу на танцы! — крикнул кто-то нашему Максиму.

А до субботы каждый вечер у ребят занят в школе. Учатся почти все: кто в производственно-техническом училище, кто в ШРМ — школе рабочей молодежи, кто на вечернем отделении техникума, как старший брат Володи Акимова, Гера. Володя тоже подал заявление в восьмой ускоренный класс.

Максим на экране был очень обыкновенным и обаятельным. Володя такой же. Просто симпатичный парень с Нарвской заставы. Он улыбается ясно, открыто и как-то очень доверчиво, глаза в глаза. И говорит он свободно, откровенно.

Мы побывали вечером в новом доме на Пулковской, 15. Вокруг еще строительная страда. Мимо развороченных стройплощадок пробегают трамваи. Урчат бульдозеры, вязнут машины. Ни деревьев, ни тротуаров, ни магазинов. Квартира Акимовых нам очень понравилась. На троих — две комнаты. Просторный балкон. Много книг. Мебель, чувствуется, только что куплена, новенькая, современная.

— Семьсот рублей за гарнитур уплатили,— рассказывает Дмитрий Петрович, отец Володи.— Семья наша рабочая. Можно бы и скромнее жить, но дети другими выросли. Хоть они тоже пошли на завод, а понятие о жизни у них другое. Требований больше, неудовольствий. Мы-то как одевались? А они? Разница! Но дети у нас хорошие...

Дмитрий Петрович — человек могучего сложения. Бывший матрос с знаменитого линкора «Парижская коммуна». Работал, голодал, воевал, потом снова работал... Детей в люди вывел, только-только вот обставился...

— Я смолоду черт знает как ломил! Детям нашим легче все это достается. Им и метро, и костюмы, и космос подавай. Им и автобус чуть не к проходной подай, а то, видишь ли, завод велик, долго до цеха идти. И одеваются как-то непривычно, празднично, даже в будни...

Отец спрашивает: что это — мода, баловство или легкомыслие? Сын слушает снисходительно. Какое уж тут легкомыслие! Он-то знает, как мало у него и у его сверстников времени. С утра — завод, вечером — школа. Ну, еще немного клуб или спортзал... Ты стал серьезнее, Максим, забот общественных и личных много, а времени у тебя мало...

Володя говорит с улыбкой:

— Конечно, своих пока не хватает, вот и просишь, например, на брюки у отца. Сейчас западный клеш в моде. А они в ответ — стиляга! Разве не обидно?..

Брат Гера, вот тот Володю понимает и согласен с ним, когда младший говорит:

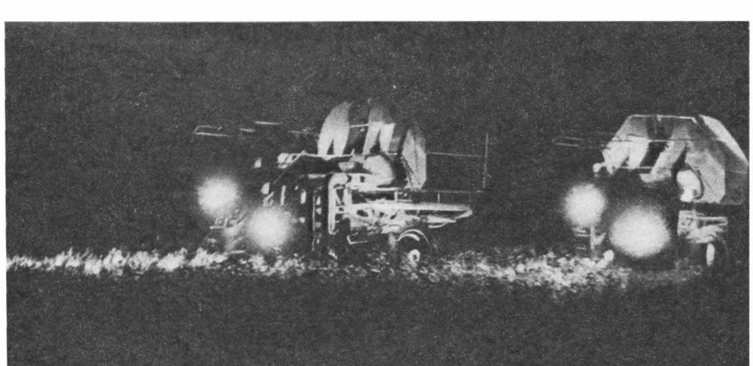
— В том, что я сыт, одет и обут, что мне столько доступно — школа, танцзал, стадион и сам Зимний дворец,— виноват не я. Кто? Ну, наверное, революция... И папа... С двадцать девятого на Путиловском!

Отец и сын дружно, как-то очень похоже смеются. А Володя отложил свой заветный баян, надевает новую пару. Сегодня танцы!

У Дома культуры афиша: «Ежедневно, кроме понедельника, вечера хорошего настроения!». Это здорово, что сегодня не понедельник, и у всех настроение просто отличное.

ДНЕМ И НОЧЬЮ

Два месяца днем и ночью, ночью и днем шло наступление. И победили... Два месяца над полями Узбекистана не смолкал шум моторов.

Здесь решалась судьба большого урожая трудного лета.

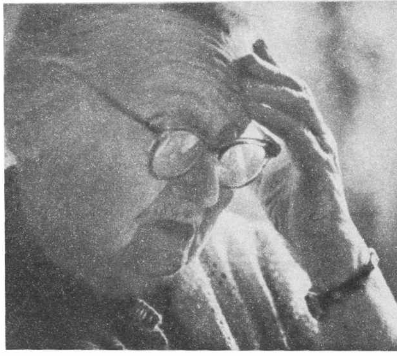
Оно помнится дехканам небывалой засухой, маловодьем, когда каждую пригоршню воды берегли так, как можно беречь самое дорогое в жизни. Оно помнится неожиданным градом, разразившимся над полями уже выросшего хлопка.

Трудное было лето, и тем радостнее нынешняя победа.

Три миллиона шестьсот тысяч тонн белоснежной узбекской пахты сдано Родине.

Двести тысяч тонн сверх плана решили сдать хлопкоробы в честь XXIII съезда партии.

Фото В. Кожевникова.

СВЯЗНАЯ ИЛЬИЧА

Экран меркнет, в кинозале зажигается свет, а зрители еще долго остаются под впечатлением бурных событий в революционном Петрограде, о которых рассказывает новый широкоэкранный фильм «Залп «Авроры».

А как этот фильм воспринимают свидетели тех дней, участники революции?

Нам рассказывает об этом Маргарита Васильевна Фофанова — хозяйка последней конспиративной квартиры Владимира Ильича Ленина в Петрограде, на Сердобольской улице.

— Образ Владимира Ильича Ленина в фильме, созданный артистом М. Кузнецовым, близок к тому образу, который живет в моей памяти. Почти каждый кадр фильма волновал, вызывал поток воспоминаний. А многие события я видела впервые. Да иначе и не могло быть. Ведь мы, очевидцы и участники тех дней, видели и действовали лишь на каком-то небольшом отрезке гигантского по масштабам исторического события.

...24 октября юнкера развели Николаевский мост через Неву, отрезав тем самым рабочие районы Питера от Зимнего дворца. Я в тот день утром понесла записку Владимира Ильича в Выборгский комитет Надежде Константиновне. Прочитав записку, она дала для Ильича газету «Рабочий путь» и написала ответ.

Ленин взял газету, написал несколько строк, и я снова отправилась в комитет, а оттуда на Васильевский, где работала в издательстве. А тут сообщают, что мосты развели. Тогда я с трудом добралась к себе на квартиру, на Выборгскую сторону.

Пролеты Николаевского моста в ту же ночь опустили, движение по нему было восстановлено. А как и кем, я узнала из фильма. Увидела, как крейсер «Аврора» отошел от стенки Франко-Русского завода, где ремонтировался, и, поднявшись по Неве, встал перед Николаевским мостом. Юнкера разбежались, и матросы восстановили движение по мосту.

Очень правильно передано в фильме революционное настроение народных масс, так сказать, дух времени. На улицах красногвардейские патрули, матросы, солдаты. Высок революционный накал трудового Петрограда. Готовы на подвиг не отдельные люди, а народные массы. Ведь тогда именно они творили историю, творили революцию.

Вернусь к событиям, происшедшим в день разведения моста. Тогда уже во второй раз за день я пришла домой. А Владимир Ильич просит меня не раздеваться, нужно в комитет отнести письмо. Письмо он мне скоро вручил, наказал передать его только через Надежду Константиновну, побыстрее возвращаться и непременно с ответом. Письмо это теперь известно всему миру: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

Ответ, который я принесла, не разрешал Ильичу выходить из квартиры, и он снова послал меня с запиской. Известно, что Владимир Ильич не дождался ответа. Он угадал, что ему опять не разрешат идти в Смольный, и стал действовать, как меня и предупреждал: «сообразно своему разумению». На тарелке в столовой я нашла его записку на узенькой полоске бумаги: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

Когда на экране показывали Смольный, я вспоминала, как бежала туда ночью, прочитав записку Ленина, как поднималась по широкой лестнице института благородных девиц в сплошном потоке солдат, матросов, красногвардейцев. Скоро я убедилась, что Владимир Ильич дошел благополучно.

А. ГОЛИКОВ

У кассы очередь. Прохожий с палочкой интересуется: «За чем это?» В ответ молодой смех: «За танцами! Ча-ча-ча дают!» Прохожий улыбается: чудно́! У него тоже теперь хорошее настроение. Он рад за молодых, за такую вот юность, а может быть, просто потому, что сегодня не понедельник...

А что знает сам Володя про юность отца?

— Он мне много рассказывал. Иногда кажется, что ему было интереснее...

Что же, это естественно: большое видится на расстоянии. К счастью, Володя никогда не узнает, что такое прийти из Углича в огромный незнакомый город без сапог и без профессии; что значит сидеть в окопах на Невской Дубровке, где была настоящая мясорубка; что значит гнать машину по ладожскому льду, по Дороге Жизни; что значит хлеб в дни блокады и последняя атака на центральной улице Берлина. Все это знает, помнит он, Дмитрий Петрович Акимов, отец, шофер скоростного междугородного автобуса. Перед Володей в какой уже раз проходит жизнь отца, и, отвечая каким-то своим мыслям, он говорит:

— Да, им было нелегко, но все же интереснее.

А потом он говорит о своих интересах. Хорошо бы уехать с экспедицией, чтобы знать не только Ленинград. Хочется испытать себя, свои силы на чем-то большом, трудном. Силы есть. Воля тоже. Он любит легкую атлетику, тренировался в секции. Сейчас твердо решил окончить среднюю школу. И окончит. Много читает.

— Особенно люблю дневники путешествий в журнале «Вокруг света». Только иногда горечь испытываешь: будешь ли когда-нибудь охотиться в Африке? А хорошо бы!.. Как вы думаете?

Мы слушали Володю и думали о других его сверстниках с Кировского завода. У ребят огромные возможности. «Революция виновата... И папа»,— вспоминаем мы слова Володи. Да, революция много дала этим Максимам наших дней. Они умеют трудиться, понимают, что иначе и нельзя. У каждого смолоду профессия, высокий разряд, почти все увлекаются спортом и почти все — музыкой. Володя как-то был на свадьбе и позавидовал искусству баяниста. Пошел учиться музыке. Четыре года занимался — добился своего. Теперь играет... Ребята умеют со вкусом одеться. Читают. Утром в киоске метро раскупаются не только наши, отечественные газеты, журналы, но и «Юнге вельт», «Унита», «Польша». В мире идет борьба, нельзя пройти мимо. Они не проходят. Как мимо новых афиш, как и мимо призыва: «Все на воскресник!»... А свободное от работы, от школы и от общественных поручений время — для себя. Слесарь Игорь Полунин едет с альбомом за город, рисует. Или в Эрмитаж. Скоро зима, тогда оставшееся время заберет конькобежная секция. Друг его, Юра Клюквин, родом из сказочного Переславля-Залесского — заядлый охотник, природолюб: «Лосишку встретишь, какая радость!» Леша Сельдюков — сварщик — победитель среди юных штангистов. Славик Чайкин — того чаще увидишь с гитарой в кругу приятелей, а Володя Мудров — футболист, его команда «Красная заря» завоевала первенство. Толя Пирязев с главного конвейера ночами в общежитии собирает радиоприемник, готовится поступить в институт...

Так вот ты какой, Максим! Конечно, ни Володя Акимов, ни его сверстники с Кировского еще ничего не успели сделать такого, что мы называем особенными, книжными словами, имея в виду поступки, равные подвигам признанных героев. Нет, это обыкновенные ребята с рабочей заставы, поколение мирных лет. Их юность богата иными событиями, хотя она и не освещена огнем сражений. О такой вот юности детей мечтали отцы. У ребят (которых теперь почему-то принято называть слащавым «мальчики») свои заботы, свои нерешенные вопросы, свои увлечения. Они готовятся к большой, серьезной дороге. Выстрелов не слышно, у Нарвских ворот очередь «за танцами», но революция продолжается. Ее энергия и программа заложены в самом образе нашей жизни. Это ты, мы узнали тебя, Максим! Так здравствуй же!..

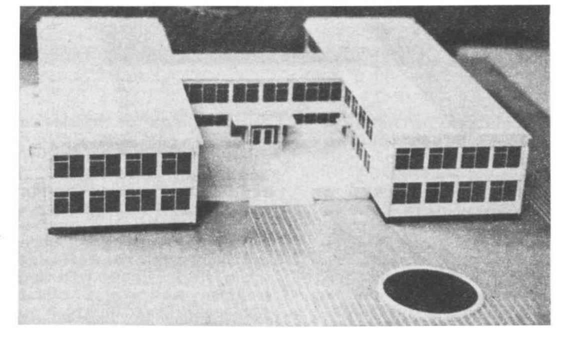
Находившийся в Москве с официальным визитом министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиль возложил венок к мемориальной доске в честь французских летчиков полка «Нормандия — Неман».

На снимке: Кув де Мюрвиль во время возложения венка. Слева — посол Франции в СССР Филипп Бодэ.

Мысли об архитектуре

Москва. Комсомольский проспект. Жилые дома.

Такие ясли будут строить в селах.

Закончил работу четвертый Всесоюзный съезд архитекторов. Наш корреспондент Людмила Кафанова обратилась к двум архитекторам с просьбой поделиться впечатлениями о съезде, рассказать о своих рабочих планах.

Борис Рафаилович Рубаненко, директор института типового и экспериментального проектирования жилища.

Моя специальность — архитектура жилища, и, конечно, я буду говорить о том, что волнует архитекторов, проектирующих и строящих жилые дома.

Во все времена архитектура, являясь величайшим искусством, находилась в постоянной зависимости от состояния и возможностей строительной техники. А сейчас проблема взаимосвязи и взаимозависимости архитектуры и техники стала генеральной проблемой массового строительства. Мы строим много, мы строим быстро. Однако и среди тех, кто строит, и среди тех, для кого строят, все чаще раздаются критические голоса.

Современные постройки обвиняются в серости, монотонности, однообразии, скуке. Что это — органический порок современной архитектуры? Нет, и еще раз нет. Недостатки нашей архитектуры в отдельных, плохо продуманных и поспешно принятых проектах, в плохой организации строительства. Можно и по типовым проектам, индустриальными методами строить красивые, дарящие людям радость здания, кварталы, города. Можно сочетать эстетическую выразительность здания с рациональным конструктивным решением. Наши архитекторы создали много интересных, разнообразных типовых проектов. Необходимо быстрее и смелее использовать их.

Современная архитектура — лаконичная и строгая — требует большой культуры строительных работ. А как раз качество строительства остается у нас еще очень низким и зачастую дискредитирует новые архитектурные идеи. Современная архитектура требует также изобилия и новых и традиционных строительных материалов. Нужны пластики, декоративный цемент, стекло, камень, дерево. Без этого не добиться архитектурной выразительности, красоты здания. А уж заговорив о красоте, нельзя умолчать о том, что порою архитектор и не может отвечать за то, что построено по его проекту, так как в процессе строительства утвержденный проект подвергается всевозможным переделкам. Слишком много людей имеют право вносить в проект свои поправки. Это недопустимо. Проект — результат творческого труда архитектора, его вдохновения, его таланта, его знаний. В ответе за него только его создатель — архитектор. Вот почему утвержденный проект должен обладать силой закона.

Путь архитектурного проекта должен быть таков: широкое научное исследование и обоснование, экспериментальное строительство, проверяющее архитектурные идеи, прежде чем они войдут в типовой проект, и затем только массовое строительство. Ни одно из этих звеньев не должно выпадать — в этом гарантия качества и целесообразности архитектуры.

Вячеслав Алексеевич Шквариков, директор научно-исследовательского и проектного института по градостроительству.

Город — это очень сложное понятие, вбирающее в себя вопросы и социально-экономические, и санитарно-гигиенические, и технико-строительные, архитектурные, художественные, исторические. Из всего этого комплекса мне хотелось бы выбрать всего лишь три проблемы, представляющиеся исключительно важными для современности и для будущего. Мы ведь обязаны думать о будущем.

Итак, вопрос первый: воздух и вода наших городов. Для всех крупных промышленных городов нашей страны это проблема чрезвычайной важности. Человек не должен дышать загрязненным воздухом, пить нечистую воду. Мы знаем из истории, что люди покидали прекрасные города, если в них было трудно дышать или нечего было пить. Вот почему надо очень ответственно подходить к решению того, где и как размещать новые промышленные объекты, а на существующих предприятиях должны быть созданы мощные системы, очищающие воздух и воду от вредных отходов производства.

Вопрос второй. Чуть более десяти лет назад, когда в нашей стране началось массовое жилищное строительство, был брошен лозунг — строить на свободных территориях. Тогда это было оправданно, даже необходимо. Но сейчас мы видим, что в строительном раже некоторые города так расползлись, что жить в них стало очень неудобно. Уйму времени и сил тратят люди на переезды, новые районы оказались на отшибе от исторически сложившихся культурных и общественных центров города. Ну а что представляют собою центральные районы таких городов? В этом году в нашем институте мы «рассмотрели» несколько крупных городов страны. И что же? Оказалось, что лучшие земли городов, территории, оснащенные всеми коммуникациями, транспортом, заняты ветхими двух-трехэтажными домиками, часто не имеющими даже современных удобств. Мы считаем, что экономически выгоднее идти на решительную реконструкцию старых городов, сносить обветшалый жилой фонд и на его месте возводить современные дома повышенной этажности. Какой? В каждом городе этот вопрос должен решаться по-своему, без шаблона.

И наконец, вопросы красоты. Человек живет в архитектуре. Она повсюду окружает его, воздействует на его ум и чувства, воспитывает его. Когда-то про русские города говорили: что ни город, то свой норов. К сожалению, за последнее время мы разучились строить оригинально, придавать нашим городам индивидуальные черты. А нам необходимо создавать города «с лица не общим выраженьем», чтобы жители их знали и любили свой город. Для этого в старых городах надо тщательно отобрать все ценное, что создано умом и талантом человека, все это реставрировать и беречь. А рядом с этими бесценными памятниками старины пусть высятся современные постройки — памятники нашей эпохи. Только здесь нельзя обойтись без чувства гармонии, композиции, меры. И еще нужны любовь и уважение к прошлому своего народа.

Когда-то города, средневековые города, рождаясь, изгоняли природу за свои стены. Оно и понятно: нужно было жить тесно друг к другу, обороняться от врагов. Современному же городу нужен простор, воздух. Давайте же вернем в наши города природу. Пусть утопают они в садах, в зелени, пусть будут вписаны в природный ландшафт, чтобы жизнь в них была удобной и здоровой.

ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

К нам в редакцию приехал югославский друг и собрат по профессии Драган Маркович. Он редактор еженедельника «Свет», популярного в Югославии журнала, выходящего в Белграде.

Страной партизанской была в годы последней войны непокоренная, борющаяся Югославия. Воевал в одном из отрядов народных мстителей и юный Драган.

Журнал «Свет» — литературно-художественный, общественно-политический, хорошо иллюстрированный, он охватывает широкий круг явлений и событий жизни социалистической Югославии сегодня.

НАЧАЛО

Сегодня в «Огоньке» новая рубрика — «1917—1967»: журнал начинает публиковать материалы, посвященные 50-летию Советской власти.

Недавно за круглым столом «Огонька» собрались ветераны революции, те, кто «писал» самые первые строки истории Страны Советов.

Итак, первые дни...

Репортаж со встречи ветеранов революции ведут А. Старков и Ю. Юров.

Из Ленинграда к нам приехал Антон Яковлевич ЧЕЧКОВСКИЙ. Оторвался на день от своих многочисленных общественных нагрузок, обязанностей, должностей. Пенсионер. У этого человека в его 72 года удивительная подвижность, удивительная энергия, удивительная память.

ТРИСТА МЕТРОВ АТАКИ

Итак, про то, что было давно, 48 лет назад, 25 октября 1917 года, когда 24-летний Антон Чечковский привел отряд красногвардейцев, сформированный за Московской заставой, на Морскую улицу, под арку Главного штаба. Впереди — площадь, колонна с ангелом.

— Холодно было, сперва дождик моросил, потом стало подмерзать малость. Народ у меня собрался молодой, нетерпеливый, скучают без дела. С просьбой ко мне: где бы дровишек раздобыть для костров? Показываю на дома соседние, тут, говорю, буржуйский район, без дров не сидят. Ребята — к дворникам, к истопникам и уже охапку за охапкой несут. Полешки все к одному — ровненькие, березовые. Вспыхнули костры под аркой. И в других отрядах тоже.

Часам к пяти прибыл Подвойский со своим помощником Еремеевым. Собрали командиров, поставили задачу: штурмовать! Подвойский, опытный военный, сказал, что дворец в один рывок не возьмешь. 300 метров до него от арки. На таком расстоянии любой атаке легко захлебнуться. Брать Зимний — в два броска. Сперва — до колонны, до ангела.

Ждем сигнала «Авроры», с Петропавловки. Ага, бьют! Отряд за отрядом, стреляя на бегу, рванулись красногвардейцы, солдаты. Пулеметный огонь нам наперерез. Дрогнули первые. Заминка... Просим поддержать нас с флангов. Просим артиллеристов ударить по Зимнему. Выстрелили. Рассадили верхний левый уголок дворца. Видим рухнувшую стену, разбитый зал. Снова, подбодренные артиллерией, начали атаку. Две бронемашины с нами, пулеметчики. Добежали до «Александровского столпа». Ангел над нами. Благословляет, так сказать...

Второй бросок. Женский ударный батальон на пути. Бочкарева и ее ведьмы. Короткая схватка — батальон сдался. Я с отрядом — в левый подъезд. Еще короткий бой. Не выдержали юнкера, бегут вверх по лестнице, мы за ними. Сдаются. Собираем их кучками, отводим в комнату, ставим охрану. Я вижу сквозь десяток распахнутых дверей идущий куда-то отряд красногвардейцев. Решаю догнать. Рядом со мной еще люди. Переговариваемся на бегу. Кто-то говорит: «Наверно, за Временным прут». Догоняем отряд. Действительно, идут арестовывать Временное правительство. Присоединяемся. Ведет Антонов-Овсеенко. Ему сообщили, что министры должны быть в Малахитовом зале... Но там их нет. Где же они? Ищи свищи: во дворце больше тысячи комнат.

Долго бы нам искать, если б не матросы, выволокшие откуда-то растерянного старичка из царской челяди. Трясется, бормочет: «Господа... Я покажу, покажу... Вон дверь, повернете направо, еще направо... Там господа министры». Мы туда. Возле двери двое часовых и некий господин в полувоенной одежке. Это был Пальчинский, важный по тому времени гусь. Антонов-Овсеенко к нему: «Здесь заседает Временное правительство?» А он Антонову: «Вы попадете туда только через мой труп». Ну, нам его труп был ни к чему. Потеснили его слегка вместе с часовыми, благо они, часовые, не очень-то сопротивлялись... Всей толпой ворвались в зал. Министры — у дальней стены. Сцена, как в «Ревизоре». Только у Гоголя все стояли, а тут — сидели. Антонов-Овсеенко объявил, что Зимний занят, Временное правительство считается низложенным и к власти пришло новое, Советское правительство. Кто-то из министров вякнул: «Насилие!» Матросы чуть не прикончили того министра. Антонов его спас, встал между ними, загородил беднягу, сказал, что самосуда не допустит. Переписали всех наличных министров, приставили к ним караул и отправили в Петропавловскую крепость.

Мне приказано было ехать в Смольный и доложить обо всем. Выбегаю на площадь. Поймал около Мойки машину, пригрозил оружием, сел. «Гони,— говорю шоферу,—на полную скорость». Самым коротким путем — в Смольный, в штаб восстания. Вбегаю в комнату, где накануне видел Ленина, Свердлова, Подвойского. Сейчас там был только Подвойский и какие-то незнакомые люди. Кричу с порога: «Зимний взят, товарищи!» А Подвойский спокойно, не поворачивая головы, говорит: «Мы уже знаем об этом». Я даже расстроился. Опоздал...

СОВНАРКОМ ЗАСЕДАЕТ

Чуть наискосок от Чечковского сидит за нашим столом Эдуард Викторович КЛОПОВ. Нет, он не старый большевик, не участник революции. Он родился через 13 лет после нее и тем не менее все события Октябрьских дней знает не только по дням, но и буквально по часам и, если хотите, по минутам. Клопов — историк, автор недавно вышедшей книги «Ленин в Смольном». С особым вниманием слушают его герои, участники тех славных событий, которые он изучает как историк.

— Что считать первым днем Советской власти? День, когда она была установлена? Или день, когда начал работать орган, практически ее осуществлявший,— Совет Народных Комиссаров?

Совнарком во главе с Владимиром Ильичем Лениным был сформирован, как известно, в ночь на 27 октября. До недавнего времени считалось, что он собрался на свое первое заседание лишь спустя неделю, 3 ноября.

Но нам, историкам, трудно было, знаете, смириться с версией, что целую неделю, прошедшую после восстания, новое правительство не собиралось, не принимало решений. Мы искали... И вот в воспоминаниях П. И. Лебедева-Полянского, опубликованных еще в 1924 году, обнаружили несколько строк о том, как он «через два-три дня после Октябрьского переворота» увидел в Смольном Владимира Ильича, вошедшего в одну из комнат. «Я двинулся,— пишет Лебедев,— по направлению к этой комнате на первом этаже Смольного, на левой стороне. Там организовалось первое заседание Совета Народных Комиссаров».

Через два-три дня — значит, 27 или 28 октября. Но какого числа все-таки: 27-го или 28-го? Уточнить дату помогли два источника.

Первый — «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства». В ее втором номере, вышедшем 30 декабря 1917 года, в примечании к одному из проектов закона о рабочем контроле говорилось: «В заседании 27 октября Правительство... поручило т. Милютину и т. Ларину составить настоящий проект в двухдневный срок». Свидетельство совершенно официальное: 27 октября!

Второй источник — частный. Я говорю о воспоминаниях Ю. М. Ларина «У колыбели», напечатанных в ноябре 1918 года. Некоторые из вас, возможно, помнят этого своеобразного человека...

Реплика с места. У него была буйная фантазия!..

— Да, эта ваша характеристика совпадает с тем, как отзывался о Ларине Владимир Ильич. Но в данном случае свидетельство Ларина точно отражает действительность и не подлежит сомнению. Ларин сообщает, что два важных закона — декрет о печати и постановление о созыве Учредительного собрания в назначенный срок,— датированные 27 октября и на следующий день опубликованные в газете, были обсуждены на заседании Совнаркома.

Таким образом, мы уточнили дату этого заседания, его повестку дня. Ларин назвал даже номер комнаты, где оно проходило: 36. И это подтверждается свидетельством Лебедева-Полянского.

Историки — народ жадный. Нам хотелось побольше подробностей о первом заседании Совнаркома. И нам дала их, как ни странно, меньшевистская «Новая жизнь». 28 октября она уведомила читателей, что Совнарком обсуждал законопроект о рабочем контроле. В газете было подробно изложено его содержание. Сопоставив этот текст с «Проектом положения о рабочем контроле», который принадлежит, как известно, Ленину, мы убедились, что на заседании обсуждался именно ленинский проект. Значит, Ильич не только руководил этим первым заседанием Совета Народных Комиссаров, но и представил на его обсуждение свой проект одного из важнейших законов нового, социалистического государства...

ПУШКА № С-16155

Так Октябрьская революция шагнула в историю с берегов Невы. Петроград, питерский рабочий класс — запевала. Первой подхватывает эту великую песню Москва.

25 октября. Петроград вызывает по телефону Москву. У аппарата Виктор Ногин, делегат москвичей на II съезде Советов. «Победа!» — сообщает он. Государственная власть в руках Военно-революционного комитета.

Вечером в Политехническом музее — объединенное заседание двух Московских Советов: рабочих депутатов и солдатских депутатов. Создается Военно-революционный комитет. Устанавливается Советская власть в городе, вслед за Петроградом.

Но контрреволюция не складывает оружия. Семь дней бои на улицах и площадях Москвы. На помощь москвичам прибывают красногвардейцы из Подмосковья, Твери, Иваново-Вознесенска. Сводный отряд, собранный во Владимире, Шуе, Коврове, Александрове, привел Михаил Фрунзе.

К ночи 2 ноября знамя новой власти уже реет над Москвой.

...У нас в гостях два участника московских боев: ТУЛЯКОВ и БАТЫШЕВ.

Многим, надо полагать, знакома пушка, стоящая у входа в Музей Революции, что на улице Горького. Номер этого орудия С-16155. В дни октябрьских схваток эта пушка била из Лефортова по Кремлю. Управлял ее огнем Никита Туляков, рабочий с завода «Мастяжарт».

Вот он, очень еще крепкий, с лицом и руками мастерового, с орденом Красного Знамени на пиджаке, совсем неречистый Никита Сергеевич ТУЛЯКОВ, герой Октября. Вот и приказ Военревкома, врученный 31 октября 1917 года командиру батареи Тулякову: «Обстрелять Кремль, для этого выбрать, занять позицию и немедленно приступить к обстрелу».

— Выкатили мы пушечку на высотку к Андроньевскому монастырю. Удобная такая позиция, далеко видать. Ударили разок-другой по кремлевским башням... Потом с Котельнической улицы стреляли. Там церковь была Никиты-мученика, тезки моего. Тоже на горушке. Первый выстрел дали шрапнельным снарядом. По разводу юнкеров на Красной площади. Согрели их малость... И тут прибегает красногвардеец из Замоскворечья. Связной. Говорит, что на башне у Москворецкого моста пулемет пристроен у юнкеров. Не пускает наших на Красную площадь. Был у меня наводчик прекрасный, фамилию помню — Рыбалко. «Сшибешь,— говорю,— ту башню?» «Сшибу»,— говорит. И одним снарядом — снял. Срезал подчистую... Потом явился связной с Никольской. Попросил прекратить огонь в этом направлении. «Мы,— говорит,— наметили через Никольские ворота прорваться к Кремлю, и вы будете по своим палить». Он же сказал, что со Спасской башни бьет пулемет по нашим. Пока мы приспосабливались, раздались два выстрела с Андроньевской площади. Пулемет тот умолк, но были подбиты и куранты. Потом, при полной уже Советской власти, отремонтировали их по указанию Ильича...

Рассказ Тулякова дополняет Илья Григорьевич БАТЫШЕВ, работавший в ту пору председателем Сущевско-Марьинской Думы.

— Стихли выстрелы в Москве. Начиналась новая, мирная жизнь. В нашем районе, как и в других районах, были назначены комиссары из рабочих. Один — по гражданским делам, другой ведал милицией, третий занимался продовольственным снабжением. Выбрали хозяйственную комиссию, создали отдел труда, автомобильный отдел.

Чиновники-то бросали свои посты. Саботаж. Но мы взяли на учет всех грамотных рабочих и посадили их вместо царских подхалимов. Даже некоторых учителей заменили грамотными людьми из рабочих. Многие из них так на всю жизнь учителями и остались... На Кузнецком мосту банк был, он и сейчас там. Мы комиссаром того банка поставили члена исполкома Щукина. Рабочий, слесарь. Очень оказался расчетливый, бережливый человек. Ни одна копейка не попала буржуям. Приходили они, требовали денег. А Щукин сидит за столом председателя банка и любезно так отвечает: «Деньги, знаете, теперь государственные, народные. Не ваши. Прошу обратиться в исполком. Только он для меня власть...»

ГОЛОС ФРОНТА

Известна роль, которую играли в Октябрьской революции армия, флот. Революционные солдаты и матросы. У нас на встрече несколько, так сказать, представителей армии.

Говорит Дмитрий Иванович ГРАЗКИН. Это имя пятьдесят лет назад было хорошо знакомо фронтовикам. Председатель полкового, потом дивизионного, потом корпусного солдатских комитетов. Редактор популярной на фронте большевистской «Окопной правды».

Октябрь застал Гразкина под Ригой, в городке Вольмар, где находился штаб 43-го армейского корпуса. Местный гарнизон был ненадежен: в частях немало меньшевиков и эсеров. Председателем корпусного комитета был прапорщик Маковский, подхалимствовавший перед командованием. Он возражал против предложения большевиков ввести в город Новоладожский полк, по-настоящему революционный.

— Иду к Маковскому. Нет его в комитете. Застал дома. Показываю проект телеграммы с вызовом делегатов из полков на корпусное совещание. «Не подпишу,— говорит,— считаю нецелесообразным». Я требую печать. Не дает. А она, вижу, на столе. Взял, приложил к телеграмме. «Имей в виду, это насилие,— говорит Маковский,— может, ты меня и арестовать собираешься?» «Это будет видно,— отвечаю,— а пока подписывай». «Уступаю,— говорит,— насилию». И подписал. Уходя, я ошибся дверью и попал на кухню. Смотрю, денщик чемодан упаковывает. Бежать Маковский собрался... Я пошел в штаб корпуса. С товарищами договорился: через час не вернусь,— значит, арестован. В кабинете командующего много офицеров. Обращаясь к генералу, говорю: «Прошу подписать приказ о замене гарнизонных частей Новоладожским полком». Растерялся командующий. Показывает проект приказа начальника штаба. И тот в растерянности. Обоим уже известно о событиях в Петрограде. «Ну что ж,— говорит командующий,— подпишу, пожалуй. Не все ли равно, какая часть несет гарнизонную службу». А сам отлично понимал, что это совсем небезразлично...

29 октября утром собралось корпусное совещание. Городок был уже в руках новоладожцев и латышских стрелков, тоже большевистски настроенных. Но на самом совещании среди делегатов были соглашатели. Они-то и мутили воду. Был момент, когда казалось, что наша, большевистская резолюция может не пройти. И тогда я решил пустить в зал вооруженных солдат из нашего гарнизона, толпившихся на улице у входа. Атмосфера сразу изменилась. Я вышел к трибуне. «Товарищи делегаты!— сказал я.— Имеется две резолюции. Одна — за революцию, за мир, за землю, за Советскую власть. Кто за нее, пусть идут налево от входа в зал. Другая — против. Кто против — идите направо». Словом, точно как в английском парламенте. Там тоже, когда голосуют, расходятся налево или направо... Направо пошло 13 социал-предателей. Все остальные — больше ста человек — проголосовали за революцию!

К нарисованной Гразкиным картине добавляет свой штрих Семен Семенович КРУТОШИНСКИЙ, тот самый, что весной 1917 года собрал на Юго-Западном фронте несколько тысяч солдатских георгиевских крестов и привез их в Петроград, в редакцию «Правды», в железный ее фонд.

— Я скажу об армейском съезде на нашем фронте. Это было на Украине, в Проскурове. На второй или третий день съезда пожаловал к нам представитель петлюровской рады, царский офицер, и заявил, что назначен комиссаром в армию. А у нас уже был свой комиссар — большевик, только что вернувшийся из Петрограда со II съезда Советов. И мы сказали петлюровцу, чтобы отправлялся восвояси, в Киев. В ответ на это Петлюра отдал распоряжение: останавливать все воинские поезда с продовольствием для армии. А запасов у нас было лишь на три дня. Тогда мы составили от имени съезда воззвание к крестьянам, отпечатали его большим тиражом и развезли по деревням. Мы рассказали крестьянам о положении в армии, о том, что Петлюра хочет уморить голодом революционных солдат. И пошли, пошли продукты в армию: мука, мясо, картофель. План Петлюры был сорван...

НОВГОРОД, САМАРА, САРАТОВ

Октябрь шагал по стране. Город за городом вставали вслед за Петроградом и Москвой под знамя Советской власти. И сейчас, через сорок восемь лет, слушая рассказы пожилых людей, собравшихся за редакционным столом, воспринимаешь это как боевые рапорты, боевые донесения восставших городов.

Рапортует Новгород устами Михаила Григорьевича РОШАЛЯ:

— Весть о восстании в Петрограде была получена в Новгороде 26 октября. Ее встретили с восторгом рабочие, солдаты, но не деятели, засевшие в местном Совете. Председательствовал здесь правый эсер. Нас, большевиков, было только двое. Оба безусые солдаты, которым вместе сорок лет. Но у обоих за плечами питерское подполье... Большевистский губком решил действовать. Не имея поддержку в исполкоме, мы получили ее в полках, на фабриках, на железной дороге... В городе власть перешла в наши руки 13 ноября. Но над губернией продолжал властвовать комиссар Временного правительства. Это был некий Булатов. Он сидел в губернаторском доме и покинул его лишь в январе 1918 года. Контрреволюция еще сопротивлялась. В Антоновском монастыре забаррикадировались белогвардейцы. Я был послан в Питер за подмогой. Привез 150 кронштадтских матросов. Приступом взяли монастырь...

...Рапортует Самара... Но прежде чем выслушать этот рапорт, необходимо маленькое отступление. Готовясь к встрече со старыми большевиками, мы перебирали различные документы 1917 года. И в протоколе заседания Самарского Совета от 25 октября нашли такую запись:

«Товарищ Куйбышев оглашает телеграмму о том, что большевики в Петрограде заняли телеграф.

Представитель Союза почтово-телеграфных служащих передает о разговоре с Петроградом по прямому проводу о событиях: некоторые вокзалы заняты Советами, на реке Неве крейсера и канонерка, верные правительству.

Постановлено послать на телеграф комиссаров: на почтовый — Козырькова и на железнодорожный — Милонова».

Нельзя ли разыскать их сейчас — Козырькова и Милонова? Нашли МИЛОНОВА. Это оказалось несложно: Юрий Константинович живет в Москве. Он ученый — занимается историей техники. Недавно вернулся из Варшавы с Международного конгресса по истории науки, где выступал с докладом. Охотно откликнулся на нашу просьбу приехать в редакцию.

И вот рапортует Самара:

— Я был послан, как вы уже знаете, на железнодорожный телеграф, чтобы уточнить ход событий в Петрограде. К правительственному проводу нашему комиссару Козырькову попасть не удалось. Служащие-саботажники не пустили. А я сразу же соединился непосредственно с Петроградом, с Министерством путей сообщения. Там, на другом конце прямого провода, дежурный телеграфист. Спрашиваю, в чьих руках власть в столице. «Ничего,— стучит,— не знаю и ничего не понимаю. В здании никого, кроме меня. Света нет. По улице движутся какие-то толпы. Слышны изредка выстрелы». Больше ничего я от этого человека не добился. Решаю связаться с Петроградом по другому каналу — через Москву, через телеграф на Казанском вокзале. Но терплю полную неудачу. Не желают не только соединять с Петроградом,

Старые коммунисты в «Огоньке». Слева направо — сидят: Константин Афанасьевич Денисов, Григорий Яковлевич Лобанов, Михаил Григорьевич Рошаль, Антон Яковлевич Чечковский, Дмитрий Иванович Гразкин, Семен Семенович Крутошинский, Моисей Израйлевич Губельман, Ахилл Львович Банквицер, Никита Сергеевич Туляков; стоят: Илья Григорьевич Батышев, Юрий Константинович Милонов.

Фото М. Савина.

а даже и сообщить что-либо о самой Москве. Всю ночь пытаюсь раздобыть хоть какие-нибудь сведения о событиях в столице. Запрашиваю Сызрань, Инзу, Рязань, Уфу, Златоуст, Челябинск, Оренбург. Но там знают столько же, сколько и мы в Самаре... И вдруг, уже под самое утро 26 октября, прорывается коротенькая телеграмма из Петрограда: «Всем, всем, всем, всем. Рабочая и солдатская революция победила в Петрограде. Член Военно-революционного комитета Бубнов». Я знал Андрея Сергеевича Бубнова, виделся с ним, когда он, возвращаясь из ссылки, останавливался в Самаре, мы встречались на VI съезде партии. Подпись А. Бубнова была для меня гарантией точности сообщения, хотя вслед за этой телеграммой была передана другая, в которой какой-то деятель утверждал, что Бубнову не следует верить.

Но мы поверили! Поверили и на другой день, 27 октября, утвердили в Самаре власть Советов...

Рапортует Саратов. Рапортует словами приказа № 1, изданного Саратовским совдепом в первый день прихода к власти. Сегодня этот документ зачитывает нам Ахилл Львович БАНКВИЦЕР, бывший губернский продкомиссар: «Вся помещичья, монастырская, церковная и удельная земля немедленно должна быть взята на учет и в распоряжение крестьянских земельных комитетов или заменяющих их крестьянских демократических организаций...» И голос его звучит так же твердо и молодо, как и сорок восемь лет назад, когда он читал этот приказ совдепа на деревенских сходках.

ШУМЯТ СХОДКИ...

Октябрь широко шагнул в деревню. О том, как ветер революции всколыхнул крестьянство, рассказывают двое: Константин Афанасьевич ДЕНИСОВ и Григорий Яковлевич ЛОБАНОВ.

Денисов.

— На II съезде Советов я был делегатом от Черкизовской волости, Московской губернии. Возвращаясь, застрял на недельку в Москве, участвовал в уличных боях. Пока «гулял», меньшевики сместили меня с должности начальника милиции. Назначили поповского сына. Но надо сказать, что он без особого сопротивления уступил мне мое же место. Дел у милиции хватало, и мне в помощь выделили пятерых красногвардейцев. Одним из первых наших дел был учет имущества в помещичьих усадьбах. Разослали уполномоченных. Работу свою они провели довольно быстро, почти без конфликтов. Поартачился только фабрикант по фамилии Тиде, немец. «Я,— говорит,— признаю власть лишь моего императора Вильгельма, в Москве—посла Мирбаха, ну и на небе—бога, конечно. Вы для меня ничто». Пришлось подослать в это поместье на помощь нашему уполномоченному красногвардейцев. Быстренько уговорили этого Тиде. Был в волости помещик Пупшев. Он превратил свое имение в доходный санаторий для знати. Сам он бежал, а персонал остался. Мы взяли этот санаторий под охрану. А потом приняли меры, чтобы он функционировал. Путевки выдали больным из бедняков... Сейчас это санаторий имени Артема, знакомый многим москвичам.

Лобанов.

— Родом я из Зарайского уезда, что в Подмосковье. Приехал я туда после боев в Москве. Вижу, нет еще Советской власти. Собрал мужиков на собрание. Рассказал, как лучше распорядиться помещичьей землей. С этого собрания мы делегацией — в волость. Это верстах в пяти от нас. И как раз тоже попали на собрание. Шумела сходка! Земцы там, в волости, сыграли такую штуку. Собрали с бедняков деньги, обещали купить хлеба для крестьян. А хлеба-то не привезли, накупили для себя всякой утвари. Обман. На собрании в волости я оказался один большевик. Говорю: «Видите, мужички, как вас провело кулачье. Собирали на хлеб, а обставили себя шкафами, ковров настелили». Собрание постановило арестовать этих земцев, отправить под конвоем в Зарайск. Я понимал, что там их выпустят эсеры, но мне важно было создать боевое настроение у людей. Один кулак кричал мне в лицо: «Сопляк, ты что с нами проделал? Поплатишься еще...» А я молодой был, горячий. «Держитесь,— говорю,— ответ перед народом». Выбрали мы волостной Совет, делегатов на уездный съезд. Там я уже не один был большевик, хотя и чувствовалось влияние эсеров. Мы поставили вопрос о конфискации помещичьей земли и добились большинства голосов в нашу пользу. Трех большевиков избрали на III съезд Советов в Петроград. В том числе и меня. Там я встретился и разговаривал с Лениным...

«ВОСТОРЖЕННО ПРИВЕТСТВУЕМ РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ...»

Мы начали беседу «под небом Балтики», а заканчиваем «на берегу Тихого океана». Так шла революция по русской земле — навстречу солнцу.

О событиях на Дальнем Востоке слово старейшему из присутствующих, Моисею Израйлевичу ГУБЕЛЬМАНУ. Он у нас делегат Владивостока.

— Мы хоть и далеко от Питера, дальше всех, но о победе революции узнали не позже других, а если иметь в виду семичасовую разницу во времени, даже раньше, чем иные города,— в ночь на 26-е. Ночью же созвали большевистский пленум и поручили товарищам разъехаться по воинским частям и рабочим организациям с вестью о революции. Как она была принята, эта весть, видно из резолюции солдат Владивостокского гарнизона: «Мы, солдаты, шлем горячий привет питерскому революционному пролетариату, и если будет нужна поддержка, полки по первому зову выступят с оружием в руках». Всюду: на Русском острове, на Первой Речке, в бухте Диомид —шли митинги, и меньшевики ничего не могли поделать с настроением масс, которые требовали установления Советской власти. Стихийно возникали демонстрации, и все они стекались к Народному дому, приветствуя собравшихся там большевиков.

Наш город, как и Питер, морской. И вот примерно через месяц после событий в Питере к нам во Владивосток прибыл с «визитом» американский крейсер «Бруклин» под флагом адмирала Найта. Адмирал поспешил сразу же встретиться с функционировавшим еще в городе комиссаром Временного правительства. Но из этого альянса ничего не вышло. «Бруклин» постоял с месячишко на рейде, развел пары и ушел... Мы, большевики, устроили крейсеру своеобразные проводы. Пригласили в клуб рядовых американских моряков. В таких случаях принято говорить, что «встреча прошла в обстановке полного взаимопонимания». А через некоторое время мы получили резолюцию, которую приняли американские матросы на пути из Владивостока домой. Вот она, эта резолюция: «Восторженно приветствуем русский пролетариат, который первым одержал победу над капитализмом».

Эти слова — великолепный, на наш взгляд, финал беседы за редакционным столом.

Да, революция победила. Но революцию нужно было еще отстоять, защитить. Надвигались бои за революцию — гражданская война.

О. КУПРИН

ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Вечный огонь

День выдался солнечный и ветреный. Было это на грани лета и осени. В палисадниках около домов спешили, торопились выплеснуть всю свою буйную красоту осенние цветы. По тротуарам перекатывались листья. Они еще не шуршали по-осеннему и были зелены.

На площадке, выложенной квадратными белыми плитами, резвились две девчушки. Изредка, когда налетал сильный порыв ветра, в веселый ребячий гомон вплетался грозный гул, как эхо далекого боя.

Гул шел из-под земли, он вырывался из узкого колодца, огороченного чугунной решеткой, над которой билось, металось на ветру косматое пламя. Вечный огонь.

Чуть поодаль на белых плитах покоился многометровый прямоугольник черного мрамора. На нем золотом были выбиты имена и цифры. Имена тех, о которых днем и ночью напоминает вечный огонь, о ком скорбит мать, высеченная в высокой глыбе гранита, и матери живые, что приходят сюда каждый день. А золотые цифры — границы жизни. У многих, кто лежит здесь, границы эти одинаковые, а между ними всего восемнадцать-девятнадцать лет.

Уже неделю мы колесили по дорогам Луганщины. Были на шахтах, заводах, перезнакомились и подружили со многими людьми. Говорили с ними о знаменитых тепловозах и новом прокатном стане, о себестоимости удобрений. Все было интересно и в то же время очень буднично в простых и сложных заботах наших новых знакомых. Но где-то в глубине души мы ждали встречи с этим городом, который был совсем рядом, по соседству.

Здесь погибли отважные люди. Их смерть, отбросив все будничное, стала знамением времени, отлитым в золото бессмертным автографом поколения. Поколения солдат. Очень трудно, почти невозможно соизмерить будни живых с подвигом мертвых.

У каждого поколения свои подвиги и свои герои. Время, очистив нашу жизнь от повседневного, отфильтрует когда-нибудь самое важное и вечное в делах моих современников. Конечно же, они уже существуют, эти нетленные дела. Но в чем? Где? Как выглядят наши герои?

Сейчас, перебирая в памяти события последних дней, я пытаюсь найти необычное в самых обычных сегодняшних событиях, в судьбах моих новых друзей.

Разговор за обедом

— С детства я возненавидел профессию строителя,— говорил мне Дмитрий Лисняк, заслуженный строитель республики.

Я встретил его на строительной площадке нового прокатного стана на Коммунарском металлургическом заводе. Был обеденный перерыв. Мы сидели в столовой и неторопливо вели беседу.

— Сейчас ем более менее все,— говорил Дмитрий, поддевая вилкой ярко-красную дольку помидора с белыми подтеками сметаны.— А то сидел на диете. В ГДР меня прижало. Приступ. Язва желудка, будь она неладна. Это когда во второй раз там был. Гостем.

Первый раз в Германию Лисняк попал совсем в ином качестве. Шел ему тогда шестнадцатый год, парень был он крепкий, рослый, и судьба его решилась всего-то двумя словами: «Карошь. Работать».

И поехал на запад в товарном вагоне с решетками на окнах. Попал в команду строителей. Переводчик сказал, что строить им доверено объект особой важности— бомбоубежище. Надсмотрщик погонял, не давал передохнуть. Верно, собственную шкуру собирался в том бомбоубежище спасать. Вот тогда-то возненавидел профессию строителя Дмитрий Лисняк. Профессия — это не только сноровка, знания и опыт, это еще чувство удовлетворения или ненависти.

— ...Много всякого строил. На заводе почти все цехи, кроме первой домны. В общем, порядком тут моего. Завод ничего, симпатичный,— с большими паузами говорил он, со смаком ложка за ложкой поглощая добрый украинский борщ.

Очень забавно ел этот человек. Посмотри на него в такую минуту — можно догадаться, о чем он думает и даже с каким чувством, плохим или хорошим. Сейчас, наверное, мысленно продолжает наш разговор о профессии. Что она такое есть? Сама по себе она вроде как оболочка работы, разное может быть в ней заключено. Профессия, как вареник: сделай его с вишней, этакой крупной да сочной,— пальчики оближешь, но можно запихнуть в него и перца позлее — всю жизнь не отплюешься.

— А вообще-то тяжело приходится. Стан по плану мы должны построить за такой срок... Ну, за очень короткий срок. Не зря же ударной комсомольской называемся. И работают ребята, будьте покойны! Вот если бы те, кто план составлял, считать бы получше научились... А то ведь простои... Сами знаете. Где-то кто-то опоздал, у кого-то планы с нашими сроками не сошлись.

— Старые беды,— вставил я.— Еще от тех времен, когда все решалось не столько экономическим расчетом, сколько красивым и энергичным словом, сдобренным всяческими обещаниями.

— Да, конечно...

Мы распрощались. Лисняк широко зашагал к стану. Торопился к бригаде, спешил. Через минуту его старая шахтерская каска затерялась среди десятков других, старых и новых, темных и цветных, устремившихся радужным потоком к зданию стана.

Секрет Якова Прищенко

— Да вы не стесняйтесь! Рвите любое. Ну, какое на вас смотрит? — Мы сидели в маленьком саду у дома, и хозяин неутомимо потчевал гостей яблоками.—Саду этому четыре года. Сам сажал. А нынче урожай, видите. Ничего урожай, нормальный.

— Увлекаетесь садоводством?

— Да как сказать. Говорят, хорошее питание от силикоза охраняет. Яблоки очень необходимы. Ну, и красиво, конечно. Весной-то как они цвели! Это ж видеть надо!

Яков Прищенко работает на шахте уже второй десяток. Маленький, крепко сбитый, лицо чуть вытянутое, но стоит ему улыбнуться, и становится оно почти круглым и удивительно добродушным.

Судьба Якова Прищенко очень напоминает судьбу Дмитрия Лисняка, с которым я вчера обедал. Даже не удержался, спросил Якова, не знаком ли он с Дмитрием. Нет, конечно. Дмитрий — в Коммунарске, Яков — в Кадиевке.

Прищенко, хоть и моложе Дмитрия Лисняка и ростом не вышел, но тоже во время войны оказался в Германии. Он не строил бомбоубежищ, а пас коров у помещицы в Восточной Пруссии.

— В сорок пятом убежала хозяйка. А тут и танки наши. Весной было. Земля только-только просыпалась. В дом к нам полковник зашел. Я на него так и уставился. А он на меня. Знакомое, говорит, лицо. Я его тогда по фамилии назвал. Удивился полковник, откуда, мол, его знаю. А как не знать, он родом из нашего же Лубенского района, из соседнего села. Обрадовался полковник, что земляка встретил. Три дня я в полку прожил. Просил, чтоб с собою взяли. Отказали. На твою жизнь, говорят, дел хватит. Будем считать тебя сыном нашего полка. Не подведи, смотри. За многих тебе придется поработать, как и всем нам, кто в живых останется. Понял?

Яков вернулся в свое село. Тяпками поле под пшеницу поднимал. Не то что тракторов, лопат не хватало в первое время. Потом уж стал трактористом, через два года. Тогда более менее по-человечески зажили, полегче стало. Потом он уехал из села с комсомольской путевкой на шахты Донбасса.

Первого января 1948 года Прищенко спустился под землю уже не учащимся ФЗО, а забойщиком. Рядом с ним в лаве работал Степан Никифорович Стариков. Знал тогда Яков только одно, что работает вместе со знаменитым человеком: за три месяца до этого, в тот день, когда шахта дала первый послевоенный уголек, нарубил Стариков 450 процентов сменной нормы.

«Как же он исхитрился?» — думал Прищенко. Вскоре он вроде бы понял, в чем тут дело. Степан Никифорович всю войну сапером прошел. Известно, какая это работа. Саперы два раза в жизни ошибаются. Один раз ясно когда: мина не игрушка. А первый раз, когда в саперы идут. Много, знать, дружков фронтовых Старикова ошиблось по два раза. За них он, может, лишние 350 процентов и рубает. Не говорил он, правда, никому об этом. Да и сам Яков ни разу не заикался, что зачислили его весной сорок пятого в сыновья полка. И зачем говорить? Дело делать надо.

Сотрудник шахтной многотиражки Семен Михайлович Шор подарил мне свою книжку. «Хозяева подземных кладовых» — история кадиевской шахты имени Ильича. Один из хозяев — как раз Яков Прищенко. В книге есть его портрет и сказано, что «он до мельчайших подробностей продумал весь свой рабочий процесс в лаве, распределил время так, чтобы ни одна минута не пропала. Благодаря этому Яков Прищенко добился самой высокой производи-

Окончание на стр. 25.

Вечный огонь Краснодона и...
...огни большой химии Северодонецка.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Нина, Валя, Рая с завода стеклопластиков, где средний возраст рабочих 24,7 года.

ЗА 35 ЛЕТ ДО 7 НОЯБРЯ 2000 ГОДА

Андре ВЮРМСЕР

На каждом углу вы можете встретить благонамеренных людей, которые с возмущением восклицают: «Ах, какую глупую политику проводят США!» Это очень похоже на то, как глава французских социалистов уже несколько лет говорит, что законы его страны — самые глупые в мире. Такое принижение противника кажется мне глупым и оскорбительным. Оскорбительным для рабочего класса и для народов, которые борются за свое освобождение: если американскую политику — или политику империализма вообще (ибо США практически являются неоспоримым лидером западного мира)—называть глупой, то придется признать глупыми и нас самих, ибо мы пока не смогли одержать полной победы.

Нет, империализм не глуп и не гениален, он просто исторически несправедлив. Он идет против течения, он уже устарел, он мешает росту производительных сил, но тем не менее он пока продолжает существовать. Он принужден держать большую часть мира в невежестве и нищете, весь мир — под угрозой ужасной войны. Он вреден, отвратителен, опасен.

Столкновение классовых сил, причины и условия которого были изучены Марксом и Энгельсом и исход которого они предсказали, происходит уже почти два века. Самое слабое звено цепи лопнуло в октябре 1917 года. Между 1945 и 1965 годами из этой цепи выпало еще несколько звеньев. Оставшаяся цепь ослабевает с каждым днем, и завтра мы можем стать свидетелями того, как выйдет из строя ее очередное звено.

Но политика, проводимая империализмом, пока еще позволяет ему удерживать под своим гнетом почти полмира. Эта политика жестока, она вызывает гнев народов. Это верно. Но не будь политика империализма жестокой, разве спасала бы она капитализм?

Прошлое не притязает на то, чтобы возродиться в будущем. Капитализм не намеревается — даже если отдельные глупцы и мечтают об этом — восстановить царя всея Руси на руинах большевизма. Капитализм жаждет только одного — продлить свое существование. И он пока продолжает существовать. Он пытается выиграть время, заставить противника свернуть с избранного пути, отсрочить свой роковой час. В глубине души он и не надеется на большее.

Прошло уже почти полвека с тех пор, как знамя свободы было водружено над Зимним дворцом, и вы называете глупцами капиталистов, тех, кому удалось протянуть после этого еще полвека? Для капиталистов эти полвека все-таки означают новые миллиарды долларов прибылей, продолжение привилегий, несправедливости, это значит еще полвека власти денег.

Вообразите, что все банкиры, поразмыслив над произведениями Маркса, скажут себе: «Мы заблуждались, да здравствует социализм!» Представьте, что, прочтя Полное собрание сочинений Ленина, они устроят шествие в парламент и торжественно возвратят нации все блага, которые они себе присвоили. Вообразите, что встреченные бурей аплодисментов помещики любезно отдадут свои земли тем, кто их обрабатывает. Вообразите, что президент Джонсон и генерал де Голль примирились бы и вместе вступили в партию братства: один — в Коммунистическую партию Америки, другой — во Французскую коммунистическую партию. Что бы сделал я? Ну, совершенно очевидно — если бы это невозможное стало реальностью, я перестал бы быть марксистом, потому что история опровергла бы все, чему нас учили о классовой борьбе, классовой солидарности, о классовом сознании, о невозможности того, чтобы господствующий класс добровольно отказался от своих привилегий и власти.

Это не означает, однако, что никакое государство не может мирно прийти к социализму, ибо каста привилегированных численно уменьшается, и может случиться так, что большинство граждан нации решит избавиться от паразитов. Но если это произойдет, то произойдет наперекор паразитам.

Это значит, что такое завоевание власти отнюдь не будет походить на конец романа Диккенса, где все обнимаются, плача от умиления.

Не только за власть, но даже за право есть досыта, чтобы не умереть с голода, приходится вести непримиримую борьбу.

Труд и капитал никогда не объединятся. Только победа труда, который объединит всех своих приверженцев, может завершить это противоборство.

Но боевое единство трудящихся и всех народов в борьбе за свою независимость вовсе не означает единой формы борьбы. Единство не значит униформизм. Требование перехода к социализму парламентским путем для гватемальцев так же неприемлемо, как для французских рабочих уйти теперь в «маки».

На съезде Французской коммунистической партии присутствовали многие делегации братских партий. Одному иностранному политическому журналу пришла идея собрать за одним столом делегатов из разных партий: кубинца, бразильца, чилийца, венесуэльца и некоторых других — и спросить их об общей для всех проблеме, которая является ключевым вопросом социального освобождения их стран,— об аграрной реформе. И присутствующие тотчас же пришли к соглашению... что в каждой стране этот вопрос должен решаться по-своему.

Перед их нациями стоит в общем та же проблема: гнет США, крупные землевладельцы, монокультура. Политика каждой коммунистической партии идентична в своих конечных целях: обобществление земли и средств производства. Но та же политика в зависимости от конкретных условий отличалась и должна отличаться по своим методам и тактике.

Это разнообразие методов борьбы будет увеличиваться год от года по мере того, как будут добиваться освобождения народы стран, находящихся на разных уровнях развития и имеющих разные режимы. Мы часто забываем, что мы далеко не исчерпали всего опыта, и что, например, мы пока не знаем, в какой форме произойдет переход к социализму в крупных индустриальных странах— США, Англии, Франции,— и что проблемы, которые тогда возникнут перед социализмом, пока совершенно неведомы нам.

Но в то время как разнообразие форм будет увеличиваться, единство будет укрепляться. Полвека назад великая революция в России меньше волновала какого-нибудь парижского буржуа, чем сегодня очередной мятеж в Сеуле. Мир оказался удивительно взаимосвязанным. Никто в этом не сомневается: победа во Вьетнаме — это обещание независимости для бразильцев; победа демократии в Перу стала бы победой для лаосцев; больше того: хороший урожай сахара на Кубе — это шаг вперед всего рабочего класса в его борьбе против международного капитала. В самом деле, подумайте о кубинцах, танцующих на улицах Гаваны, об испанских заключенных, закованных в тюрьмах Бургоса, о солдатах Ханоя, о гвинейцах и парижанах; по-разному выглядят их выступления, но цвет знамен у всех один — красный, они поют разные песни, но «Интернационал» у всех один. Разве в этом не отражается разнообразие и единство?

Власть капиталистов может принимать разные формы, но природа ее остается неизменной. Она возвращается к формам, которые, как считали, давно исчезли, по крайней мере в западных демократиях. Нацизм, например, возродил доисторическое варварство. Американский империализм — жесточайшие методы колониализма прошлого века. Но это не мешает металлургам бастовать, бретонским крестьянам устраивать демонстрации в Париже, студентам выступать против антидемократических мер министерства просвещения, а коммунистам констатировать заметный прогресс, который происходит в распространении их идеологии среди непролетарских масс, чья поддержка рабочему классу так необходима.

Октябрь с большой буквы — праздник трудящихся там, где они победили, или там, где они победят, праздник всех тех, кто связывает с этой победой свои надежды человека и патриота.

И знаете, о чем я еще думаю 7 ноября 1965 года? Я думаю об одном из тех детей, которые родятся 7 ноября 1965 года в Советском Союзе.

Ему будет 35 в 2000 году. 7 ноября двухтысячного года он будет объяснять своему сыну (очень удивленному, ибо детям всегда кажется, что их отцы очень старые люди, которые знали еще Ивана Грозного или по крайней мере Сергея Эйзенштейна) — он будет объяснять, что он, отец, был слишком мал, чтобы помнить, как первый человек высадился на Луне. Но зато он хорошо помнит, как все человечество праздновало исчезновение последнего правительства капитала.

Я не думаю, дорогие читатели «Огонька», что он, наш сегодняшний новорожденный, будет очень хорошо помнить вас или меня. Младшее поколение всегда плохо представляет себе трудности, которые пришлось преодолеть старшим. Наиболее вероятно, что и этот сын поймет отца не вполне хорошо; у него будет своя жизнь, свое счастье, своя культура. И кто знает, что он подумает об этой статье, если ему взбредет на ум ее прочесть в ноябре 2000 года, чтобы убить время в дороге (межзвездные путешествия будут такими скучными, не правда ли?). Может быть, он подумает только, что этот Вюрмсер был большим оптимистом и что человек меняется еще не так быстро, как политические режимы, которые, увы, меняются слишком медленно.

Нам трудно представить проблемы этого будущего малыша. Но всем, абсолютно всем будет обязан он нам, этот малыш, который сегодня, 7 ноября 1965 года, пищит в своей кроватке, словно протестуя против того, что мир, который его принял, еще не такой прекрасный, каким он должен быть. И каким он когда-нибудь обязательно станет. И если тогда, в будущем, при мысли о тех из нас, кто погиб ради того, чтобы в мире никогда больше не было голодных, ради всех малышей, которые родятся на земле, если при этой мысли у него не блеснут в глазах слезы, я, товарищи, заранее отрекаюсь от него.

Мне всегда казалось, что ночью небо над Долиной Тростников[1] выше, чем где-либо на свете. Бескрайние просторы долины тонут в тумане, и шум там, как на море, но море это зеленое, а шум — от немолкающего голоса ветра. В апреле здесь еще не идут дожди, днем ослепительно сияет солнце, а ночью наступает прохлада. Ветры гуляют по этой обнаженной земле, не встречая помех.

Через два часа взвод пойдет в бой. А пока я вместе с бойцами лежу в укрытии. Все они очень молоды. Гуу, помощнику командира взвода, всего двадцать три года. Он только что рассказал мне о назначенной на утро боевой операции:

— Я уверен, что они обязательно бросят против нас вертолеты с пехотой, чтобы отрезать дорогу первому взводу, когда он будет возвращаться после атаки на опорный пункт. Они знают, что другой дороги на нашу базу нет. А мы, второй взвод, устроим засаду как раз в том месте, где они рассчитывают перехватить наших. Вот и случай поглядеть, как мы охотимся на их «орлов»[2].

Я с радостью принял его предложение. Гуу продолжал:

— Увидишь то, что и во сне не снилось... Мы приготовим им хорошую встречу. У нас ведь неплохие резервы...

— Какие же резервы?— спросил я.

— Кроме первого взвода, который будет возвращаться после атаки, есть и еще один резерв, очень надежный.

Мне показалось, что Гуу улыбнулся в темноте. Он подвинулся ближе и шепнул мне на ухо:

— Крестьяне соседних деревень подожгут траву на равнине. Получится дымовая завеса. И Куэ... Куэ тоже будет там,— добавил он неожиданно.

— Кто это Куэ?— спрашиваю я.

— Как мне назвать ее? Моей женой, возлюбленной, невестой?..

Гуу умолк и о чем-то задумался. Резкий порыв ветра ворвался в укрытие и заметался в нем. Слышно было, как в ночной прохладе похрапывает несколько бойцов. Где-то далеко, очень далеко, озаряя темную синеву неба, извивалось гигантской змеей пламя, это горела трава. Четко вырисовываясь на фоне неба и огня, понурив головы и спотыкаясь, шагают запряженные в телегу буйволы. У них широко расставленные гнутые рога. Колеса на железных ободьях стонут и скрежещут по каменистой земле.

Вдруг руки Гуу ложатся мне на плечи. Я спрашиваю его:

— Сколько лет Куэ?

— Девятнадцать.

— А откуда она родом?

Гуу гибким движением вскакивает на ноги и протягивает руку:

— Вон оттуда... Ее деревня по ту сторону большого леса. Сейчас не видно, но днем... Утром мы будем проходить по тем местам... Она была еще маленькой, когда я с ней познакомился. Она была очень храброй, этот ребенок. Ее ранили в плечо, кровь лилась ручьем — и ни слезинки, ни слова жалобы...

— Как же... это случилось? Ее ранили пулей?

— Нет... Штыком... Враг... Как подумаю об этом!..

Молодой офицер возбужденно провел пальцами по волосам.

— Вначале я любил ее, как сестру. Это был тяжелый пятьдесят девятый год, мне самому едва минуло двадцать лет. Я руководил молодежной организацией в деревне, и днем приходилось все время скрываться. В ту пору дьемовские каратели и их шпики могли еще творить все, что им взбредет в голову. Куэ приносила мне еду. Она была сиротой и жила у своей бабушки. Только они с бабушкой и знали, где я прячусь. Агенты Дьема упорно меня разыскивали, они понимали, что я скрываюсь где-то поблизости. И каждый имел задание день и ночь вести наблюдение за каким-нибудь домом... Однажды, когда Куэ несла мне еду, было это перед рассветом...

Гуу замолчал. В темноте послышались шаги. Вошел солдат и спросил:

— Здесь помощник командира взвода?

— Это я,— сказал Гуу.

— Командир роты приказал передать, что мы выступаем раньше намеченного времени. Приказано разбудить бойцов. Через десять минут сбор...

Мы встаем. Девять часов вечера. Спавших солдат будят, некоторые ежатся, позевывают. Все приготовления к походу быстро закончены. Гуу предупреждает:

— Проверьте, товарищи, не забыли ли чего-нибудь.

В полоске света от моего карманного фонарика — только разбросанная по земле солома.

Два взвода трогаются. Солдаты идут цепочкой, сохраняя интервалы в пять метров. Позиция нашего взвода, который остается в засаде, где-то недалеко. От нее до опорного пункта противника Гьеп Тханх всего четыре километра. На обратном пути, после атаки, первый взвод снова пройдет по этой дороге.

Солдаты сразу начинают рыть окопы по линии, напоминающей контур ласточкиного крыла. Первым делом они бережно поднимают травянистый земляной покров. После того как окопы будут отрыты, дерн послужит хорошей маскировкой, которой здесь уделяется большое внимание. У меня и Гуу общее укрытие. Поля вокруг пустынны. Неприятеля не видно. Все бойцы, кроме тех, кто решил покурить, вышли из окопов. Через некоторое время я спускаюсь в окоп, там, тесно прижавшись друг к другу, мы с Гуу закуриваем. Дно окопа мы выложили толстым слоем сухой травы. Снаружи от вечерней росы веет приятной прохладой, а в окопе тепло.

Гуу говорит мне:

— Пока делать нам нечего. Воспользуемся этим и покурим: с рассветом не до сигарет будет. Прежде, в годы подполья, приходилось отказывать себе в курении: запах табака мог навести на след. Вот и теперь неприятельские дозоры курят, и на следующее утро мы узнаем по запаху воды в лужах, где они были ночью.

Мне приходит на память страшное время — 1954—1959 годы. Я говорю:

— Ты начал мне рассказывать, как однажды, когда Куэ носила еду, ее выследили дьемовцы...

— Да, да... Куэ условным стуком давала мне знать, что пришла. Я поднимал трап и говорил ей: «Спускайся сюда, Куэ. Расскажешь мне, что там нового на белом свете». Она забиралась в подземелье. Одной рукой я опускал трап, другой расправлял покрывавшие его для маскировки бамбуковые листья. Однажды Куэ сидела со мной. Она заметила, что на мне порвана куртка, и сказала: «Скиньте ее, я починю». Она вынула из кармана нитки и иголку и стала зашивать дырку. Я тем временем принялся за завтрак, который она принесла мне. Вдруг Куэ стала всхлипывать. Я понял, что ей жалко меня, сидящего в этой дыре, и сказал ей: «Из-за этого, Куэ, не надо плакать».

Так мы продолжали разговаривать с ней в полумраке подземелья, как вдруг я услышал над нашими головами чьи-то шаги. В яме были только три небольших отверстия для вентиляции, они пропускали очень слабый дневной свет. Мы затаили дыхание, прислушиваясь к тому, что происходит над нами. Кто-то растаскивал сухие бамбуковые ветки, они шуршали по земле. Вдруг послышался глухой удар. Вражеский штык проткнул то, что служило крышей, и прошел между нашими головами,

---

[1] Редконаселенный болотистый район между Сайгоном и камбоджийской границей.

[2] Так американцы называют свои вертолеты.

ДЫМ НАД РАВНИНОЙ

Анх ДОК

Рассказ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Этот рассказ принадлежит перу молодого южновьетнамского писателя, борющегося в рядах Народно-освободительной армии. Рассказ привезла из джунглей Южного Вьетнама и опубликовала во французском журнале «Эроп» (№36,1965) известная французская журналистка Мадлен Риффо, недавно посетившая партизанские районы этой страны.

моей и Куэ. Я снял предохранитель с одной из гранат. Еще удар. На этот раз штык угодил Куэ в плечо. В тусклом свете я все-таки увидел, как она закусила губы от боли. Я решил, что нам остается одно: выйти из подземелья, швырнуть гранату и бежать. Едва успел я приподняться, как Куэ отвела мою руку, сорвала с шеи платок и приложила его к концу штыка, проткнувшего ей плечо. Как только штык стали вытаскивать, Куэ быстрым движением вытерла с него кровь. Все это произошло в считанные мгновения. Куэ сидела молча и не двигалась. Лишь после того как штык совсем исчез, я понял, что враг нас не обнаружил. Шум и возня над нашими головами стали утихать. Я обхватил рукой плечи Куэ. Лицо ее было бледно. Я дотронулся до ее плеча — пальцы мои стали мокрыми от крови. Теплая струйка крови полилась мне на грудь. Ощупью нашел я платок Куэ и перевязал ей рану.

Мы долго молчали, потом Куэ прошептала: «Они ушли...»

Действительно, уже некоторое время наверху все было совершенно тихо.

Гуу глубоко затянулся сигаретой и покачал головой.

— Ночью я вывел Куэ из подземелья. Она потеряла много крови и не могла поднять руку. И все так же — ни стона, ни слезинки! Позже, когда мы лучше узнали и полюбили друг друга, она сказала мне: «Знаете, это из любви к вам я тогда заплакала...»

Больше десяти дней носила мне пищу бабушка,— продолжал свой рассказ Гуу.— А попотом Куэ, оправившись, пришла снова. В порыве любви я обнял ее и не мог сдержаться — заплакал сам. Куэ покраснела и тихо сказала: «Вот теперь вы, большой брат, плачете...» Да, это было сильнее меня, я плакал и никогда этого не забуду. Куэ показала мне раненое плечо и просто сказала: «Видите, все прошло». Но что-то все же осталось: быстро поднимать правую руку она не может.

В нашем окопе снова наступило молчание. Потом Гуу сказал мне:

— Ну вот и все... Что же ты думаешь об этом?

— Что я думаю? Замечательная девушка!.. Женись на ней, не мешкая.. Правда, оба вы еще очень молоды,— добавил я, поразмыслив.

— Да, это верно, но мы иногда месяцами не видимся...

— Если она завтра там будет, ты познакомишь меня с ней?

Гуу утвердительно кивнул.

— Который теперь час?— спросил он меня.

— Два часа.

— Отдохнем немного.

Я прислонился спиной к стенке окопа и пытался уснуть. Но я не мог сомкнуть глаз. Быть может, из-за этой любовной истории. Куэ... должно быть, она так же красива, как храбра!.. Сквозь щели между пластами дерна, покрывавшего окоп, я видел небо и мерцающие звезды. Эта ночь в Долине Тростников казалась еще прекрасней после рассказа о молодой девушке. На полях мелькали огоньки, они оповещали об идущей там пехоте. Ветер тихо шелестел травой. Все на этой бескрайней и мирной равнине выглядело сказочным, но уже близился знойный день. Недолго длилась и тишина. Со стороны опорного пункта Гьеп Тханх донесся ритмичный грохот минометов.

— Началось,— сказал Гуу.— Первый взвод вступил в дело.

Бой разгорелся, стрельба становилась все чаще. Яростно трещали вражеские автоматы. Гуу показал рукой в сторону опорного пункта врага.

— Все идет хорошо. Кое-какое оружие, наверное, перепадет нам. Но не это самое важное. Главное, чтобы явились сюда вертолеты.

Минометный обстрел длится уже с полчаса. Потом становится реже. Время от времени со стороны опорного пункта доносится пулеметная очередь,—это сайгонские вояки пытаются придать себе храбрости. Потом воцаряется прежняя тишина. Совсем рассвело. Отдан приказ: из окопов больше не выходить. Гуу крепко прижимает к себе ствол «Харанта».

Ночь сбросила свое покрывало. В высокой траве, обильно покрытой росой, запели птицы. Небо окрасилось розовым цветом, цветом гладиолусов. Гуу краем куртки прикрывает от первых лучей солнца серебристо-белый ствол и штык «Харанта».

Меня раньше тревожил гул приближающихся вертолетов, а теперь я с радостным нетерпением ожидал их появления. Думаю, что в этом чувстве я не был одинок. Весь взвод ждал их, ждал уверенно. Никто не сомневался, что «орлы» безнаказанно от нас не уйдут: мы расставили им сети, и они неизбежно попадут в них.

Долго нам ждать не пришлось. Еще не успело солнце подняться повыше над равниной, как мы услышали шум авиационных моторов. Гуу крикнул: «Внимание, истребители!» Отодвинув траву, прикрывающую вход в окоп, он поднялся во весь рост и стал всматриваться в сторону востока.

— Идут два истребителя,— сообщил он.

Я тоже поднялся и увидел: на нас летят два самолета, два стервятника. Мы пригнулись и снова замаскировались. Самолеты описали широкий круг. Когда они пролетали над нашими окопами, я заметил, как у них под крыльями блеснули серебристые ракеты; с оглушительным грохотом они разорвались неподалеку от наших позиций. Равнина загорелась. Красные змейки огня побежали, извиваясь, по еще покрытому росою травяному морю. Потрескивала от жара и трава над нашими головами. Сильный порыв ветра погнал огонь на нас, и нам показалось, что пламя нас обожгло. Но оно промчалось мимо. Маскировка наша обуглилась, а мы уцелели. Только пепел облепил нам лица, глаза.

Гуу тихо произнес:

— Это ничего. Не беспокойся.

Подготовительная бомбежка с воздуха длится десять минут. Потом мы слышим глухой непрерывный гул. Гуу дергает меня за рукав: «Вертолеты!» Из всех окопов несутся радостные возгласы:

— Вертолеты! Вот они!

Из окопа в окоп передают запрос:

— У вас нет потерь? Первая тройка, вторая тройка, отвечайте!

И кто-то отвечает с задором:

— Ни черта! Только спину немного погрело!

Офицер напоминает, что по вражеским солдатам, которые высадятся из вертолетов первыми, стрелять не надо — выждать высадки второго эшелона. Гуу поднимает вверх стволом свой автомат и сухо щелкает затвором. В ясном небе появляются освещенные утренним солнцем вертолеты. Их тринадцать, они идут оттуда же, откуда явились истребители: шесть «гусениц» с двумя винтами, шесть одномоторных «крестов» и в гордом одиночестве очень высоко тринадцатый — «летающий банан», на борту которого, несомненно, находится командование операцией. Летят они наподобие рыбы «лок»[1] — двумя косяками...

Первый отряд десантников начинает высаживаться. Оглушительно трещат моторы, с земли вздымаются тучи пепла и пыли.

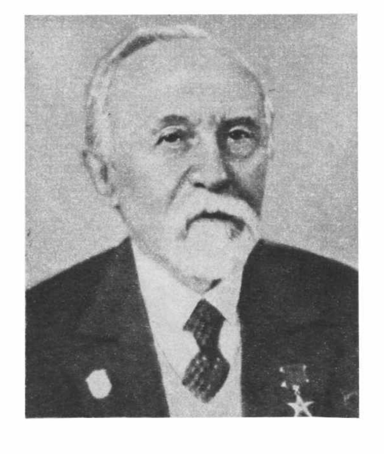
— Эти уже на земле!— кричит Гуу.

Теперь они слева от нас. Из боковых дверей вертолетов спускаются в своих тяжелых серожелтых брезентовых облачениях сайгонские наемники, держа наготове оружие. Появляется голова американца в больших темных защитных очках. Враг в каких-нибудь ста метрах от нас, виден как на ладони. Но сожженная трава все еще скрывает нас от его глаз. Гуу медленно поднимает автомат к плечу...

Их целый взвод, они отличная мишень для

[1] Вид летающих морских рыб.

«ДОЛЯ НАРОДА, СЧАСТЬЕ ЕГО...»

(К 100-летию со дня рождения академика Д. Н. Прянишникова)

В те годы революционные увлечения воспитанников иркутской гимназии, где учился Д. Н. Прянишников, приводили в ярость чиновников из учебного округа. В отместку за непослушание и строптивость и была прислана каверзная тема сочинения — «Чувства русского по поводу священного коронования». Тема озадачила не только гимназистов, но и преподавателей. У всех стоял перед глазами недавно казненный за революционную работу, горячо любимый гимназический учитель Неустроев...

Прянишникову не удалось найти торжественных слов «о священном короновании». Кое-как написав две страницы, он закончил сочинение словами Некрасова:

Доля народа, счастье его —
Свет и свобода прежде всего.

Сочинение было оценено тройкой с минусом. Но эта тройка стоила многих высших баллов. Это была аннибалова клятва...

Семнадцатилетним юношей Дмитрий Прянишников вместе с матерью и братом переезжает после окончания гимназии из Иркутска в Москву и поступает в университет. Одной из первых книг, оказавшихся в его руках в те годы, был «Капитал» Карла Маркса. В русском переводе книгу давно уже конфисковали, и поэтому Прянишников читал французский экземпляр. Книга учила мыслить. Она показывала всю глубину и сложность вопросов экономики, которым потом будущий ученый будет уделять столько внимания.

Горячее стремление Прянишникова служить народу, возникшее в стенах иркутской гимназии, еще более укрепилось и упрочилось на берегах Москвы-реки. Перейдя с математического отделения на естественное, он увлекся новыми науками. В них будущий ученый увидел огромную силу, способную служить народу. Овладеть тайнами плодородия, повысить урожаи, избавить людей от голода.

Климент Аркадьевич Тимирязев возлагает большие надежды на своего любимого ученика. Он всячески помогает ему развивать молодую науку о питании растений. Начинается массовая постановка вегетационных опытов.

Учение об удобрении включается в работу кафедры Прянишникова. Сотнями, тысячами многократно повторенных вегетационных и полевых опытов он доказывает вздорность и несостоятельность разговоров о бесполезности минеральных удобрений в России.

С большой радостью встретил Прянишников Октябрь. И в этом он оказался достойным учеником Тимирязева.

Лаборатория Прянишникова срочно выполняет заказы Московского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Одной из основных мер к тому, чтобы преодолеть недостаток продовольствия в стране, по мнению Прянишникова, было увеличение посевов и урожайности картофеля. Дмитрий Николаевич читает лекции, пишет статьи, брошюры, издает плакаты.

Вместе с профессором Я. В. Самойловым и академиком Э. В. Брицке Прянишников создает институт удобрений, сыгравший большую роль в химизации земледелия.

Не все были согласны с Прянишниковым. Руководитель кафедры земледелия Тимирязевской академии В. Р. Вильямс придерживался другого мнения. «Удобренцы» из школы Прянишникова,— говорил Вильямс,— хотят взвалить на плечи страны тяжелую ношу строительства химической промышленности. Можно обойтись без нее».

Речи Вильямса многих подкупали. Они обещали более легкий путь подъема земледелия. Агрохимики подверглись гонениям. Тучи нависли и над Д. Н. Прянишниковым. Но он не отступал. На его стороне были данные точных опытов, на его стороне была наука.

Когда началась Отечественная война, ученому шел восьмой десяток. Он неустанно заботился о переброске заводов минеральных удобрений в Среднюю Азию, активно вмешивается в дело подъема полеводства на востоке страны.

Самый большой памятник выдающемуся ученому — нынешние успехи в развитии химической промышленности удобрений. «Доля народа, счастье его...» — написал ученый в своем школьном сочинении. Всей своей жизнью он доказал верность этой юношеской клятве...

гор. Шацк.

С. ХРАПКОВ

Джон ОКАЙ
(Гана)

Цветы Октября

Славно сделана
Революция,
Революция, Революция,
Не бестелая
И не куцая
«Постепенная эволюция»,
Когда любят вещать
Мудрецы и вожди: «Жди!»
Проповедуют бедному: «Рай
впереди —
Жди!»
Когда воли и доли ждет человек
Целый век,
И не могут сломать и отбросить
оков
Пять веков;
И живут бедняки
У реки,
У воды,
Умываясь слезами тоски и беды;
Когда мастер волшебных кувшинов
В свой дом
Носит воду худым решетом
В Петербурге ли,
Питсбурге,
Йоханнесбурге;
Когда в солнечный полдень
Мечта чудака
Слепо тычется,
Словно полет мотылька,
Привлеченного смутным сияньем
свечи
В непроглядной ночи,
В той глухой и предательской мгле,
Где затерян неслышимый крик
Паренька
На крутом берегу Миссисипи,
Где гора и крест,
И ружейный треск;
Черный холм,
Черный крест,
Черный дым;
В луже крови своей
Черный человек,
Погибший таким молодым.

* * *

И когда люди больше не могут
ждать,
Больше не в силах ждать
Тех желанных толчков изменения
судьбы,
И Октябрь ловит жажду борьбы
В их глазах и сердцах,—

нашего оружия, но это оружие пока молчит. Грозная, устрашающая тишина. Я смотрю на напряженное лицо Гуу и вижу, как трудно ему ждать. Перед моими глазами вдруг встала Куэ, острый штык, вонзающийся в плечо, алая кровь...

Бой вспыхивает в тот момент, когда солдаты второго вражеского отряда приступают к высадке, но еще не успевают ступить на землю. Наши стреляют без перерыва. Гуу расстрелял обойму. Он берет другую, перезаряжает автомат и вскакивает на край окопа. Два мощных, оглушительных взрыва. Оба вертолета охвачены огнем! Застигнутые врасплох вражеские солдаты в панике бегут, вопя от ужаса. Многие валятся на землю, зарываются головами в траву. Вертолеты заводят в лихорадочной спешке моторы и поднимаются в воздух. Подбит третий, его винт делает несколько оборотов, потом разлетается в куски. Командирский «летающий банан» подымается еще выше в небо и удирает, другие вертолеты спешат за ним.

Оставшиеся на земле сайгонские солдаты делают отчаянные попытки спрятаться от нашего огня. Но тут перед ними появляется наш взвод, возвращающийся после атаки на опорный пункт Гьеп Тханх. Наемники бросают оружие и поднимают вверх руки. Наши выскакивают из окопов и окружают их. Бой подходит к концу. Собранные вместе и построенные пленные шагают теперь в голове колонны. Бойцы нашего взвода, быстро разоружив пленных, идут сзади, прикрывая всю колонну. По обеим сторонам тропы в догорающей траве лежат убитые вражеские солдаты, одни ничком, другие закинув голову к небу. Сбитые вертолеты кажутся на земле гигантскими. В воздухе плывет едкий запах гари и бензина. Пламя в вертолетах уже погасло, но слабый дымок еще тянется из фюзеляжей, на которых отчетливо видны белые надписи «USArmy».

Мы вытаскиваем из вертолетов двух американцев. Они шатаются, колени у них дрожат. Один, в темных очках,— это, быть может, тот самый, которого я заметил перед началом боя. Кто-то из наших обыскивает американцев и отбирает у них пистолеты. Политкомиссар роты неторопливо подходит к ним и снимает у пленного очки, скрывающие его глаза.

— Следуйте за мной, и побыстрее!—говорит он по-английски.

Американцы становятся в ряды пленных. Наш ротный командир приказывает ускорить шаг. После того как мы десять минут быстро идем напрямик через поле, я слышу гул приближающихся истребителей. И в это же самое время равнина застилается густым дымом.

Гуу не спеша бросает мне на ходу:

— Это крестьяне ставят завесу.

Пленные замедляют ход, некоторые даже останавливаются. Оба американца, запыхавшись, смотрят на небо. Но наш ротный приказывает: «Поторопите их!» Американцам переводят эти слова. Один из них заявляет, что очень устал, но снова шагает, все время спотыкаясь. Скоро, совсем выбившись из сил, американцы начинают плакать. Нашим солдатам приходится их поддерживать, чтобы они не отставали.

Дым заволакивает равнину. Головная часть колонны вместе с пленными уже скрылась в дыму. Мы спешим вслед за ними. Я смутно различаю лишь босые ноги нескольких идущих впереди солдат. От дыма у меня из глаз

Знает только Октябрь,
Где истоки нежити злой,
Только пламя его
Может горе земли
Сделать пеплом,
Прахом,
Золой.

* * *

Всюду горы пепла видны,
Курганы погибшего зла...
Нет той песни
И тех ушей,
Тех цепей и того дворца,
Того дерева и луны,
Того неба, того дождя —
Потопа, что хижины снес,
Смешавшись с потоками слез;
Песни, которую петь
Заставляли кнутом и хлыстом,
Когда в Лобито пахали мы степь,
Хватая воздух запекшимся ртом,
И кровь с растресканных губ
На соленый падала пот,
А надсмотрщик, и подл и груб,
Гнал побоями нас, народ;
Ушей, не слышавших никогда
Слез и вздохов родной земли;
Дворца, что воздвигли люди
труда,
Но войти в него не могли;
Тяжелых ржавых цепей,
Гремевших на мышцах израненных
ног,—
Эти цепи среди опаленных степей
Нес народ по сотням дорог;
Луны, на тропинку влюбленных
господ
Лившей таинственный свет,
И лишь для тебя, народ,
Ни тропинки, ни света нет;
Дерева, которое растил
Твой и мой трудовой пот,
Но не смели сорвать с его ветки
плод
Мы, трудовой народ;
Безграничного неба, струящего
зной
Бесконечно, безжалостно, люто,
Бедному люду в юдоли земной
Не давая ни тени приюта.

* * *

Не осталось беды былой,
Ставшей пламени бренною данью.
Злое море стало золой,
Пеплом — тщетное ожиданье.
Не оставила миру весна
Той ограды, руки и сна,
Того ветра, что для насилья
Поднял коршуна в синюю даль,
Не дав белому голубю крылья,
А народ его ждал;
Ожиданья, что сотнями лет
Безнадежно тянулось на свете,
Когда в доме ни корочки хлеба
нет
И от голода гибнут дети;
Моря, которое не принесло
В мир ни свежести, ни тепла;
Руки, не дрожавшей, сжимая весло,
В лодке, что к морю несла
Вдаль от родины
Наши проданные,
Наши связанные тела;
И ограды, вставшей на нашей
земле,
Чтоб отца от детей отделить в
семье,
Чтобы сделать из матери и отца
Черных рабов купца;
И жестокого сна,
Ужасного сна,
Что пугало нас уродливым
чудищем,
Чтоб во чреве
От страха застыла весна,
Рождаемая миру будущим.

* * *

Из всего, что снес,
Сделал пеплом ты —
Горя, голода, бед и прочего,—
Над золой нищеты
Подняла цветы
Октября плодоносная почва.
И дворцы, и сады, и улицы —
Для белых и для черных ног.
Алабамские негры
Идут, не сутулятся,
По простору твоих дорог;
Море, наполняющее рыбами
Сковородки в русском и
кубинском дому;
Солнце, золотыми глыбами
Свет дарящее мне, тебе и ему;
Цветы Октября, которые
Цветут в сотнях новых поэм;
Водопады Волги, Вольты, Виктории,
Вливающие силу всем;
Нефть Сахары, Касаи золото
Станут благом для всей земли;
И вознесшие нас высоко и молодо
Космические корабли;
Груди матери
В Киеве,
Аккре,
Гаване,
Полные молока
Для детей, растущих, чтоб
свидеться с вами,
Будущие века!

**Перевел с английского
К. Гусев.**

ЛЕНИНСКИЙ ДОКУМЕНТ ОБРЕТАЕТ ДАТУ

Весной 1921 года в Казани А. Т. Углов, Н. В. Чистовский и другие изобретатели разработали усилитель для увеличения дальности разговоров по междугородным телефонным сетям. Усилитель давал такой громкий звук, что телефонную трубку приходилось отнимать от уха. Возникла мысль использовать установку для усиления речи оратора. К телефону приделали рупор, и люди впервые услышали на улице голос диктора.

Прочитав в газетах об успешном испытании рупора, В. И. Ленин написал управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову записку с просьбой проверить, так ли на самом деле было дело, и дать отчет о ходе радиостроительства. Эта записка впервые была опубликована в 1933 году в Ленинском сборнике. На ней не указана дата, и она вошла в общую подборку «Почта и телеграф» за август — декабрь 1921 года.

Не знаю, кто первым произвольно датировал этот документ, но вот уже много лет в работах по истории отечественной радиотехники значится, что он написан 16 сентября 1921 года. Эта дата встречалась и в периодической печати.

Хронология событий оказалась спутанной, лишенной логики.

Сегодня я могу точно сказать, когда именно Владимир Ильич давал это поручение Горбунову.

Напомню хорошо известные факты.

После успешных опытов в Казани Народный комиссариат почт и телеграфов в мае — июне 1921 года организовал испытания установки в Москве. Установка работала надежно и хорошо. Голос из рупора был слышен по всей площади перед зданием Моссовета. Газета «Известия» 2 июня писала о большом успехе испытаний, а на следующий день Совет труда и обороны принял постановление, утверждающее программу работ по развитию устной газеты в Москве. Этим постановлением предусматривалась звукофикация шести площадей столицы.

Через две недели, в июне, москвичи получили возможность каждый вечер слушать последние известия. Постановление Совета труда и обороны было выполнено.

Теперь уже очевидно, что ленинская записка об опытах по усилению речей отнесена к 16 сентября ошибочно. Она могла быть написана лишь до постановления Совета труда и обороны.

Я просмотрел сентябрьские и августовские номера «Правды» и «Известий», ни в одном из них не было сообщений о работе Углова. Зато поиски в газетах, вышедших до 3 июня, увенчались успехом.

Вот небольшая заметка, переданная Российским телеграфным агентством, которая была напечатана в «Правде» и «Известиях» 7 мая 1921 года:

«ГРОМКОГОВОРЯЩИЙ ТЕЛЕФОН

КАЗАНЬ, 3 мая. Первого мая на улицах Казани демонстрировался изобретенный местным инженером Чистовским усилитель для телефона. На Театральной площади и в красноармейском саду поставлены были рупоры, соединенные телефонными проводами с усилителем. Из рупора громко, ясно и отчетливо одновременно на обеих площадях слышно было чтение устной газеты. Тысячная толпа восторженно приветствовала новое изобретение».

Прочтем теперь начало ленинской записки Н. П. Горбунову:

«т. Горбунов!

Я читаю сегодня в газетах, что в Казани испытан (и дал прекрасные результаты) р у п о р, усиливающий телефон и говорящий т о л п е.

Проверьте через Острякова...».

Как видите, теперь можно утверждать, что записка относится к 7 мая 1921 года.

Любопытно, что по стечению обстоятельств Владимир Ильич сделал свой запрос о радиостроительстве 7 мая, в день, который широко отмечается в Советском Союзе как День радио!

Бор. ГРИГОРЬЕВ

текут слезы. Мы подходим к лесу. Вражеские самолеты настигают нас, но они беспорядочно кружат над облаками дыма, не зная, куда бросать бомбы. Я слышу треск пулеметов и где-то в стороне от нас громовые удары бомб. Земля дрожит. Наши бойцы укрываются под деревьями. Гуу и я прыгаем через какую-то канаву и ныряем в густую лесную чащу. Теперь уже вся колонна оставила позади окутанную дымом равнину, которую вражеские самолеты все еще продолжают осыпать бомбами.

Вскоре я услышал впереди колонны веселый шум, возгласы, смех.

Потом кто-то зовет:

— Гуу! О-э-э, Гу-у!..

Мы спешим туда. Вдруг Гуу резко останавливается, за ним и я. Под отягощенными плодами кокосовыми пальмами группа женщин и молодых девушек угощает наших бойцов молоком из надрезанных кокосовых орехов. Гуу говорит мне:

— Они только что вернулись оттуда, после того как зажгли степной пожар, чтобы нас закрыть... Но... вот она, Куэ!..

Я гляжу туда же и вижу очень юную девушку. Она кого-то ищет глазами. Услышав зов Гуу, она бежит ему навстречу. Не дойдя нескольких шагов до офицеров, она тихо произносит:

— Большой брат Гуу...

На ее лице, еще покрытом пеплом, проступает румянец. Пепел лежит на ее длинных волосах, и капли пота скатываются со лба на щеки. Она стоит перед Гуу и мной и смущенно перебирает пальцами косу, переброшенную на грудь. Так вот какая она, Куэ! Еще красивее, чем я ее представлял себе. Глаза у нее искрятся, под длинными ресницами словно прячется улыбка. Гуу нас знакомит. Куэ здоровается со мной и после смущенного молчания говорит:

— Пойду принесу вам кокосовых орехов напиться...

Она убегает и тотчас приносит плоды. Гуу кивает мне и говорит:

— Это для тебя.

И тут я замечаю, что Куэ несет тяжелый плод одной рукой, а правой только поддерживает, чтобы сохранить равновесие. Я беру у нее орех, не в силах сдержать дрожь: неужели правая рука у Куэ парализована?

Она говорит мне, улыбаясь:

— Наверное, дым сильно ел вам глаза?

— Да, развели страшный огонь...— отвечаю я.— Я чуть было не задохнулся. Но без этого дыма...

Отряд уже готовится уходить. Гуу и я торопливо прощаемся. Я ухожу и слышу, как Гуу говорит:

— Если удастся, завтра снова приду...

— Гуу, большой брат, возьмите этот платок, будете им вытирать пот...

Я оборачиваюсь. Синий платок Куэ на плече у Гуу. Появляются оба пленных американца. Они видят, какой любовью и теплотой окружают женщины и девушки наших солдат, и отворачиваются. Уходя, я оглядываюсь в последний раз на Куэ, которая стоит молча, провожая глазами Гуу. На Куэ, маленькую девушку, которая молча, без стона, вытерла свою кровь со штыка и только что разожгла спасительный для нас пожар.

Перевел с французского А. Маринский.

ВОЗЗВАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

«К гражданам России!» — так называлось воззвание Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, воззвание, известное ныне во всем мире. 25 октября 1917 года этот документ был напечатан в ежедневной вечерней газете «Рабочий и солдат».

О том, как создавалось воззвание, рассказывает в своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич:

«Утром 25 октября (7 ноября) Владимир Ильич сел писать первую прокламацию Октябрьской революции. Надо было написать кратко, сжато и все сказать в ней. Владимир Ильич быстро писал, и перечеркивал, и вновь писал. Вскоре он закончил и прочел нам вслух это первое обращение к широким народным массам от Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Я сейчас же переписал обращение, дал его еще раз прочесть Владимиру Ильичу и отвез в типографию. «К гражданам России!» — под этим названием оно было напечатано в № 8 нашей газеты «Рабочий и солдат» в среду 25 октября (7 ноября) 1917 г., датированное: «25 октября 1917 г. 10 ч. утра».

В. Д. Бонч-Бруевич почему-то не указал названия типографии, куда он доставил драгоценный листок бумаги, исписанный рукой Ильича.

«Рабочий и солдат» — орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, печаталась газета в типографии «Акционерного общества издательского дела «Копейка», находившейся в доме № 6 по Сайкину переулку.

В соответствии с приказом Керенского о закрытии всех большевистских газет на эту типографию 24 октября был совершен вооруженный налет.

Как произошло нападение? Как был спасен тираж? На эти вопросы дает ответ небольшая заметка без подписи, заверстанная в тот же номер, где было напечатано ленинское воззвание:

«В шесть с половиной часов вечера 24 октября в помещение типографии «Копейка» явился инспектор милиции вместе с семью милиционерами. Наложив арест на газету «Рабочий и солдат» и три прокламации Военно-революционного комитета, наряд тотчас приступил к разбитию стереотипов. Ему удалось разбить только один стереотип. Рабочие, сплотившись вокруг своих представителей, вместе с двумя матросами немедленно отбили нагруженный газетами автомобиль.

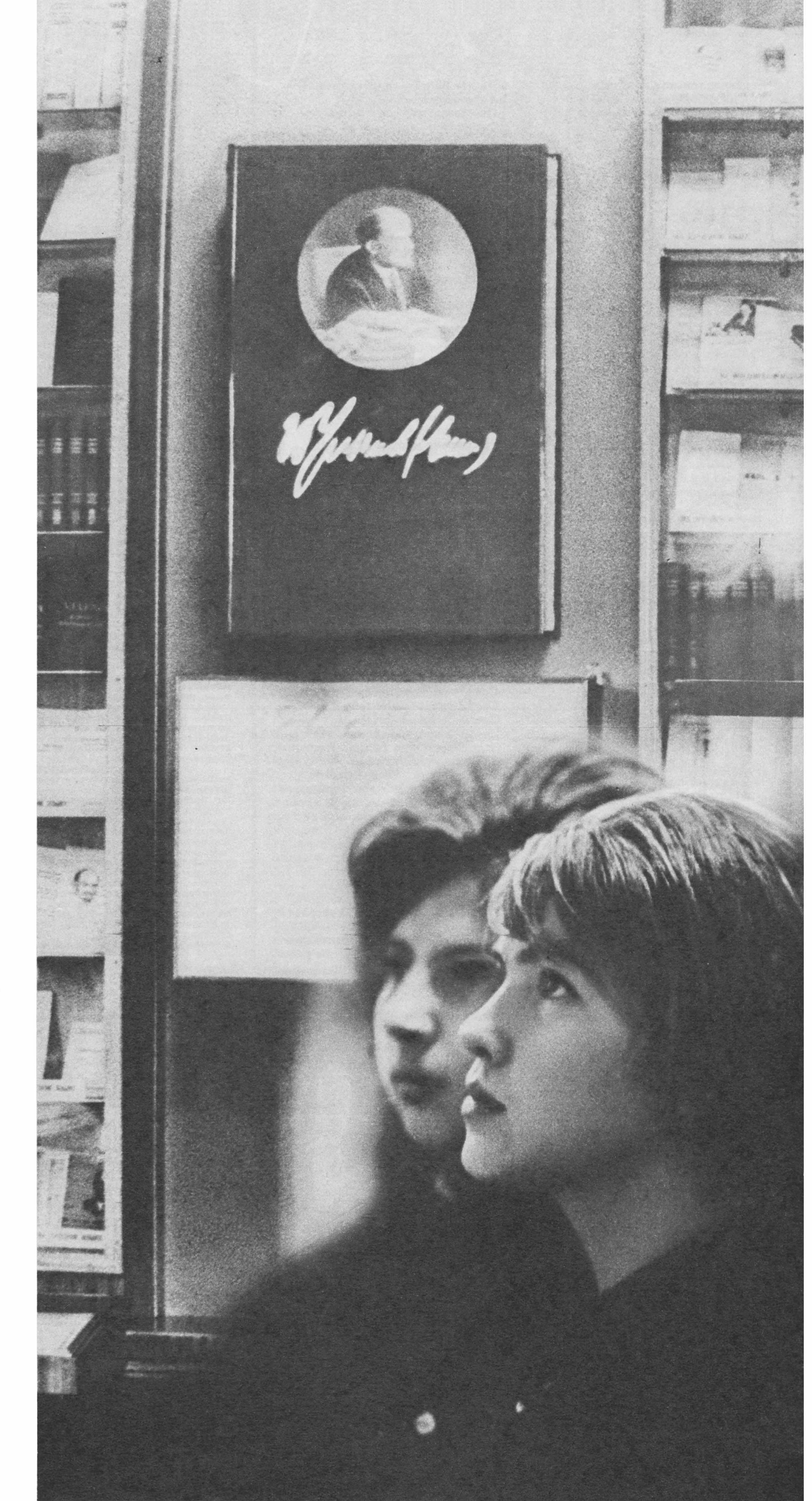
Среди милиционеров произошел раскол. Часть присоединилась к рабочим. В сопровождении отложившихся от Временного правительства милиционеров газета была благополучно доставлена в Смольный институт...

Администрация «Копейки» передала управление типографией совету старост рабочих, а Военно-революционный комитет немедленно послал охрану из двух взводов Преображенского полка. Порядок более никем не нарушался».

...Не сразу мне удалось доискаться: где же находится бывший Сайкин переулок? Выяснилось, что переулок носит имя Григорьева — печатника. А типография № 10 имени Никандра Григорьева, находящаяся на улице Константина Заслонова, 7,— та самая бывшая «Копейка», в которой было напечатано ленинское обращение «К гражданам России!».

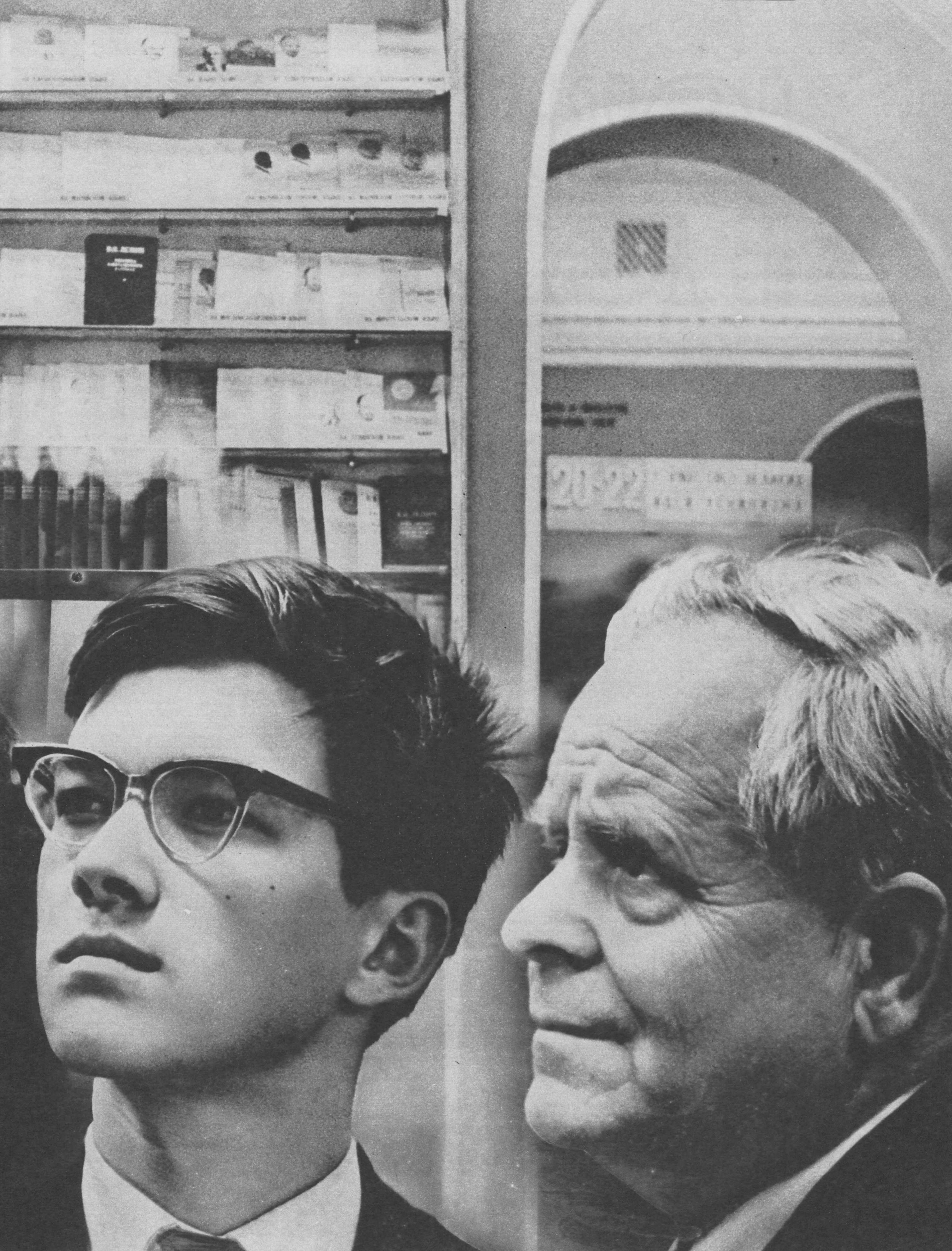
Рабочий-печатник, потом военный комиссар 6-й дивизии Никандр Григорьев погиб в боях гражданской войны и похоронен на Марсовом поле в Ленинграде. Кто знает, может, и он был среди рабочих, которые отбили налетчиков Временного правительства, старавшихся сорвать выпуск большевистской газеты.

К. ГРИЩИНСКИЙ

В Центральном музее В. И. Ленина.

Фото М. САВИНА.

Первый из десяти дней

А. СТАРЦЕВ

Чтобы представить себе подробно и с достаточной полнотой, где был и что делал Джон Рид 7 ноября в революционном Петрограде, мало будет прочитать соответствующую главу его знаменитой книги. Работая над книгой, Рид, по собственным его словам, стремился дать «сгусток истории»; он ничуть не заботился о том, чтобы запечатлеть себя для потомства. Но сейчас, когда каждая добавочная страница подлинных воспоминаний об Октябре — драгоценность для историка, хочется узнать, что видел, с кем встречался в Смольном, в Зимнем дворце, на улицах Петрограда этот американец с необычайной и героической судьбой, которому суждено было стать летописцем победных боев русского пролетариата.

Некоторую помощь биографу Рида могут оказать книги американских прогрессивных журналистов, бывших одновременно с Ридом в революционном Петрограде и не раз сопровождавших его. Все три книги, «Шесть красных месяцев в России» Луизы Брайант, жены Рида, «Красное сердце России» Бесси Битти и «Сквозь русскую революцию» Альберта Рис Вильямса, были написаны по горячим следам событий и в литературе об Октябрьской революции служат как бы спутниками «Десяти дней, которые потрясли мир».

Еще более верный источник сведений о Риде — недавно ставшие доступными исследователям его «русские блокноты», собственноручные дневниковые записи и заметки Рида, лишь часть которых он внес в свою книгу. В русских блокнотах не только творческая история книги, но и история самого автора.

Последние несколько суток перед восстанием Рид почти не спал. 6-го он покинул Смольный только под утро, когда узнал о первых успехах революции.

Четвертую главу своей книги, «Конец Временного правительства», он начинает с признания, что в среду 7 ноября встал поздно и, выйдя на Невский проспект, услышал выстрел полуденной пушки из Петропавловской крепости.

Свернув с Невского на Большую Морскую (ныне улица Герцена), Рид и Луиза Брайант подошли к караулу, выставленному у запертых дверей Государственного банка.

«— Вы чьи?— спросил я.— Вы за правительство?

— Нет больше правительства!— с улыбкой ответил солдат.— Слава богу!»

Купив газеты, Рид с женой зашли к Альберту Рис Вильямсу, жившему напротив банка, в гостинице «Франция». Там они прочитали о дальнейших успехах восстания. Потом все втроем отправились на Исаакиевскую площадь (площадь Воровского). «Астория» была оцеплена вооруженными матросами, не выпускавшими на улицу собравшихся в вестибюле офицеров. Слышались выстрелы. Рид направился к Мариинскому дворцу. В толпе солдат и матросов, стоявших у дворца, Рид услышал рассказ матроса о бесславном конце Совета Российской республики («Предпарламента»). Попытка Рида пройти по журналистским документам на галерею прессы оказалась безуспешной. Выходя из дворца, Рид встретил члена Петроградского Военно-революционного комитета большевика Я. Х. Петерса. Петерс владел английским (он жил несколько лет в эмиграции в Англии) и уже не раз беседовал с Ридом. Сейчас на вопрос Рида о судьбе министров Временного правительства Петерс с досадой ответил, что кое-кого арестовали ночью, но потом по недосмотру отпустили.

Расставшись с Петерсом, Рид и его спутники решили идти в Зимний дворец. Они знали, что Временное правительство заседает во дворце, и хотели выяснить, что намерен делать Керенский.

С заднего хода им удалось, предъявив швейцару американские паспорта, проникнуть во дворец; в «Десяти днях» описано их путешествие по дворцовым анфиладам, превращенным в юнкерские казармы. Керенского не было, он бежал в Гатчину; министры скрывались где-то во внутренних дворцовых помещениях.

Рид, как обычно, не расстается с карандашом, но делает пока только отрывочные записи. Вот на блокнотном листке—адрес пьяного офицера, командовавшего юнкерами, который решил искать у Рида протекции для перехода на службу в американскую армию. «Штабс-капитан Арцибашев Владимир. Адрес: Старый Петергоф. 2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков (praporstchikoff)». Можно представить себе саркастическую улыбку Рида, записывавшего адрес доблестного защитника Временного правительства!

Из Зимнего дворца Рид и Луиза Брайант зашли к Вильямсу. Пока они были в гостинице, на улице вспыхнула новая перестрелка. Пообедав, все трое отправились в Смольный, чтобы поспеть к открытию Второго съезда Советов. Луиза Брайант записывает, что, когда они вышли на Невский, было половина шестого вечера. Большевистские войска готовились к заключительному удару. Разъезжали броневики. На Полицейском (Гражданском) мосту была построена баррикада. Рядом солдаты устанавливали орудия. Свежий номер «Рабочего и солдата» возвещал победу пролетарской революции. Хотя уже темнело, Рид продолжал делать заметки. На блокнотном листке неразборчиво набросано карандашом: «Олег. Рюрик. Святослав. Р.С.Д.Р.П. Красный флаг. Автомобили. Имена первых царей».

В дальнейшем эта запись была обработана в следующих строках «Десяти дней»: «По улице разъезжали броневики, на которых еще были видны старые названия: «Олег», «Рюрик», «Святослав» — все имена древнерусских князей. Но поверх старых надписей уже краснели огромные буквы: «РСДРП» («Российская социал-демократическая рабочая партия»)».

Принадлежащее Риду описание Смольного в вечерние часы 7 ноября, кипящего революционной энергией, заполненного вооруженными солдатами и красногвардейцами, хорошо известно из «Десяти дней».

В Смольном Рид узнал о происходившем днем и лишь недавно закончившемся чрезвычайном заседании Петроградского Совета, где впервые после четырех месяцев подполья выступил Ленин. По просьбе Рида Каменев перевел ему по-французски принятую резолюцию, и Рид тут же конспективно занес ее в блокнот:

«25. Сегодня на чрезвычайном заседании Петроградский Совет объявил правительство низложенным; вся власть в руках Военно-революционного комитета («Comité Revolutionnaire»,— пишет Рид; когда он слушает французскую речь, то и в записях частично переходит на французский). [Совет] объявил также, что власть его будет основана на следующем:

1. Земля — крестьянам.
2. Заключение мира.
3. Рабочий контроль над промышленностью.

Выступали Ленин и Зиновьев».

Встретившийся Риду в коридоре Смольного Рязанов выразил неверие в целесообразность захвата власти без помощи западноевропейского пролетариата. В книге Рид отмечает, что и Каменев и Рязанов были противниками восстания. «Рязанов и Каменев возражали против восстания и испытали на себе всю страшную силу ленинской полемики».

Вместе со своими спутниками Рид направился в большой зал заседаний, уже переполненный делегатами Второго съезда Советов. «Делегат от Обуховского завода, анархист Петровский усадил меня рядом с собой»,— пишет Рид в книге. Петровского Рид знал еще по Америке, где тот жил в эмиграции. Сейчас он работал в Петроградском Военно-революционном комитете.

Усевшись, Рид немедленно принимается за дело. Заполненные убористым почерком блокнотные листки позволяют познакомиться с рабочей манерой Рида. Сперва идет детальная запись дневных впечатлений:

«25. Мариинский дворец окружен. Я был у Вильямса, 61-я комната в гостинице «Франция», слушал чтение газет. В 1.15 пошел вниз по Морской. Солдаты перед телефонной станцией. За угол — на площадь Николая I. У дворцового подъезда большая толпа матросов и солдат. Посредине площади выставлен кордон. Не пускают ко дворцу, а также и в боковые улицы на протяжении двух кварталов. Набережная Канала (Каналом Рид называет здесь Мойку.— **А. С.**) со стороны дворца блокирована с обеих сторон. На южной стороне [площади] не менее тысячи солдат, матросы; видно, как подходят еще. Большой броневик «Святослав» с красным флагом объезжает площадь. Переулки забаррикадированы с обоих концов. Выходы на площадь — тоже. Улица вдоль Канала. На одном конце огромные ящики, бочки, старый матрац. На другом — подводы (их остановили и выпрягли лошадей),

В. Правдин. «...Я СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА».

НА ОБОРОТЕ ВКЛАДКИ: Б. Окороков. ПЕРЕХВАТЧИКИ. →

31
28
03

А. Лактионов. ПОРТРЕТ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА Ф. Н. ПЕТРОВА.

грузовые машины. На набережной штабеля дров. Перед дворцом, вдоль фасада,— баррикады из дров».

Тут Рид делает миниатюрную зарисовку дровяной баррикады, но продолжать дальше свою запись не имеет возможности, так как открывается заседание съезда. Следующий листок блокнота он начинает краткой записью речи сдающего свои полномочия члена президиума старого ЦИК, меньшевика Дана.

Рид следит за выборами президиума, отмечает, что большинство в нем получают большевики, записывает оглашенную председателем повестку дня. По-видимому, соседству Петровского, хорошо владевшего английским языком, Рид обязан довольно подробной записью речей на этом заседании съезда. Как известно, из-за саботажа думских стенографисток полного отчета Второго съезда Советов нет. Поэтому все в отчете Рида, что основано на его записях и живых впечатлениях, сохраняет особую ценность и привлекается исследователями как исторический источник.

Протоколируя заседание съезда, Рид одновременно не оставляет попыток закончить начатую запись о событиях дня. Для этого он делит блокнотный лист на две части и под чертой — как видно, в паузах между выступлениями— продолжает свой рассказ о Мариинском дворце. Сначала запись о разгоне «Предпарламента»:

«Мариинский. Ворвались во дворец с комитетом во главе. Двартри солдата и матрос. Сказал председателю: «Совета Республики больше нет. Добром прошу, уходите». Помахал рукой. Депутаты сперва запротестовали, потом один за другим ушли».

Дальше Рид пишет о своей неудавшейся попытке «прорваться» во дворец: «Проник до самой двери на галерею прессы. Меня останавливает смеющийся солдат: — Просто так, пришел узнать, какие у вас новости! — Ухожу. Суматоха. Стараюсь выбраться, делаю два отчаянных...»

Здесь запись Рида снова обрывается; его целиком захватывают выступления с трибуны, беспримерный политический бой, который большевики дают соглашательским партиям. Протоколируя выступления, он лишь успевает вставлять краткие попутные заметки:

«Володарский, Петровский с воспаленными, запавшими глазами, небритые — три ночи без сна».

И еще, в другом роде:

«О русских правилах: достаточно положить на стул шляпу или билет, и твое место не займут, как бы ни было тесно».

Но вот сбоку от речей Мартова и левого эсера Карелина, призывавших к созданию коалиционного правительства, появляется знаменательная запись:

«Сообщают: «крейсер «Аврора» начал обстрел Зимнего дворца».

Как известно из «Десяти дней», взволнованный сообщением о штурме Зимнего, Рид покинул заседание, чтобы ехать к месту боя. К этому времени американцев было уже пятеро. К Риду, Луизе Брайант и Вильямсу присоединились Бесси Битти и Алекс Гамберг (переводчик американской «Миссии Красного Креста», свободно объяснявшийся по-русски и не раз сопровождавший Рида и Вильямса в Петрограде).

Выбравшись из переполненного зала, все пятеро направились за пропусками на третий этаж Смольного, в комнаты Военно-революционного комитета. Там царило величайшее напряжение. «...Принимая и отправляя запыхавшихся связных, рассылая по всем уголкам города комиссаров, облеченных правом жизни и смерти, лихорадочно работал Военно-революционный комитет,— вспоминает Рид.— Беспрерывно жужжали полевые телефоны. Когда дверь открылась, навстречу нам пахнул спертый, прокуренный воздух, и мы разглядели взъерошенных людей, склоненных над картой, залитой ярким светом электрической лампы с абажуром...» Работники Военно-революционного комитета хорошо знали Рида. «Товарищ Иозефов-Духвинский, улыбающийся юноша с целой копной бледно-желтых волос, выдал нам пропуска»,— пишет Рид.

Из пяти выданных пропусков два сохранились у владельцев и позднее были воспроизведены в написанных ими книгах. Это пропуск № 1 на имя Луизы Брайант и № 5 на имя Бесси Битти. Каков же он, пропуск Военно-революционного комитета в ночь с 7-го на 8 ноября 1917 года, дававший право пройти через воинские и красногвардейские заслоны и патрули к штурмуемому Зимнему дворцу? На небольшом листке — типовой машинописный пропуск в здание Смольного; заключительные строки: «разрешается вход во все отделения Совета, находящегося в Смольном институте» — вычеркнуты и сверху от руки вписано: «разрешается свободный проезд по городу». За председателя ВРК — подпись. Круглая печать военного отдела Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Но и с пропусками ВРК добраться до Зимнего в эту ночь было совсем нелегкой задачей. Рида и его спутников выручил грузовик, ехавший в центр города с прокламациями.

Известное описание этой ночной поездки в «Десяти днях» дополняется многими добавочными деталями в книге Бесси Битти. Когда журналисты подошли к грузовой машине, стоявшей с заведенным мотором во дворе Смольного, там уже было четверо пассажиров, не считая шофера-красногвардейца,— трое матросов и казак в бурке. Американцы попросились в машину. «Поездка опасная,— сказал один из матросов.— Едем разбрасывать листовки. В нас почти наверняка будут стрелять». Журналисты ответили, что едут, предъявили пропуска и вскарабкались в кузов. Казак усадил обеих женщин на пачки с прокламациями и приказал в случае обстрела бросаться на дно машины, где были сложены винтовки. Грузовик выехал из Смольного. Было темным-темно, и улицы казались вымершими, пишет Битти, но, как только матрос швырял листовки, из подъездов и из ворот выбегали люди и подхватывали их на лету. Журналисты стали помогать матросам. Казак стоял с винтовкой в руках, зорко вглядываясь во тьму. Грузовик поехал по Суворовскому проспекту. На перекрестках, где у постов грелись патрули, машина замедляла ход; солдаты подбегали и спрашивали, какие новости из Смольного. В одну из таких остановок Гамберг при свете костра прочитал и перевел журналистам листовку. То было обращение «К гражданам России!», где сообщалось о свержении Временного правительства и переходе власти в руки Военно-революционного комитета. «Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» — так кончается это знаменитое воззвание. Рид и его друзья, помогавшие матросам разбрасывать листовки, не знали, что текст принадлежит Ленину. Воззвание было составлено им утром в Смольном, откуда он руководил ходом восстания.

Бесси Битти пишет, что, когда грузовик выехал на Знаменскую (ныне Октябрьскую) площадь, вокзальные часы показывали час ночи. Площадь была пуста, машина покатила по Невскому.

«Нагните головы!» — скомандовал казак, увидев впереди вооруженных людей. Это оказались большевистские матросские части, охранявшие баррикаду у Казанского собора. Матросы завернули грузовик, сказав, что впереди идет бой. Со стороны Зимнего доносилась артиллерийская и оружейная пальба. Журналисты простились с попутчиками, решив пробираться дальше пешком. Прежде, однако, они стали свидетелями необычайного зрелища, ярко описанного Ридом в «Десяти днях». Процессия в несколько сот человек — мужчины в дорогих пальто, изящно одетые женщины, офицеры, руководимые деятелями павшего режима и меньшевистско-эсеровскими вождями,— пыталась миновать матросский заслон, чтобы «умереть в Зимнем дворце». После решительного отказа матросов пропустить их «смертники» степенно зашагали прочь, по четыре в ряд, в Городскую думу, дабы там обсудить наилучшие способы борьбы с большевистской революцией. Борис Рейнштейн, друг Рида, в воспоминаниях о нем пишет, что Рид впоследствии не раз со смехом изображал в лицах эту трагикомическую ночную сцену на углу Екатерининского канала.

Матрос, командовавший заслоном, беспрепятственно пропустил Рида и его друзей, предъявивших пропуска ВРК, и они двинулись вниз по Невскому. Однако красногвардейцы, охранявшие баррикаду на Полицейском мосту, оказались несговорчивыми; у них даже явилась мысль, что не худо бы задержать и проверить неведомых иностранцев, спешащих в Зимний дворец. Драгоценные минуты уходили зря, но делать было нечего. Журналисты вернулись к Казанскому собору и оттуда со специальным провожатым от командира матросской цепи миновали Полицейский мост. Бесси Битти записывает, что, когда они вошли под арку Главного штаба, было четверть третьего. Из тьмы выбежал матрос.

— Все! — крикнул он.—Они сдались!

В «Десяти днях» Рид рассказывает, как, примкнув к передовой шеренге красногвардейцев, они бежали по Дворцовой площади, пригибаясь, преодолевая баррикады. Луиза Брайант пишет, что еще слышались выстрелы, свистели последние пули. Помедлив у Александровской колонны, красногвардейцы снова ринулись вперед, к Зимнему дворцу.

Из записей Рида и других видно, что они сперва вбежали с красногвардейцами в правый подъезд дворца; но там, как видно, не оказалось прохода во внутренние помещения. Тогда, выйдя снова на площадь, они предъявили свои пропуска командиру матросского караула в левом подъезде. Тот впустил их в вестибюль, но тут же велел повременить и усадил на боковую скамью у стены. Мимо них из дворца повели арестованных. Сперва это были обезоруженные юнкера, но потом появились охраняемые красногвардейцами члены Временного правительства. Третьим шел известный всем им в лицо министр иностранных дел Терещенко. Рид пишет, что сердитый взгляд министра задержался на их группе. Бесси Битти вспомнила вдруг, что как раз на сегодня «министр-председатель» Керенский пригласил ее к завтраку в Зимний дворец.

В «Десяти днях» Рид подробно описывает, как они бродили по захваченному Зимнему дворцу, как осматривали длинный, покрытый зеленым сукном стол в Малахитовом зале, за которым заседали всю ночь бывшие министры, составляя проекты воззваний и манифестов. Один листок, исписанный рукой министра торговли и промышленности Коновалова, Рид захватил на память. Листок воспроизведен в первом американском издании «Десяти дней». «Временное правительство обращается ко всем классам населения с предложением поддержать Временное правительство»,— пишет Коновалов. Но тут же зачеркивает написанное. Далее идут задумчивые арабески...

Около четырех часов ночи Рид и его спутники вышли из Зимнего дворца. Обойдя дворец по набережной, они зашли в Городскую думу, где уже формировался центральный орган всех антибольшевистских сил, так называемый Комитет спасения родины и революции. В блокноте у Рида краткая запись:

«4.20. Городская дума. Заседает беспрерывно, совместно с меньшевиками и эсерами. Обращение к стране: не подчиняться большевистскому правительству».

Эта запись, как видно, сделана Ридом снова в зале Второго съезда Советов. Он вернулся в Смольный и присутствовал на конце заседания. Он вошел в тот момент, когда оглашалось донесение Антонова-Овсеенко со списком арестованных членов Временного правительства, и сразу взялся за блокнот.

«Смольный,—записывает он (судя по неровному почерку, еще даже не севши на место).—5.05 пополуночи. Терещенко. Громовые аплодисменты, возгласы одобрения, смех. Рутенберг. Слабее. Пальчинский. Сильные [аплодисменты].

Комиссаром Дворца назначается Чудновский.

Керенский в Гатчине».

В книге подробно изложена и заключительная часть заседания, однако эти листки блокнота утрачены.

Когда Рид вышел из Смольного, близилось утро.

«Было шесть часов. Стояла тяжелая холодная ночь. Только слабый и бледный, как неземной, свет робко крался по молчаливым улицам, заставляя тускнеть сторожевые огни. Тень грозного рассвета вставала над Россией»,—пишет Рид.

Первый из десяти дней, которым суждено было потрясти мир, окончился.

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки О. КОРОВИНА.

ДОПРОС БЕЗ ПРИСТРАСТИЯ

У Павла было такое ощущение, что до этого дня его особой никто не занимался. Конечно, он на виду у молчаливой, меланхоличной Клары и у этого долговязого садовника, но они могли играть лишь роль пассивных наблюдателей. Вероятно, в их задачу ничто иное и не входило.

И вот настал день, которого он так ждал.

Черноволосый плотный человек, встречавший их в бухте — Леонид звал его Себастьяном,— приехал утром после завтрака, поговорил с Кругом, а потом пошел к машине, принес желтый кожаный портфель, достал из него пачку чистой бумаги и авторучку и подозвал к себе Павла.

— Садиться и писать автобиографию,— сказал он, протягивая бумагу и ручку.— Мать. Отец. Своя жизнь. Детально. Не торопиться.

Павла с первого дня забавляло, что Себастьян употребляет русские глаголы только в неопределенном наклонении; хотелось бы отгадать, почему он научился говорить именно так. Но сейчас момент был слишком неподходящим для лингвистических изысканий.

Себастьян ушел, а Павел сел к столу у окна. Леонид Круг, запрокинув голову на подушку, поглядел на него и сказал дружески:

— Пиши как есть, не скрывай ничего. Потом легче будет. Это в первый, но не в последний раз.

— Ладно.

Павел подробно написал биографию Бекаса. Почерк у него был довольно разгонистый, и получилось десять страничек. Он умышленно сделал несколько грамматических ошибок, запомнив их как следует.

Себастьян забрал исписанные листки и авторучку и уехал.

Через три дня за Павлом прислали машину. Рядом с шофером сидел незнакомый молодой человек.

Ехали сначала лесом, потом минут сорок мчались по широкой, но не очень оживленной автостраде, а потом опять свернули в лес и остановились возле двухэтажной виллы. Молодой человек проводил Павла в большой пустой кабинет на первом этаже и ушел, прикрыв за собою дверь.

Минут через пять явился полный, добродушного вида дядя, в очках, с небрежно повязанным галстуком, в измятом костюме. Он поздоровался, пригласил к столу, положил перед Павлом стопку бумаги и ручку и предложил написать подробную автобиографию. Павел сделал удивленное лицо.

— Я уже писал.

Толстяк ласково улыбнулся, развел руками.

— Не знаю, не знаю, молодой человек. Для меня вы ничего пока не писали. Прошу вас. Я не буду мешать.— И он быстренько выкатился из кабинета.

Павел почти слово в слово изложил то, что уже имел возможность прочесть Себастьян. И аккуратно вставил те же ошибки.

Толстяк вернулся, взял листки, поблагодарил Павла и проводил к машине.

Еще через два дня за ним снова прислали машину с тем же шофером и сопровождающим. И привезли на ту же виллу, ввели в тот же кабинет, где на этот раз он увидел Себастьяна и добряка толстяка. Первый располагался на кожаном диване, перед которым стоял низкий легкий столик с огромной круглой пепельницей, куда Себастьян стряхивал пепел,— курил он непрерывно. Павел еще ни разу не видел его без дымящейся сигареты. Толстяк сидел на широком подоконнике, беспечно болтая ногами, чисто по-школьному. Они не изменили поз при появлении Павла. Только прекратили разговор.

— Ну-с, молодой человек,— приветливо начал толстяк,— садитесь к столу, и будем беседовать. Мы хотим, если вы не против, познакомиться с вами поближе.

Павел опустился на стул за большим круглым столом посреди кабинета. Под взглядами этих двоих ему показалось, что лицо его утеряло выражение бесхитростного любопытства и беспечности, которое он как бы надевал каждый день в момент пробуждения и не снимал до поздней ночи. Павел улыбнулся.

— Я все жду, жду,— простодушно признался он,— хоть бы кто-нибудь побалакал со мной: мол, как живешь-можешь, не жмут ли ботинки? Зачем устраивать переписку, когда можно общаться натурально?

Толстяк подмигнул Себастьяну и, кивнув на Павла, сказал:

— Большой оригинал!

— Вы русский, да? — спросил Павел.

— Конечно, русский.

— А как вас зовут?

— Александр.

Себастьян вмешался в разговор словно бы нехотя.

— Где вы познакомились с Михаилом Зароковым? — спросил он негромко.

Павел недоуменно повернулся в его сторону, будто не понимая, к кому обращен вопрос.

— Вы меня спрашиваете?

— Вас, вас...

— Зароков? Не знаю. Вообще фамилии такой никогда не слыхал. Какая-то выдуманная фамилия.— Павел посмотрел на толстяка, ища сочувствия.

Тот грузно спрыгнул с подоконника, подошел к тумбе в углу, на которой стоял большой, в металлическом корпусе аппарат, нажал на нем одну из белых клавиш. Кажется, это был магнитофон. Вернувшись к окну, толстяк задал вопрос:

— Итак, молодой человек, вы родились... в каком году?

— В тридцатом.

Дальше пошли вопросы по биографии — в хронологическом порядке. Они задавались так благодушно, словно это был не допрос, а заполнение анкеты для поступления на курсы кройки и шитья. Вообще все поведение и вид толстяка должны были размагничивать.

Монотонность этого диалога нарушил Себастьян:

— Где вы познакомились с Леонидом Кругом?

— В доме отдыха «Сосновый воздух».

Еще серия вопросов и ответов, касающихся жизни Павла Матвеева — он же Корнеев, он же Бекас,— и снова реплика Себастьяна:

— Когда Круг сказал вам о переправе?

— Двадцать седьмого днем.

Себастьян, как говорится, стрелял вразброс, но в этом была своя система. Если потом очистить допрос от мякины их бодрой беседы с толстяком, получится довольно подробная картина переправы и обстоятельств, ей предшествовавших.

Павел откликался одинаково охотно и любезно и толстяку и Себастьяну, так что по тону вряд ли можно было уловить, как колеблется напряжение, испытываемое всем его существом.

— Прошу рассказать детально про переправу.

Павел изложил события ночи с 27 на 28 июня.

— Нарисуйте бухту,— приказал Себастьян.— Наш корабль. Пограничный ко-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—44.

рабль. Как стояли. И вашу лодку. В момент встречи.

Павел подумал и набросал схему бухты, расположение катеров и лодки.

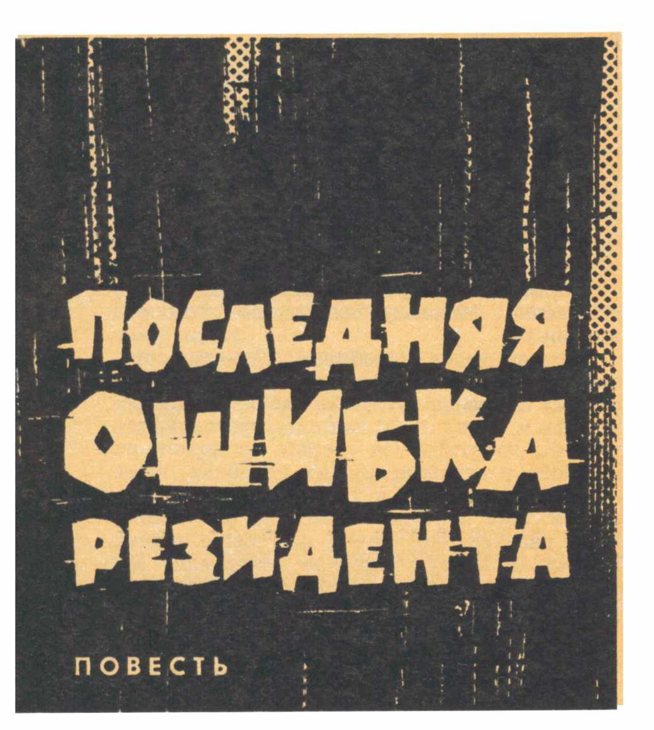
Пока Себастьян рассматривал чертеж, Павел попробовал развлечь толстяка, чтобы самому развлечься и отдохнуть.

— А у нас не так допрашивают,— сказал он.— У нас следователь все записывает, чин-чинарем. И потом расписаться даст.

Толстяк расхохотался. Ему было весело наблюдать плутовскую физиономию Павла.

— Во-первых, это можно не считать допросом,— объяснил он.— А во-вторых, он все записывает.— И показал на магнитофон.

Павел оценил такую доверительность. И подумал, что, пожалуй, ему было бы легче, если бы они ее не демонстрировали. Все заранее рассчитано, все должно давить на психику, в том числе и этот допрос без всякого видимого пристрастия. Значит, у них в запасе есть средства посерьезнее, чем старая песня на мотив «спрашивай — отвечаем».

МИХАИЛА ЗАРОКОВА БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

План побега созрел моментально. Сейчас к Надежде вернулось то острое чувство опасности, которое прежде заставляло его больше доверять инстинкту, а не разуму. А инстинкт требовал не доверять никому и ничему, даже собственным впечатлениям. Поэтому главным в его плане было проверить, следят ли за ним, а если да, то насколько бдительно. И потом, после проверки, действовать по обстоятельствам.

В путевке у него был записан рейс по телефонному заказу, который дала ему Мария. В два часа дня он должен подать машину по указанному адресу, а потом везти пассажиров в дачный поселок, за тридцать километров. Это кстати: на загородном шоссе легче обнаружить слежку.

Но сперва нужно сменить машину, что нетрудно: в парке всегда есть несколько запасных таксомоторов, стоят на площадке под открытым небом.

На новой машине, с новым номером, если обстряпать все за несколько минут, уже из парка можно, пожалуй, выехать без хвоста: ведь следящие, если они есть, знают его по машине и по ее номеру так же хорошо, как и в лицо, и так же привыкли к этому номеру. И еще одно соображение: если он действительно на крючке у контрразведки, то можно предполагать, что где-то в чреве его машины спрятан миниатюрный радиопередатчик, посылающий в эфир непрерывные сигналы, по которым оператор на пеленгующей станции в любой момент может определить, в каком районе находится машина. Искать его сейчас нет времени. Пришлось бы распотрошить автомобиль до основания.

Надежда поехал в парк.

Поставив машину в угол к забору, чтобы никому не мешала, поднял капот, снял колпачок с трамблера, перепутал провода, один из них чуть зачистил, чтобы замыкал на корпус, закрыл капот, быстро пересек двор и вошел в диспетчерскую.

Мария была на месте.

— Ты что приехал? — спросила она.

— Да, понимаешь, барахлит мотор, а у меня же рейс по заказу. Через пятнадцать минут.— Михаил поглядел на часы.— Как бы это к шефу подкатиться, чтобы дал другую?

— Все на обеде,— сказала Мария.— Хотя обожди, дядя Леша здесь.

Дядя Леша был дежурным механиком. Мария позвала его, и в пять минут все было улажено.

— Бери машину Сливы, у него сменщик не вышел,— предложил механик.— Машина на ходу. Заправлена, помыта.

— Спасибо, дядя Леша.— Михаил протянул Марии свою путевку.— Перепиши.

Мария зачеркнула на путевке старый и написала новый номер машины.

— Заезжай часов в пять домой, пообедаешь,— сказала она, глядя, как Михаил прячет путевку.

— Обязательно.

Он наклонился через перила, поцеловал ее.

Спустя несколько минут Надежда выехал из парка на таксомоторе водителя Сливы. Пиджак, в котором он был до этого, снял и положил под себя на сиденье, форменную фуражку тоже снял. На нем была теперь кремовая курточка на молнии. Все шло пока строго по плану...

Часто меняя скорость, Надежда сделал большой круг по восточной окраине города. Улицы здесь были в дневные часы малолюдны, автомобили заезжали редко.

За ним следом никто не ехал. Пора отправляться по адресу — это в районе новостроек, который здесь называли по-московски Черемушками.

Он опоздал всего на десять минут. Те, что заказали машину, жили в только что отстроенном доме, на четвертом этаже. Надежда поднялся на лифте, позвонил. Дверь открыла пожилая женщина. Его ждали, но сами готовы еще не были.

— Переезжаем на дачу,— объяснила женщина.— Осталось сложить посуду в корзинку — и поедем. Входите, входите!

В квартире стоял переполох, два молодых голоса, мужской и женский, переругивались в комнате без всякого вдохновения. Иногда им мешал ругаться детский голосок, задававший какие-то вопросы.

— Может, хотите чаю? — спросила женщина просто из вежливости.— Я подогрею...

— Спасибо,— сказал Михаил.— Не беспокойтесь, занимайтесь делом, я на кухне подожду. Водички, с вашего разрешения, попью.

— Ради бога, ради бога! Стаканы там в шкафу, пожалуйста.— И ушла в комнату.

В кухне Надежда оглядел стены. Вытянув из кармана брюк бумажный сверток, откинул металлический клапан мусоропровода и хотел было выбросить туда из газеты разрозненные внутренности радиопередатчика, но тут же передумал и быстро сунул сверток обратно в карман.

Взял из буфета стакан, спустил из крана воду, чтобы была холоднее, напился.

Тут и хозяева появились. Все они улыбались, малыш в том числе.

— Вы нам поможете? — спросила молодая румяная мама.

— Давайте что-нибудь потяжелее,— сказал Надежда, бросив мимолетный взгляд на высокого худого папу в очках с толстыми стеклами. Вид у него был измученный, страдальческий.

Теща пригласила Надежду в комнату и показала на плетеную корзину.

— Только осторожнее, здесь посуда,— предупредила она.

Не прошло и получаса, как чемоданы и узлы были сложены в багажник и славное семейство в полном составе разместилось в машине. Впереди села мама с сыном. Она вздохнула и сказала:

— Даже не верится.

Надежда покосился на нее.

— Захлопотались? Но это, наверно, приятные хлопоты...

Больше он с ними не разговаривал.

Вырвавшись из путаницы улиц на загородное шоссе и отметив, что ни впереди, ни сзади нет других машин, Надежда выжал газ до предела и облегченно откинулся на спинку сиденья.

Разгрузка отняла совсем немного времени, и в четверть четвертого Надежда отъехал от дачи, пожелав дачникам хорошего лета.

На шоссе он повернул не к городу, а в противоположную сторону. Вдалеке синела зубчатая стена леса. Он ехал, все время держа стрелку спидометра на восьмидесяти, и скоро машина нырнула вместе с дорогой в прохладный тенистый коридор. Ели подступали с обеих сторон прямо к кюветам. Надежда сбавил ход. Заметив тележную колею, ответвлявшуюся от дороги в глубину леса, он свернул на нее и поехал не спеша, притормаживая всякий раз, как под колеса ложились особенно толстые корни. Полоска этой лесной дороги, как рука набухшими жилами, вся была переплетена корнями больших деревьев.

Показался просвет. Началась знакомая поляна, а за нею молодой ельничек. Как раз то, что ему нужно.

Надежда выбрал проезд поудобнее, вдвинулся в заросли и выключил мотор. Вышел, отводя ветки от лица, на открытое место.

В лесу пели и щелкали птицы. Над поляной струилось зыбкое марево, пропитанное дремотным стрекотаньем кузнечиков.

Надежда вспомнил, что сегодня пятница. Он еще неделю назад договорился с Петром Константинычем, своим сменщиком, поработать две смены подряд, в пятницу и субботу, чтобы в воскресенье быть свободным. Послезавтра они с Марией собирались поехать за город, погулять в лесу.

Он не удивился тому, что жалеет Марию. Удивительно было другое: собственное безоглядное бегство вдруг показалось ему паническим, а опасения — по крайней мере преждевременными.

Но тут же подумал, что это говорит в нем его легализовавшийся двойник, привыкший к размеренной жизни, расслабившийся, умиленный шорохом бабьей юбки. И погода такая, что сейчас бы валяться в траве, напившись холодного пива...

Потом он представил себе Дембовича и подумал, что уже давно перестал считать его вздорным стариком, хотя старик и вправду отчасти вздорный. Но все же, как ни жаль, расставаться с ним придется, и, конечно, навсегда. От улик полезно вовремя освободиться.

И, как ни странно, только после этого Надежда вспомнил об отце. В последнюю очередь. Может быть, оттого, что отец дальше от него, чем город и люди, с которыми он был связан без малого год.

— Как перед дальней дорогой,— сказал Надежда вслух.— К чертям!

Из заднего кармана брюк он достал бумажник, тяжелый, туго набитый, развернул его. Денег пока достаточно. Паспорт в порядке. Паспорт на имя Станислава Ивановича Курнакова, выданный в 1956 году милицией города Ростова-на-Дону, действителен по 1966 год.

Михаила Зарокова больше не существует. Он умер сегодня во второй раз и теперь уже не возродится...

Надежда присел на траву.

Если бы Мария увидела его сейчас, она бы, наверное, не узнала Михаила Зарокова.

Лицо человека, сидевшего в задумчивости посреди заросшей цветами поляны, показалось бы ей чужим и неприятным.

Долгим было это раздумье. И важным. Надежда изменил первоначальный план исчезновения.

Дождавшись темноты, он вывел машину из ельника и поехал в город. Ровно в одиннадцать ночи оказался около своего дома. Машину поставил на соседней улице. Огляделся. Перелез через забор в сад. В комнате Дембовича и на кухне горел свет. Подумал с досадой: «Еще не спит».

Но Дембович спал. Он лежал на неразобранной постели одетый, правая рука свисала безжизненно к полу.

На столе Надежда увидел пустую коньячную бутылку и кусочки выжатого лимона на коричневом блюдце.

Надежда постучал ключами по дверной притолоке. Старик не шевельнулся.

Надежда знал: в кухне у запасливого Дембовича всегда стоит бидончик с керосином. Бидончик оказался на месте.

Надежда облил углы комнаты, бельевой шкаф. Запер дверь дома, затем вернулся, закрыл на два оборота дверь комнаты Дембовича с внутренней стороны, а ключ положил в карман висевшего на стуле пиджака.

Затем тихо, без скрипа растворил окно, вынул из кармана коробок, чиркнул спичкой и сунул ее в шкаф. Не мешкая, вылез в окно, закрыл его и плотно притворил массивные ставни. Собака на секунду показалась из будки, но, увидев своего, нырнула обратно. Надежда перелез через забор, огляделся. Улица была пустынна.

...Выехав за город, Надежда увеличил скорость. Тридцать километров он покрыл за пятнадцать минут. Эта гонка в темноте его немного успокоила. Он думал о последнем пункте плана, созревшего там, на лесной поляне. Что бы ни произошло в будущем, нужно дать людям, которые станут доискиваться, почему сбежал водитель Зароков, готовую причину.

Съехав на проселочную дорогу, он заметил впереди темное пятно. Включил дальний свет. Лучи фар высветили одиноко стоящую на обочине повозку. Надежда чуть сбавил скорость...

Машина врезалась в заднее колесо телеги правой фарой...

Около пяти часов утра Надежда вышел на автостраду. Движение было оживленное. Много грузовых.

Он проголосовал перед порожним «ГАЗом», машина остановилась. Спросил шофера, далеко ли едет. Оказалось, на узловую железнодорожную станцию, за полтораста километров отсюда. Повезло...

В восемь часов утра он был на станции. Побрился в парикмахерской, поел в станционном буфете.

Билет взял в общий плацкартный вагон, место его оказалось на верхней полке. В вагоне было душно, но он быстро уснул, отвернувшись лицом к переборке.

МАЛОУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ПОДРОБНОСТИ

У Марии не возникло никакого беспокойства оттого, что Михаил не заехал в пять часов пообедать. И то, что он не пришел ночевать, тоже не удивило ее. Но когда утром в субботу она явилась в диспетчерскую и узнала, что машина, на которой уехал Зароков, в парк не вернулась, и когда пришедший на работу Слива устроил ей небольшой скандал за ее самоуправство, Марию охватили недобрые предчувствия. Она пошла к начальнику парка и рассказала о вчерашней истории с заменой автомобилей и о том, что такси Сливы в гараже до сих пор нет.

Начальник был человек несуетливый и понимающий. Он ограничился мягким выговором, приказал дать водителю Сливе другую машину, из запасных, а насчет Зарокова, которого он уважал и ценил как работника и об отношениях которого с диспетчером был много наслышан, посоветовал предпринять следующее: сейчас же послать первого попавшегося водителя к Зарокову домой, а если его дома не окажется, сделать официальное заявление милиции о пропавшей машине.

Мария адреса Михаила не знала, поэтому тут же побежала в отдел кадров.

Когда вернулась к себе, диспетчерская была полным-полна. Неприятные вести почему-то и распространяются и собирают людей гораздо быстрее, чем приятные. Многие водители отложили выезд на линию: очень хотелось узнать подробности.

А Марии не терпелось самой отправиться на розыски Михаила.

Как велел начальник, она попросила первого попавшегося шофера съездить к Зарокову...

Когда остановились у забора, на котором был написан номер нужного им дома, и вышли из машины, Мария совсем пала духом: за забором тоскливо, как по покойнику, выла собака. Нехорошо звучал этот вой при ярком солнце июньского утра.

Шофер, опередив Марию, положил руку на медное кольцо калитки, повернул его.

Они увидели пепелище. Залитые водой черные головешки бархатно блестели на солнце. Нелепо возвышались среди этой черноты остовы двух голландских печей, изразец на них был закопчен.

Поехали в городское управление охраны общественного порядка.

Там им сказали, что пожар произошел ночью по неизвестной причине, что хозяин дома Дембович был извлечен из горящего дома мертвым. При поверхностном осмотре никаких признаков насильственной смерти на трупе не обнаружено. О причине смерти точно можно будет сказать только после вскрытия, но, вероятнее всего, покойный был сильно пьян и не смог выбраться из горящего дома...

Вернувшись в парк, Мария работать была уже не в состоянии. Начальник распорядился вызвать подменного диспетчера.

Воскресенье она просидела дома, совершенно убитая, вздрагивая и выбегая в коридор при каждом звонке у дверей. Но то все были гости к соседям. Да и с чего бы Михаил стал звонить? У него же ключи есть...

В понедельник, придя на работу, она узнала, что таксомотор найден на проселочной дороге. Врезался в телегу, разбит, но не очень сильно.

Следов Михаила Зарокова обнаружить не удалось. Он исчез.

Мария сходила в управление охраны общественного порядка, поговорила с работниками, занимавшимися поисками, но ничего сверх того, что было уже сообщено, они ей сказать не могли. Вероятно, Зароков скрылся, побоявшись, что его привлекут за аварию к ответу. Тем более у него уже был раньше неприятный случай — наезд на пешехода...

...Шоферы такси возят много разного народа, поэтому и знают много, и вскоре в парке стало известно, что старик по фамилии Дембович, у которого квартировал Зароков, страдал болезнью сердца, пить ему совсем было нельзя, а он, старый дурень, царствие ему небесное, то ли с горя, то ли на радостях напился и сгорел в собственном доме по глупости.

Все сочувствовали Марии, все замечали, что она тает на глазах. Даже губы красить перестала.

И никто пока не догадывался, что Мария беременна. Михаилу сказать об этом она не успела.

Гораздо позже, перебирая в памяти встречи и разговоры с Михаилом, она поняла, что он был с нею не таким беспредельно откровенным и правдивым, как она думала. Взять хотя бы квартиру. Он уверял, что живет на окраине, в страшно плохих условиях, даже стыдно пригласить в гости, а сам, оказывается, жил и не на окраине и, как видно, не в развалюшке. Зачем ему было лгать? И вообще вокруг Михаила навертелся целый клубок каких-то непонятных историй...

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ДЕТЕКТОР

Облака густели, белый цвет быстро сменялся свинцовым, а с севера, от моря, наплывали чугунно-темные клубящиеся тучи. Собиралась гроза, но духоты не ощущалось, воздух был свежий, как ранним утром.

Начал накрапывать мелкий дождик, потом в листьях яблонь и кустов прошуршали первые тяжелые капли, словно дождь примеривался. На минуту наступила тишина, и вдруг хлынул сплошной ливень.

Павел был на крыльце, когда возле ворот остановился автомобиль, калитка распахнулась, и на дорожке появился толстяк Александр. Он шел так, будто никакого дождя в помине не было. Вельветовая курточка сразу промокла у него на плечах.

Войдя на крыльцо, он плотно провел ладонью по своим светлым, коротко остриженным волосам, стряхнул с руки воду. Улыбнувшись и не поздоровавшись, сказал Павлу:

— А я за вами, молодой человек. Поедем.

Они ехали тем же маршрутом, но остановились у другой виллы. Александр провел Павла по коридору и распахнул перед ним белую дверь. Они вошли в комнату, похожую не то на лабораторию, не то на врачебный кабинет. За столом у окна сидел человек в белом халате и черной атласной шапочке, лет пятидесяти, худощавый, с нездоровым цветом лица, в очках с дымчатыми стеклами.

— Он не знает, зачем его привезли? — спросил врач по-немецки у Александра. Но глядел при этом на Павла.

Тут Павел подумал, что совершенно необходимо быстрее освободиться от одного

опасного чувства, которое он испытывает с тех пор, как ступил на эту землю. Всякий раз, когда он слышит разговор на чужом языке, ему кажется, что уши у него немеют, словно отморожены, и что это заметно со стороны. Оказывается, очень трудно делать вид, что не понимаешь языка, который в действительности знаешь отлично. Насколько безопаснее было бы и вправду не знать...

— Я ничего не говорил,— ответил Александр. И по-русски сказал Павлу: — Это доктор, он займется вами. Раздевайтесь до пояса.

Врач воткнул себе в уши трубочки фонендоскопа, поманил Павла поближе и, приложив холодную целлулоидную мембрану ему к груди, стал слушать сердце.

— Поговорите с ним,— сказал он.

Александр по привычке присел на подоконник и спросил у Павла:

— У вас как вообще здоровье?

— Не жалуюсь.

— Спортом занимались?

— По роду занятий обязан быть в форме.

— Да, ведь вам приходилось бегать...— Александр имел в виду побег из заключения.— А эту борьбу... как она называется... самбо знаете?

Это был не такой уж простой вопрос, хотя звучал вполне невинно.

— Самбо — это что, ерунда... В тюрьме можно научиться кое-чему почище.

— А по-немецки так и не научились?

Мембрана фонендоскопа, как показалось Павлу, прижалась чуть плотнее. Павел развел руками.

— Warum? — спросил Александр.

Павел не колебался. Он решил покончить с этим вопросом просто и надежно. И ответил по-немецки:

— Darum.

Александр рассмеялся.

— Значит, учили все-таки?

— В школе у нас был немецкий. Но я его не любил. С немецкого урока ребята смывались на стадион, играли в футбол. А потом старуха немка все равно выводила нам тройки, чтобы не портить школьный процент успеваемости.

— А больше никакого языка не учили?

— А что, я похож на бывшего студента? — поинтересовался Павел.

— Но все же...

— Довольно,— сказал врач по-русски. Он взял Павла за руку, подвел к столу у противоположной стены, на котором стоял пластмассовый ящик, формой и величиной похожий на чехол для пишущей машинки с широкой кареткой. По дороге врач взял легкое кресло с плетеной спинкой и широкими подлокотниками, стоявшее посреди кабинета.

Щелкнув запором, врач снял пластмассовый чехол. Под ним оказался аппарат с рукоятками на передней стенке. На верхней крышке во всю длину был сделан вырез, и в нем виден валик, похожий на скалку для теста. От аппарата отходило три пары разноцветных проводов. Над валиком на одинаковых расстояниях друг от друга краснели длинные клювики трех самописцев. Из стоявшего рядом плоского ящичка врач достал толстую гофрированную трубку, напоминавшую противогазную, и другую трубку, тоньше первой и гладкую, затем два металлических зажима, похожих на разомкнутые браслеты, и две подушечки из пористой резины.

— Вы знаете, что это такое? — спросил Павла Александр, кивнув на аппарат.

— Похоже на рацию,— сказал Павел.

— Это полиграф, в просторечии называемый детектором лжи. Знакомьтесь! У вас в Советском Союзе много писали по поводу этой машины. Не приходилось слышать?

— Болтали раз в камере...

— Этот аппарат умеет читать мысли.

Павел подмигнул толстяку: мол, будет трепаться, сами умеем.

— Не верите? — спросил Александр.— А вот сейчас посмотрим.

Врач присоединил к проводам аппарата обе трубки и зажимы, поставил кресло спинкой к аппарату и жестом пригласил Павла сесть. Но Александр сказал:

— Подождите, доктор, покажем ему фокус. Он не верит.

Александр стащил с себя вельветовую куртку, закатал рукав рубахи на левой руке и сел в кресло. Врач обвил гофрированной трубкой его широкую грудь — гармошка сильно растянулась.

Гладкая трубка тугим кольцом легла на руку чуть ниже локтевого сгиба.

Металлические зажимы-браслеты врач надел на кисти рук Александра с тыльной стороны, потом взял пористые подушечки, отошел к раковине, в которой стояла банка с каким-то раствором, окунул в нее подушечки, немного отжал их и вставил под зажимы так, что они плотно прижались к ладоням.

— Я вам после объясню устройство,— сказал толстяк.

Врач воткнул вилку в розетку, затем вынул из стола рулончик бумаги с мелкими делениями, как на чертежной миллиметровке, отрезал от него ножницами ровную полоску. Написав на полоске цифры от одного до десяти, он уложил ее на валик.

Павел с неподдельным интересом наблюдал за манипуляциями доктора, а толстяк наблюдал за Павлом.

Врач взял резиновую грушу наподобие пульверизаторной, приладил ее к соску гофрированной трубки и стал накачивать воздух. Потом сделал то же самое с трубкой на руке. И вышел в коридор, притворив за собою дверь.

Александр сказал:

— Вот там на бумаге записаны цифры. Загадайте одну и скажите мне, я тоже загадаю ее. Испытывать аппарат будет меня, но чтобы вы не подумали, будто мы с доктором заранее сговорились, сделаем именно так... Ну, загадали?

— Да.

— Запишите на бумажке. Вон возьмите на столе у доктора, там и карандаш.

Павел вывел на клочке цифру.

— Покажите мне.

Павел показал. Это была шестерка.

— Спрячьте в карман.

Павел спрятал.

— Готово, доктор! — крикнул Александр.

Врач вернулся в кабинет.

— Теперь будет вот что,— объяснил Александр.— Доктор станет называть все цифры подряд, а я должен на каждую цифру говорить «нет». В том числе и на задуманную тоже. А потом увидите, что получится.

Врач повернул рукоятку на передней стенке детектора. Возникло легкое жужжание. Ровным голосом, не спеша врач стал называть цифру за цифрой. Валик с миллиметровой бумагой чуть заметно двигался. Клювики самописцев прильнули к бумаге.

— Один? — вопросительным тоном произнес врач.

— Нет,— ответил Александр.

— Два?

— Нет.

— Три?

— Нет.

И так далее. Голос у толстяка был спокойный. И при цифре «шесть» он звучал совершенно так же уверенно, ухо не могло уловить никакой разницы, хотя это и была задуманная ими цифра.

Когда счет кончился, врач выключил детектор, извлек из него бумажную ленту и принялся изучать извилистые линии трех разных цветов, оставленные самописцами. Это продолжалось совсем недолго.

— Шесть,— объявил врач.

Теперь уже Александр подмигнул Павлу.

— Ну, как?

Павел спросил:

— А еще можно?

— Давайте повторим,— согласился толстяк.

Опыт повторили. Павел задумал и записал девятку. И врач с помощью детектора быстро и четко ее угадал. Было чему удивляться.

Павел понимал: это психологическая обработка. Но оттого, что он это понимал, не было легче. Детектор продемонстрировал свои возможности очень убедительно.

— Позовем Лошадника? — спросил врач у Александра.

— Зови.

Врач позвонил по телефону, сказал два слова: «Мы готовы».

Продолжение следует.

«SOS»!..

Этот сигнал бедствия штормовой осенней ночью передало в эфир итальянское судно «Эреттео». Большое, четырнадцать тонн водоизмещением, оно не справилось с ураганом и наскочило на камни у берегов Сахалина, неподалеку от Углегорского порта. Океанские волны приподнимали его и били о скалы, разрушая корпус. В трюмах появилась вода, жизнь экипажа оказалась в опасности.

Спасательные работы возглавил капитан дальнего плавания Александр Тарасович Демидов. К «Эреттео» опасно было подойти: волны ударялись о его борт, взлетали выше мачт. С большим трудом удалось высадить спасательную команду, по просьбе капитана «Эреттео» снять и доставить на берег итальянский экипаж.

— Сейчас,— рассказывает начальник отдела аварийно-спасательной службы Главного управления мореплавания Министерства морского флота Николай Петрович Дгебуадзе,— работы по спасению «Эреттео» заканчиваются. Почти целиком удалось сохранить ценный груз — целлюлозу. Ее страховая стоимость — 450 тысяч рублей. Чтобы корабль волнами не разбило о камни, его утяжелили — трюмы заполнили водой. Пробоины заделаны. Теперь воду откачают и снимут «Эреттео» с камней.

Нашей спасательной службе приходится работать не только в прибрежных водах. Недавно в Красном море ураган выбросил на коралловый риф судно ФРГ «Аргенфельс», порт приписки — Бремен. Сигнал бедствия принял находящийся в этом районе наш спасательный буксир «Горделивый». Он при десятибалльном штормовом ветре снял с рифа терпящее бедствие судно, «пассажиры» которого вели себя при этом очень шумно. Груз «Аргенфельса» состоял из овец, коров и верблюдов.

За спасение иностранных судов мы получаем не только денежное вознаграждение от их владельцев.

Николай Петрович показывает телеграмму, присланную владельцем рыболовного судна «Нитта Мару», остров Хоккайдо, Япония: «Примите нашу сердечную благодарность за спасение жизни людей и судна...»

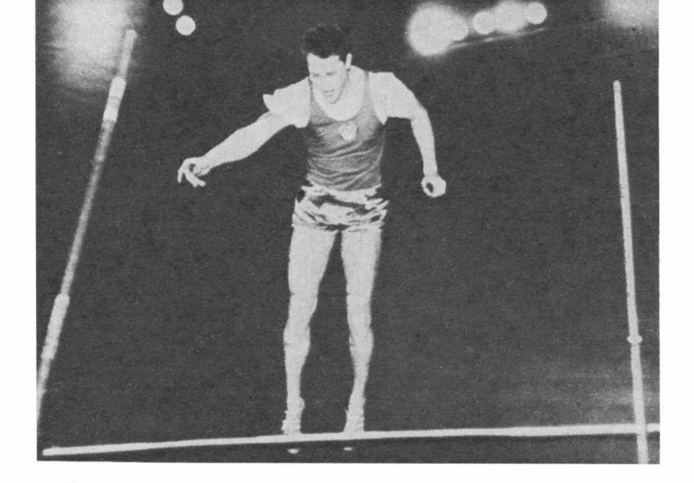

«Эреттео», наскочивший на камни возле Сахалина.

А. ГОЛИКОВ

1

4

5

Подходит к концу большой спортивный год. Он был удачен для наших спортсменов, и хоть впереди еще немало встреч, хочется преподнести подарок нашим самоотверженным болельщикам именно сегодня, в день самого большого праздника советских людей. Но как уместить этот подарок на двух журнальных страницах? Ведь для него и целого номера было бы мало! И вот мы решили ограничить тему нашего иллюстрированного спортивного обозрения — показать лишь некоторые победы, одержанные на зарубежных стадионах.

Перед нами снимки, присланные в Москву агентством Юнайтед Пресс Интернейшнл. Они сделаны в разных странах, на самых различных соревнованиях; герои всех этих фотографий — советские спортсмены. С января по октябрь 1965 года наши спортсмены участвовали в сорока восьми командных и личных первенствах мира и Европы. Они завоевали 17 золотых, 5 серебряных и одну бронзовую медали за командное первенство и, кроме того, получили 84 золотых медали, 42 серебряных и 26 бронзовых за личные победы. А ведь, кроме официальных соревнований, немало было и товарищеских, имеющих большое значение для развития дружеских спортивных связей.

Где только не побывали наши конькобежцы, фигуристы, хоккеисты, пловцы, фехтовальщики, баскетболисты, борцы, стрелки, легкоатлеты, гребцы, велогонщики, футболисты! Только на нашем развороте представлены соревнования, проведенные в десяти странах.

Да, немало весят лавры этого года!

2

1. ГЕТЕБОРГ (ШВЕЦИЯ). Конькобежца Эдуарда Матусевича, увенчанного лавровым венком чемпиона Европы, уносят на руках с пьедестала почета.

2. КОЛОРАДО-СПРИНГС (США). Олег Протопопов и Людмила Белоусова побеждают на чемпионате мира в парном катании.

3. ТАМПЕРЕ (ФИНЛЯНДИЯ). Капитан хоккейной команды СССР Борис Майоров в час победы на чемпионате мира.

4. НЬЮ-ЙОРК (США). Геннадий Близнецов, прыгун с шестом, выступив в феврале на целом ряде зимних стадионов, покорил любителей легкой атлетики своей смелостью и мастерством.

5. БУДАПЕШТ (ВЕНГРИЯ). Универсиада 1965 года стала одним из самых представительных соревнований сезона — она не уступала по размаху Олимпийским играм. Большого успеха добились молодые советские спортсмены. Удачны были и старты наших пловцов. Виктор Мазанов и американец Томпсон Ман после финиша.

6. ДУЙСБУРГ (ФРГ). Советская четверка с рулевым (на заднем плане) выигрывает первенство Европы у немецких, чехословацких и югославских гребцов.

7. ПАРИЖ (ФРАНЦИЯ). Советские рапиристы завоевали командное первенство мира. Спортсмены на пьедестале почета.

8. СОФИЯ (БОЛГАРИЯ). Встреча советских и чехословацких баскетболисток на чемпионате Европы решала судьбу золотых медалей. Победила команда СССР.

9. САН-СЕБАСТЬЯН (ИСПАНИЯ). Торжественный момент на чемпионате мира по велосипеду. Валентина Савина получает майку чемпионки мира.

10. МАНЧЕСТЕР (АНГЛИЯ). Чемпионат мира по вольной борьбе. Финальная встреча полусредневесов Г. Сагарадзе (СССР) и И. Ватанабэ (Япония). Эффектным броском советский борец добился победы и стал чемпионом мира.

11. ВИСБАДЕН (ФРГ). Наши стрелки убедительно реабилитировали себя после неудачи в Токио. В этом году они завоевали много золотых медалей, в том числе и на чемпионате мира. На этом снимке вы видите нашу команду после успешного финиша на крупных международных соревнованиях.

12. КАССЕЛЬ и ШТУТГАРТ (ФРГ). Два немецких города стали ареной борьбы сильнейших легкоатлетов Европы. Впервые разыгрывались Кубки для женских и мужских команд. Ирина Пресс первой закончила дистанцию барьерного бега на 80 метров. Янис Лусис победил в метании копья. Не менее удачно выступили и другие советские спортсмены. Оба приза теперь хранятся в Москве.

13. КОПЕНГАГЕН (ДАНИЯ). Сборная команда СССР, победив сборную команду Дании на ее поле, обеспечила себе право выступать на чемпионате мира по футболу 1966 года в Англии.

14. ПАРИЖ (ФРАНЦИЯ). Встреча легкоатлетов СССР и Франции, впервые проведенная в Париже, закончилась убедительной победой советской команды.

Лавры эт

3

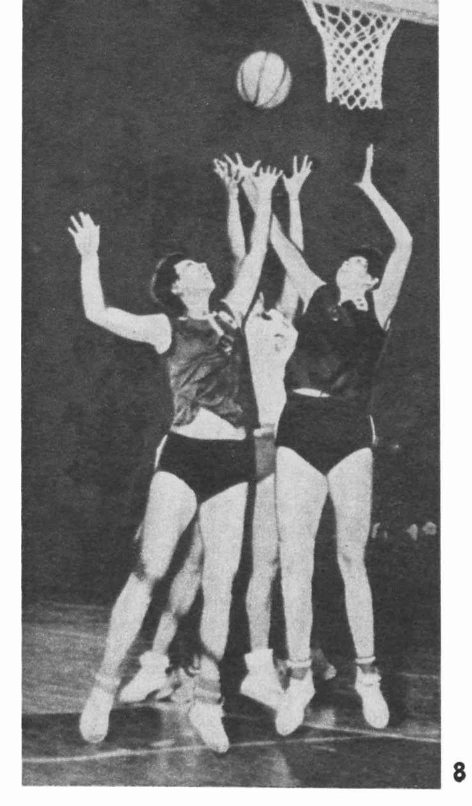

6

7

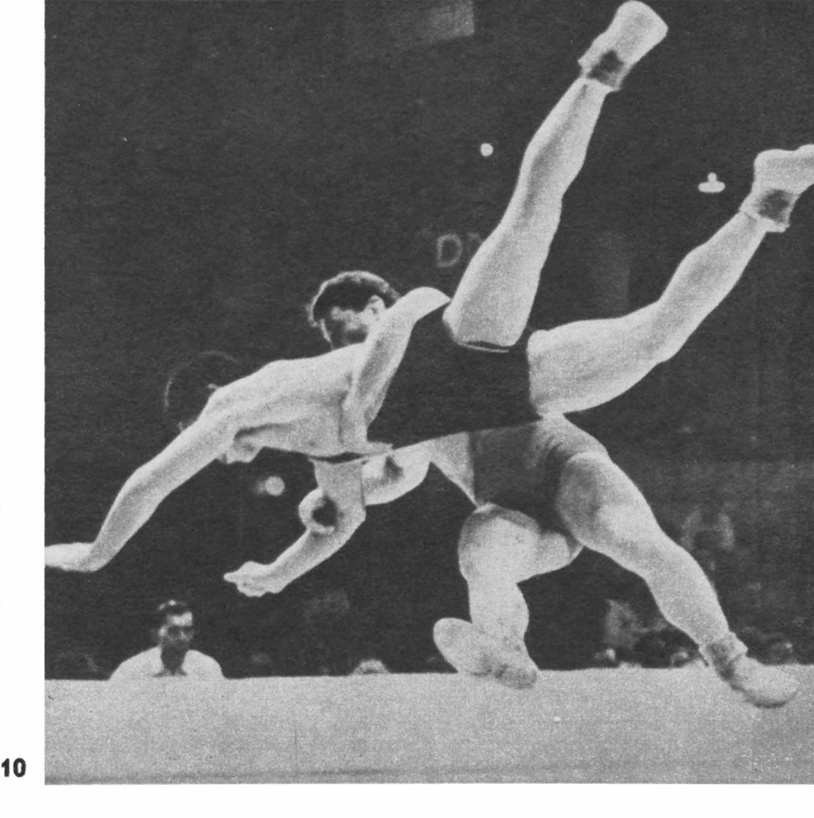

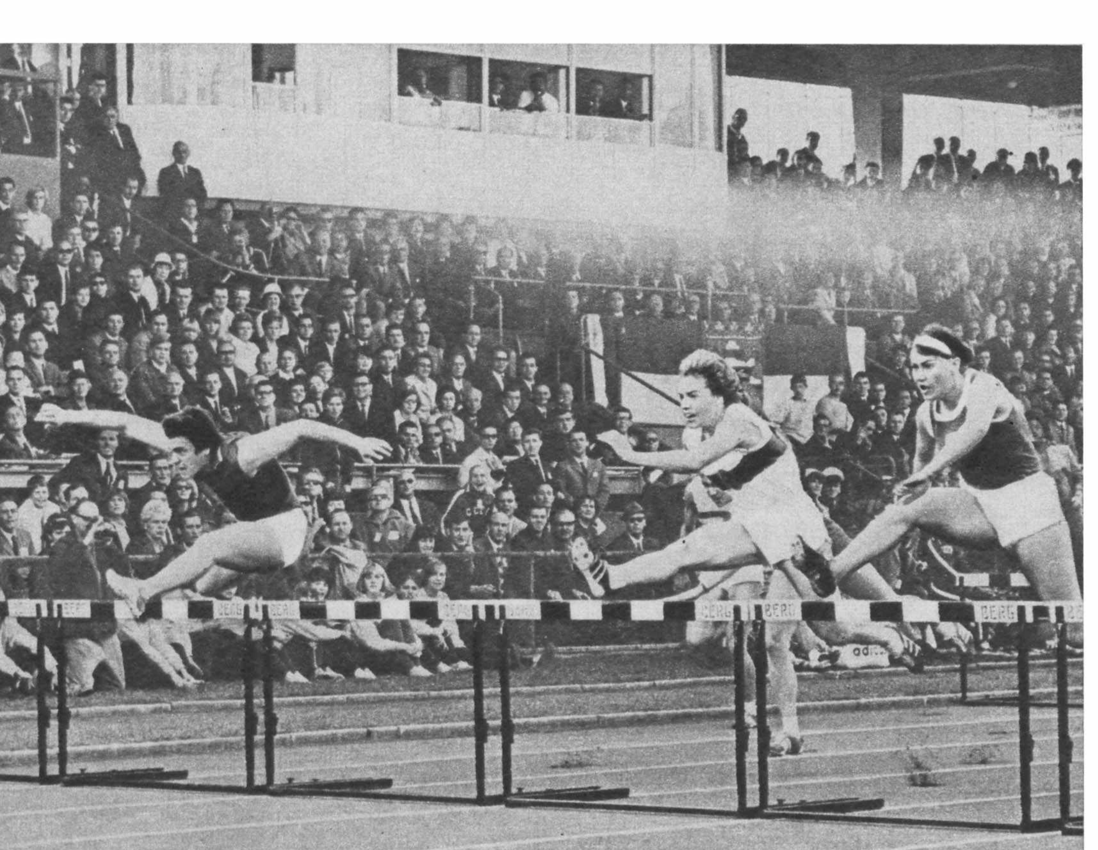
8

9

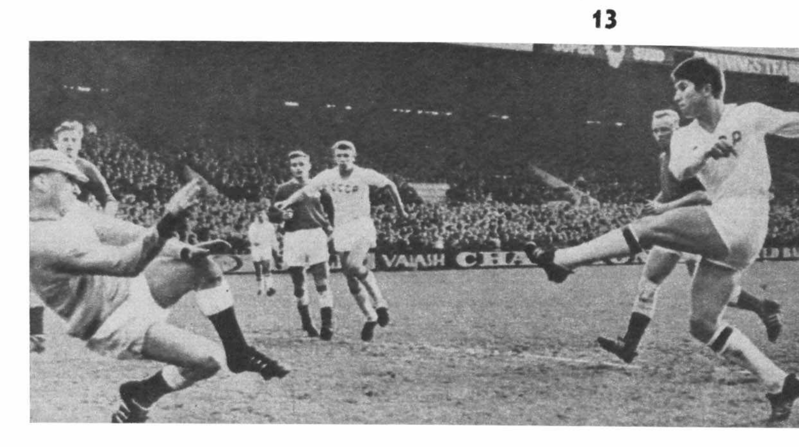
10

12

13

ого года

(ФОТООБОЗРЕНИЕ)

11

14

ТАБАСАРАНСКИЙ БЮЛБЮЛ

При имени Муталиба Митарова мне почему-то часто видится такая картина: идут по узкой горной дороге, которую то в одном месте, то в другом перебегают, словно суслики, крохотные ручейки, идут по такой-то вот дороге два человека и о чем-то разговаривают. Один, что потучнее, вышагивает важно, изредка в знак согласия кивая головою; второй, повыше и посуше, все время жестикулирует, показывает вытянутою рукою то вправо, то влево; этот последний без шапки; горный гуляка-ветер разметал редкие его седые волосы. Он может говорить своему солидно-степенному спутнику и о садах Табасарана, о бесчисленных ореховых плантациях, посаженных кем-то в какие-то незапамятные времена, и о молодых, юных, посаженных совсем недавно; и о редких пашнях, где зелеными пятнами обозначила свое появление на свет озимь; может рассказывать о самом, пожалуй, заветном и для него и для всех табасаранцев — о возведении плотины на горной реке, чтобы заплескалось новое море и напоило вволюшку богатый солнцем и бедный влагою здешний удивительно красивый уголок Дагестана.

Этот второй и есть Муталиб Митаров, секретарь Табасаранского райкома партии, депутат Верховного Совета Дагестанской республики. Говорит он сейчас о делах хозяйственных, но говорит обо всем этом с непривычной для руководителей его ранга приподнятостью, изобличающей в нем поэта. Немецкие осколки и пули исполосовали его, другой бы на месте Муталиба давно ушел на пенсию. К счастью, осколки эти и пули не задели, не коснулись светлой его души — она исполнена того никогда не иссякающего восторга, того радостного удивления перед жизнью, которое испытывает настоящий поэт.

Я пишу эти строки не для того, чтобы пожелать Муталибу доброго пути на нелегкой поэтической стезе. Он сам избрал себе этот путь и неплохо шагает по нему. Очень хочется, однако, чтобы многие узнали, что в горах Дагестана, в маленьком Табасаране, живет человек, который с полным правом мог сказать о себе:

Я бывал у смерти на краю,
Умирал за Родину свою.
И сегодня с гордостью пою
Ту же песню, что и ты, бюлбюл!

Бюлбюл — это соловей. Познакомьтесь же с ним, соловьем маленького и прекрасного Табасарана.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Муталиб МИТАРОВ

БЮЛБЮЛ

Если вновь природе не до сна,
Если от цветенья ночь ясна,
Громко говорит с тобой, весна,
Соловей — по-нашему, бюлбюл.

Если верить праздничной молве,
Он поет о молодой траве,
Он поет о вечной синеве,
Соловей — доверчивый бюлбюл.

Чем же он, певец весны, живет?
Он росу холодную клюет.
Беззаботно, озорно поет
Соловей—мой маленький бюлбюл.

Я тропинкой лунною иду,
Разговор с моим певцом веду:
— Хорошо тебе в моем саду,
Весело, наверное, бюлбюл?..

Не беда, что подражаю я
Неуемной песне соловья,—
В этой песне Родина моя.
Понимаешь ты меня, бюлбюл?..

Ты поешь. И далеко слышна
Взорванная песней тишина.
И бледнеет вечная луна
Перед песней юности, бюлбюл.

А в моем саду белым-бело,
Столько нынче цвета намело.
Но не от цветения светло,
А от песен солнечных, бюлбюл.

В сердце нет ни горя, ни тоски.
Все дороги трудные легки,
Беды и печали далеки,
Потому что ты поешь, бюлбюл...

Я бывал у смерти на краю,
Умирал за Родину свою.
И сегодня с гордостью пою
Ту же песню, что и ты, бюлбюл!

СОН В БЛИНДАЖЕ

Какая тишь!
И ты ко мне уже
Спускаешься с высокого пригорка...
Пропахший дымом боя и махоркой,
Я сладко сплю
В солдатском блиндаже.

Какая тишь!
И нет ни блиндажа,
Ни дыма, оседающего немо.
Есть только ты
Да утреннее небо,
Где гаснут звезды, солнечно
дрожа.

Я ничего не знаю о войне...
Светлеют гор далекие вершины.
И мы с тобой идем, непогрешимы,
Навстречу солнцу и своей весне.

Но сон прошел.
И вот опять война.
О ней теперь я слишком много
знаю.
Чтоб наяву мы встретились,
родная,
Почаще приходи во время сна...

КОГДА Я БЫЛ ОДИНОК

К себе я сострраданья не ищу
И в дни,
Когда я горестно грущу,
Твое стараюсь имя позабыть!
Но как мне быть?
Не знаю, как мне быть...

Пишу о грусти.
Может быть, она
Пройдет,
И душу тронет тишина.
Но нет, напрасно!
Грусть еще сильней,
И сердцу все печальней и больней.

Ты приходи.
Я с горечью скажу
О том, что камень на сердце ношу.
Приди и камень давящий сними.
Не в силах я забыть тебя,
Пойми!

Одна надежда у меня теперь,
Что ты однажды постучишься
в дверь,
Что не пройдешь, как прежде,
стороной,
Что тихо скажешь:
— Боль твоя со мной!

СЛЫШИШЬ ЛИ ТЫ...

Для меня ты чудо из чудес:
Сад цветущий, речка, горный лес.
Если уж по правде говоря,
В образе твоем встает заря...

И хоть мы с тобой разделены
Речкой небывалой глубины,
Я, тебя заметив, не могу
Устоять на этом берегу.

Я тебе любовь свою несу,
Только затерялась ты в лесу.
А в лесу попробуй-ка найти,
Если ни тропинки, ни пути.

Я иду в цветущие сады,
Может, где-то там укрылась ты.
Но у нас сады во все края.
Как тебя найти, любовь моя?!

Я себе с надеждой говорю,
Что одно осталось — ждать зарю.
Но заря такая, что нельзя
Уберечь от слепоты глаза.

МОЯ ВЕСНА

Я трепетно приветствую весну,
Ее приход, как праздник, отмечаю.
Я громко отрицаю тишину
И каждую травинку различаю.

И вот, казалось, будничный цветок,
А для меня он целый мир весною.
И звездный несмолкающий поток
Несет любимой имя надо мною.

И даже постаревшая луна
Весенней ночью кажется моложе.
И жизнь опять понятна и ясна,
Хоть сердце успокоиться не может.

Я вижу душу каждого цветка,
Я слышу, как роса скользит по
веткам.
И все роднее говор родника,
И все теплей прибой родного
ветра.

Все солнечней заря!
И наконец
Любимой имя солнце подхватило.
И золотой пастуший бубенец
Настроило веселое светило.

Предела нет весне,
Как и любви,
Что в эти дни бунтующе играет...
Шуми, весна,
Гори в моей крови,
От этого огня не умирают!

Перевел с табасаранского
Вл. Фирсов.

Каска строителя — самый модный головной убор в Коммунарске.

«Косметика» тепловоза.

Доброе солнце Луганска.

Начало на стр. 8.

тельности труда на шахте, каждую смену он добывает сверх нормы 5—6—7 т угля».

— Вовсе и не потому,—улыбается Яков, и лицо его снова становится круглым.— Семен Михайлович самого главного моего секрета не знает. Я работаю там, где обычно машина не проходит. Если пласт низкий, так забойщику на коленях работать приходится. А я в любом забое на ногах. Росто у меня всего полтора метра.

И он заразительно смеется.

Такой у нас характер

Любопытный город Северодонецк! Средний возраст жителей— 27 лет. 40 процентов населения учится в школах, техникумах, вузах. Город занимает второе место в стране (после Братска) по рождаемости. Каждый второй житель — можете себе представить, каждый второй!—занимается спортом. Самый популярный вид спорта не футбол, а теннис. Футбол на втором месте. На каждые 60 жителей приходится по одному инструктору-общественнику.

Названия в городе тоже кое о чем говорят: клуб «Комсомолец», кафе «Юность» и «Ровесник», Комсомольский проспект.

Профессия города самая современная — он один из крупнейших химиков нашей страны.

Иван Грищенко, начальник производственно-технического отдела завода стеклопластиков, по годам как раз самый типичный житель для Северодонецка. Но на заводе он чувствует себя старичком. Здесь средний возраст подсчитан с большей точностью и равен 24,7 года.

Цех, где стоят стеклоплавильные агрегаты, самый юный. Тут не стоит вертеть ручку арифмометра, и так ясно, что средний возраст работниц — а в цехе в основном девушки — едва ли достигает 20 лет.

— Это машина для получения волнистого стеклопластика,— говорит Грищенко уже в другом цехе.— Машина франко-советская.

— То есть как?

— Нет, вообще-то французская. Но мы тут столько к ней пристроили, что трудно теперь определить ее происхождение.

— Что, плохую машину сделали французы?

— Нет, машина неплохая, только вот характерами мы с нею не сошлись. Продукцию она давала хорошую, но людям работать на ней — одно мучение. Вентиляция не предусмотрена, загазованность солидная. Листы разрезались абразивными кругами — шум от них за проходной слышно, а рядом и оглохнуть недолго. Вот и привели мы французскую уроженку в соответствие с нашим советским характером труда. Чтоб работать было приятно. Только и всего.

Только и всего. И ничего особенного. Было бы странно, если бы «не перевоспитали» «француженку» эти энергичные парни и девчата. Теперь перед ними другие проблемы. Например, проблема красителей для стеклопластикового шифера. Красители вообще-то не их специальность, но ведь обидно, когда уютные павильончики на автобусных остановках, сделанные из стеклопластика, обесцвечиваются. Разумеется, и от дождя и от жары они спасут, но ведь надо сделать так, чтобы и красоты своей они не теряли, чтобы создавали людям хорошее настроение.

Еще раз о вечном огне

Смеркалось. Вечный огонь у братской могилы героев стал из желтого ярко-красным. По белым плитам заплясали багровые блики. Ветер усилился, и подземный гул стал громче, протяжнее и мощнее.

В этом городе мне нужно было поговорить еще с одним человеком — бригадиром строителей Николаем Буниным. Мы условились, что я заеду к нему вечерком.

...Мы сели на скамейку около дома, и потекла беседа. Многое я о нем уже знал. Знал, что с восьми лет остался он сиротой, что войну начал в лыжном батальоне, был тяжело ранен, но дошел-таки потом до Берлина и даже поставил свой автограф на стене рейхсканцелярии. Знал также, что он депутат Верховного Совета республики, заслуженный строитель Украины и что ему присвоено звание Почетного гражданина города.

— После войны нашу часть направили сюда,— объяснил Николай.— Тут девушку одну встретил. Когда перевели нас в другое место, переписывались мы. А закончил службу, сюда и приехал. Строителем стал. Чего только не строил! Идешь иной раз по улице, задумаешься и не видишь ничего вокруг. Потом случайно глянешь перед собой — дом стоит. Мой дом. И тот, что рядом, тоже мой. И на противоположной стороне — снова мой. Ну, не мой в полном смысле слова, наш, конечно, бригадный. А больше всего мне нравится строить школы.

— Говорят, и бригаду вашу величают не иначе как бунинцы.

— Это раньше. Сейчас другое у нас имя.

Николаю немного за сорок. Он как раз ровесник тех героев, о ком скорбит гранитная мать над вечным огнем. А в нем самом нет ничего героического. Во всяком случае, на первый взгляд.

Бунин поежился от вечернего холодка, поправил пиджак на плечах, запахнулся насколько можно. Мы поговорили еще с полчаса и распрощались. Я крепко пожал ему руку, человеку, двадцать лет назад оставившему свой победный автограф на стене фашистской рейхсканцелярии, Почетному гражданину города Краснодона, бригадиру бригады имени молодогвардейца Ивана Земнухова.

У калитки я обернулся и помахал ему: дескать, до встречи. Впотьмах я уже не видел Николая, только слышал, как шлепают по ступенькам крыльца его домашние тапочки.

Люди, делающие великое дело, почему-то никогда не кажутся великими. Это выясняется потом, позже, когда дело сделано.

Алексей МАРКОВ

Из дорожной тетради

ГОРЫ

Горы, горы, облака,
Ледяные ручьи,
Принимайте кунака,
Дорогие Кубачи!

Не раскаиваться я
Шел туда, где не грешил:
В дружбе молодость моя
С древней мудростью вершин!
Расступились облака:
Отдохни с дороги, друг!
И светлей у родника
Засверкали струи вдруг.
Ты войди, кунак, в сады
И отведай наш инжир...
Был горячим, стал седым:
Много видел, много жил...

Гор зеленая гряда,
Вдаль распахнутая дверь,
Знаю, будете всегда
Рады встрече, как теперь!
Горы, горы, облака
Остаются в стороне...
Пусть им будет жизнь легка,
Как легко сегодня мне!

Дагестан.

ПЕСКИ

Голодные, знойные степи...
Ну, как же тут люди живут?
Земля безответна, что пепел,
Как зноя дурманящий гуд.

Ни тени, ни травки, ни птицы.
Лишь кобры на зыбком песке
Увертливый след серебрится
Да воздух дрожит вдалеке...

Колесами «газик» скрежещет,
В песчаные тычась холмы.
А солнце все хлестче и хлестче,
Боржомом спасаемся мы.

Кибиток сутулые стены,
Оконца на север глядят:
На тень здесь особые цены,
Бесценна она, говорят!

Мой спутник, серьезный мужчина,
Исторгнувши радости крик,
Стремительно дверцу откинул,
К земле изнуренной приник.

— Ребята! Вот здесь мое детство!..
Взгляните, какая краса!..
В красу мы старались вглядеться,
Но пыль засыпала глаза!

О Родина, ясная зорька!
Какою бы ты ни была —
Пустынной, обугленной, горькой —
Ты нашему сердцу мила!

Туркмения.

НАЗАРЛИ

Назарли, Назарли, Назарли!
Ты лишь имя мое назови,
Сразу время покатится вспять,
И в Баку окажусь я опять!
Буду рядом с тобою идти,
Буду все замечать на пути:
Как от взглядов сутулишься ты,
Чтоб не выдать своей красоты;
Как вздыхают во след:
«Пах-пах-пах!»
Свору шлют надоедливых свах.
Ты, смотри, не спеши Назарли,
Женихов неотступных позли,
У ворот пусть походят твоих
И преклонят колени на миг
Перед той, что жила до тебя,
Становилась женой, не любя,
Мир сквозь прорези черной чадры
До кладбищенской видя поры.

Не скользнет пусть минувшего тень!
Пальцы в пальцы мне смело продень!
Мы пройдем на виду у зевак,
Разгоняя оставшийся мрак!

Назарли, Назарли, Назарли,
Только имя мое назови,
Сразу время покатится вспять,
И в Баку окажусь я опять!

Азербайджан.

РОЗЫ

Как стюардесса ни старалась
Преодолеть цветов усталость:
Кропила лепестки водой,
Водой хоть, правда, и не той,
Что бьет ключами под горою,
Ложась предутренней порою
На розы светлою росой,
Чтоб отогнать полдневный зной.
Как целлофановой завесой
Ни ограждала стюардесса,—
Но умирали лепестки
То ль от жары, то ль от тоски
По скрывшимся вдали долинам,
По синим рощам соловьиным...
Земной не выжить красоте
На реактивной высоте!

Что говоришь ты? Сникли розы,
Как послесвадебные косы?
Сказал сейчас неправду ты:
Не умерли, живут цветы!
Живут срезавшие их руки,
Что их дарили в час разлуки,
Пять пальцев девичьей руки
Живут в душе, как лепестки.
Живут шипы, вздыхают розы —
Колючесть женская и слезы,
Живет сиянье тихих глаз,
Мне говоривших «В добрый час!».

...Законам правды вопреки
Не опадают лепестки,
Стучатся памятью в виски.

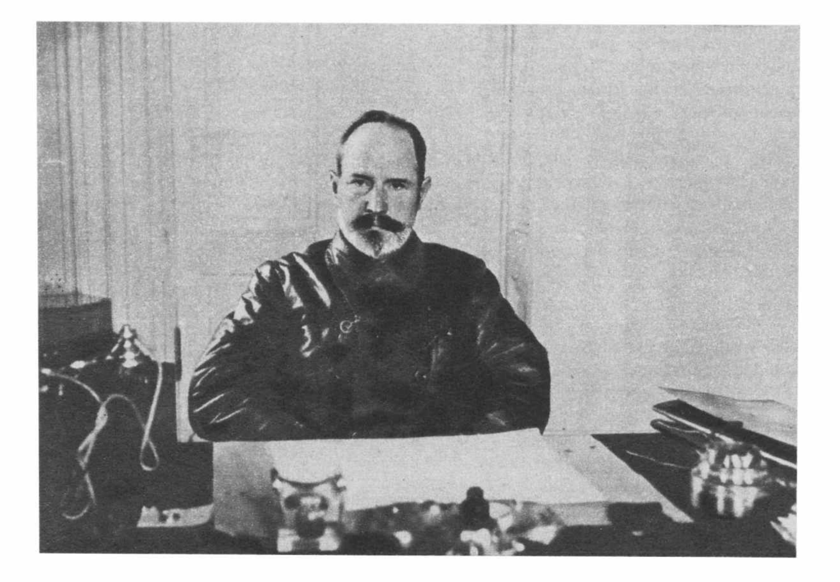
Азербайджан.

ОТЕЦ И ДОЧЬ

Они были достойны друг друга, отец и дочь,— Михаил Андреевич и Лариса Рейснеры.

Правовед и знаток религий, профессор Рейснер еще в 90-х годах прошлого столетия, на заре своей педагогической деятельности, сочувствовал студенческому революционному движению. В 1903 году он поплатился за это, лишившись кафедры в Томском университете. Был вынужден эмигрировать. Встречался в Германии с Карлом Либкнехтом, Августом Бебелем и другими видными социал-демократами. Некоторые статьи Рейснера из немецкого «Форвертса» были напечатаны в газете «Пролетарий». Возвратившись в Россию, Михаил Андреевич стал большевиком.

После Октября петроградский профессор полностью посвятил себя общественной деятельности — стал публицистом, пропагандистом, организатором коммунистического просвещения народных масс. Именно ему Ленин поручил написать декрет об отделении церкви от государства. Рейснер — один из авторов первой Советской Конституции. В гражданскую войну, хотя ему перевалило за пятьдесят, профессор уехал на фронт. В дни героической обороны Астрахани М. А. Рейснер заведовал политотделом Волжско-Каспийской военной флотилии. Тогда и был сделан, как говорят, этот снимок.

Лариса Михайловна сфотографирована раньше — скорее всего накануне Октября. Лариса Рейснер была в дни революции штабным комиссаром. На фронте попала к белогвардейцам. От неминуемого расстрела ее спасла только отчаянная смелость. В письмах домой она по-прежнему именовала себя Ларой, Лялей, а в сражениях на Волге и Каме своей выдержкой поражала даже бывалых моряков, ходила с ними в разведку. Среди этих военных моряков был Всеволод Витальевич Вишневский. Несомненно, он думал о Ларисе Рейснер, когда создавал образ женщины-комиссара в «Оптимистической трагедии».

Молодая коммунистка, влюбленная в трудовой народ и революционную новь, была очень одаренным человеком. Очерки и корреспонденции, собранные в книгу «Фронт», сразу ввели Ларису Рейснер в большую литературу. Ее писательские и журналистские увлечения ширились, талант сверкал новыми и новыми гранями. Но в 1926 году ее безвременно настигла смерть.

Оба снимка находятся в Центральном государственном архиве фотокинофонодокументов СССР.

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Это милое весеннее слово услышал я в Ровенском краеведческом музее.

Мы ходили по тесным залам, загроможденным историческими реликвиями, сотрудник музея рассказывал о подпольной, партизанской Ровенщине, а сам я нет-нет да и вспоминал поля, села и хутора, что встречались мне по дороге в Ровно. Миром, покоем, тишиной веяло от всего этого. И такая же мирная, спокойная жизнь была за окнами музея.

— У нас на Ровенщине богато отважных людей боролось за нове життя,— сказал сотрудник музея.

Вот тут-то он и произнес нежное слово «Пташка». Оказалось, так когда-то звали в подполье еще во времена панской Польши Ольгу Солимчук, ту самую, о которой не раз упоминается в документальной повести Д. Медведева «Сильные духом».

Немногословно, языком фактов говорится в ней об Ольге Солимчук. Но все равно отчетливо видишь молодую девушку из волынского села Синёв, светловолосую, ясноглазую, очень скромную, легкую, одухотворенную. Такой именно она и запечатлена на давнишней фотокарточке в краеведческом музее. И до чего же метко, хорошо подходила к ней эта партийная кличка — «Пташка»!

Я познакомился с Ольгой Петровной Волковой, в девичестве Солимчук, техником-технологом.

Теперь Ольга Петровна — мать четырех сыновей. Живет она в молодом районе недалеко от льнокомбината.

АКТЕР-РОМАНТИК

«Когда меня спрашивают о том, как я понимаю героическое в его современном, советском значении, я даю ответ, который может кому-нибудь показаться слишком простым: для меня героическое искусство — это искусство, отражающее наше сегодня. Ибо героична сама наша жизнь. Героичен каждый ее день, каждый наш человек...»

В этих словах Акакия Алексеевича Хоравы выражено эстетическое кредо актера, его принципы, которым посвятил он всю свою жизнь. Они определяют смысл его творчества, органически вписаны в художественную ткань его сценических созданий.

Хорава никогда не тяготел к так называемым «мелким темам», к образам и судьбам «маленьких людей». Его не увлекали полутона, камерность звучаний. Герои его были втянуты в водоворот больших событий, жили широко, размашисто и бурно, несли в себе волевое, мужественное начало, были одержимы в борьбе. Анзор и Арсен, эти народные вожаки из одноименных пьес С. Шаншиашвили, капитан Берсенев из «Разлома» Б. Лавренева, шиллеровский Карл Моор, шекспировский Отелло, Иван Грозный, генерал Муравьев, Георгий Саакадзе, царь Эдип — все это сложные натуры, осмысленные актером как характеры эпические, монументальные. И все это история грузинского театра в его лучших традициях.

Вне этой истории немыслимо творчество Акакия Хоравы. Сегодня, когда ему исполняется семьдесят лет, об этом надо сказать со всей определенностью. Первый, ведущий актер Театра имени Руставели, Хорава не только воплотил в своей сценической практике идейно-художественные особенности этого театра, но и сам во многом определил его эстетическую программу, его возвышенный, героико-романтический и вместе с тем глубоко реалистический стиль.

Хорава — актер трагического пафоса, актер-романтик. Но сфера героико-романтического или трагедийного не представляется ему чем-то отвлеченно-ходульным, помпезно-выспренним. Романтика его не оборачивается романтикой «плаща и шпаги», а трагедийное он понимает прежде всего как борьбу, как преодоление препятствий, как способ породить в людях веру в торжество идеала. Его Отелло входил в сенат уверенной и легкой поступью, казалось, что воин пришел на поле брани. Пришел защищать свою любовь — самое большое свое завоевание, самую большую свою победу в жизни. Он никого ни в чем не убеждал, не жаловался. Отелло — Хорава просто не нуждался в этом. Слишком он был уверен в прочности своей позиции и говорил размеренно, весомо, с сознанием собственной правоты и силы. А в бою это так много значит! И когда бой оказывался проигранным, Отелло — Хорава мстил не за поражение, не за поруганную честь, не за измену. Он мстил за осквернение идеала. Опустошенный, уничтоженный, выходил он из спальни Дездемоны и с ожесточением срывал с себя золотые цепи. Они ему были больше не нужны. С глухим звоном, как дешевые побрякушки, как пустая мишура, рассыпались они по полу. В сущности, такой мишурой представлялся ему теперь весь мир. А потом, когда оказывалось, что Дездемона невинна, Отелло начинал плакать. Он плакал слезами просветления, и в глазах его светилось счастье, потому что вера в Дездемону, вера в чистоту идеала была восстановлена. И это было для него главным.

После спектакля «Отелло» В. И. Качалов писал Акакию Хораве: «Хочу сказать Вам, дорогой Акакий Алексеевич, что давно не уносил из театра такой большой, освежающей душу радости, какую вчера дал мне Ваш Отелло. Быть может, со времен молодого Шаляпина.

Спасибо Вам за эту радость. Крепко жму Вашу руку и руку партнера Вашего А. А. Васадзе — великолепного Яго, обоим вам кланяюсь низко, а Вам за Вашего Отелло кланяюсь до земли».

В жизни Акакия Алексеевича было немало случаев, когда благодарный зритель награждал его знаками своего почитания. Но это была оценка Качалова. В словах его звучала не только искренность восторга. В них было нечто большее — признание художника художником.

Актер монументальных форм, умеющий возвеличить обыденное и жизненно достоверное до больших трагедийных и социальных обобщений, Хорава никогда, ни разу в жизни не изменил искусству сценической правды, той самой правде переживаний и правде чувств, которые делают его величественные образы такими близкими и понятными народу, хотя они неизменно преображены правдой театральности. Вот почему вполне понятно восторженное отношение к Хораве великого режиссера нашей эпохи Вл. И. Немировича-Данченко, который признал совершенным исполнение им роли Отелло. Ведь Хорава, в творчестве которого отчетливо переплелись корни реалистического и романтического искусства, как бы воплощал в реальность мечту Немировича-Данченко о «самой великолепной романтике в самой простой форме».

Не будучи никогда непосредственным учеником К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, но восприняв от своего учителя Котэ Марджанишвили основы реалистического метода актерской игры, Хорава в своей сценической практике сумел творчески претворить этот реалистический метод в условиях национального грузинского театра. Актер-реалист, он понимает широко национальную сущность образа. Она для него не во внешних приметах быта, а во внутреннем многообразии героя, в его психическом складе, в темпераменте мысли и чувств, в ритме поведения. И, сохраняя это национальное своеобразие,

Хозяйка дома встречает нас на веранде.

Так вот она, Пташка!

Я вглядываюсь в невысокую приветливую женщину в черной вязаной кофточке. Сколько же ей теперь лет? У глаз заметны морщины, неброская седина в густых волосах — следы прожитого и пережитого...

— Кто это у вас рисует?— кивая на картину в позолоченной рамке, спросил я.

— Это брат Антон увлекался живописью. Помню, у нас висели нарисованные им портреты Розы Люксембург, Клары Цеткин, Энгельса, Шевченко... Антон в ровенской гимназии учился, а старший брат, Роман,— в сельскохозяйственной школе. Я, семиклассница, запоминала, что они читали и рассказывали про страну на востоке, какие революционные песни пели.

На картине типичная украинская хатина под соломенной крышей. Много зелени, света.

— Вот там мы и жили всей семьей,— тихо говорит хозяйка.— Все как было: и хата, и сарай, и ясень. В школу я бегала во-он по той дорожке. А на горище и в лёху у нас прятался известный на Ровенщине коммунист Терентий Новак, мой учитель по подполью...

Воспоминания уводят Ольгу Петровну к той поре, когда она стала комсомольским вожаком в Гуще.

В те годы каждый день был полон риска и неизвестности. Она ходила на явки, называла пароли, пряталась от полиции, организовывала в селах «комирки»—ячейки. Так продолжалось до того дня, пока ее вместе с подругами не арестовали.

Из панской тюрьмы она выходила вместе с Новаком и подругами в те дни, когда старая Польша на глазах разваливалась в огне войны. Валом валили по дорогам войска, беженцы, автомашины, подводы. Устремилась на восток, в родное село и Пташка. В Бресте она впервые увидела красную звездочку на фуражке советского воина и поняла: отныне на Ровенщине, на западноукраинских землях все пойдет подругому. Пташка поступила учиться в педагогическое училище в Остроге.

А потом война.

И опять подполье, опасность, организация партийной группы в родном Синёве, где она работала учительницей. Тихий город Ровно гитлеровцы и их прихвостни — украинские националисты—объявили своей «столицей». Но партизаны, обосновавшиеся в ровенских лесах, вели с ними беспощадную борьбу.

Чем только тогда не приходилось ей заниматься: была телефонисткой, печатала на машинке, стирала белье бойцам, носила метеоприборы, ходила в разведку...

На веранде вдруг раздается топот: кто-то пришел. Ольга Петровна на минутку скрывается за дверью, потом возвращается с выражением спокойной радости на лице.

— Семейка моя после работы собирается.

В комнату входит, нет, не входит, а влетает высокий, статный парень. На ходу сдергивает с плеч свитер, переодевается и уходит с книгами в соседнюю комнату. Мать провожает его внимательным, любящим взглядом.

— Все некогда ему, все торопится, хочет всюду поспеть.

Игорь учится в вечерней школе, а работает токарем.

Вскоре явился из школы и самый младший из ее сыновей — Толя.

Наконец приходит и сам хозяин — Григорий Михайлович Волков. На портрете, что висит над шкафом, он молодой, в военной форме. Теперь он выглядит старше — годы не красят, и все же я легко представляю себе этого человека в разведке, пробирающегося сквозь заросли леса. Встретились он и она на лесной дорожке, полюбили друг друга и поженились.

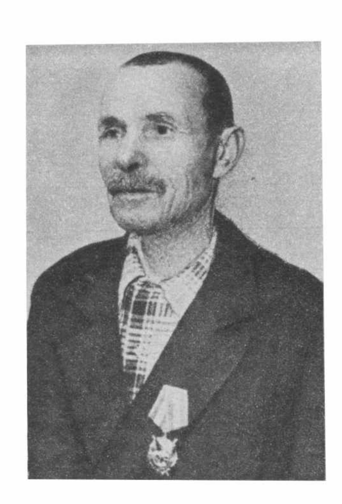
Работает сейчас Григорий Михайлович на складе зерна.

Семья в сборе. Правда, нет Ральфа, самого старшего. Он работает агрономом, сейчас в Киеве, на совещании передовиков сельского хозяйства. Нет и другого сына — Владимира, который учится во Львове в политехническом институте.

В воскресный день я встретил Ольгу Петровну на улице. Она водила по городу группу приехавших из района школьников. Я видел, как долго стояла она с ними на площади, перед памятником Герою Советского Союза Николаю Кузнецову. Вряд ли ребятишки знали, что их экскурсовод — та самая Пташка, девушка-партизанка, которую так уважал отважный разведчик.

Андрей ФЕСЕНКО

ЭТО БЫЛО ПОД КРОНШТАДТОМ

Торжественно начался этот год для Иргибая Тимирбаева, жителя деревни Кильбахтино в Башкирии. Его поздравляли односельчане, писали издалека, чествовали в колхозном клубе.

Чем же заслужил старик такие почести?

Шел 1921 год. Разбитая в открытом бою контрреволюция плела один заговор за другим. Вспыхнул кронштадтский мятеж. Для того, чтобы подавить его, были направлены части Красной Армии под командованием М. Н. Тухачевского и делегаты X съезда партии под водительством К. Е. Ворошилова.

В рядах бойцов, штурмовавших почти неприступную Кронштадтскую крепость, был и красноармеец 95-го стрелкового полка Иргибай Тимирбаев. Было ему в то время 20 лет. Шел он в первых рядах наступающих частей. Шел, когда ружейно-пулеметный огонь косил наступающие цепи. Шел, когда от орудийных снарядов лопались перепонки. Шел по льду Финского залива. Падал и снова шел. Превозмогая боль от раны, вместе с другими ворвался в город. Лишь здесь силы покинули воина.

Три дня лежал в походном госпитале молодой боец. Три недели лечился в Петрограде. А потом долечивался в Вятской губернии, там и демобилизовался по состоянию здоровья: оглох на одно ухо.

Сорок два года не знал Иргибай Тимирбаев о том, что за героизм, проявленный при штурме Кронштадтской крепости, он был представлен к высшей в то время награде. Лишь случайно юные краеведы Ново-Кильбахтинской восьмилетней школы узнали об участии деда Иргибая в подавлении кронштадтского мятежа и попросили своего директора Михаила Кугубаева написать в Архивный отдел Министерства обороны.

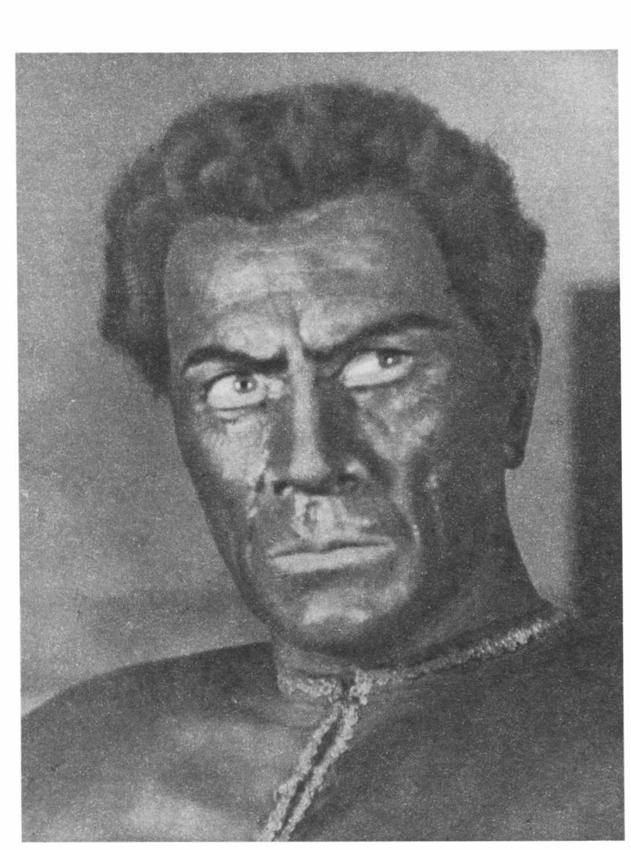
Какова же была радость учеников, когда они узнали о том, что приказом Реввоенсовета республики № 65 от 10 марта 1922 года красноармеец 95-го стрелкового полка Тимирбаев Иргибай за отличия, проявленные в боях 17—18 марта 1921 года под Кронштадтом, награжден орденом Красного Знамени.

Сейчас Тимирбаев Иргибай живет и работает в родном колхозе имени Ильича, Калтасинского района Башкирии. У него два сына и две дочери. Дети также работают в колхозе.

За хорошую работу Иргибаю Тимирбаеву правление колхоза преподнесло в подарок радиолу и бесплатную путевку на юг. А военный комиссар города Нефтекамска в торжественной обстановке вручил награжденному орден Красного Знамени.

Вот почему этот год для старого Иргибая начался так радостно.

М. НОВИКОВ

А. А. Хорава — Отелло.

актер Хорава творит на том самом общенародном языке большого искусства, которое доступно всем и постижение которого дает право говорить об истинной народности художника-творца.

О Хораве можно смело сказать, что всем своим обликом — человеческим и творческим — он как бы олицетворяет черты и тип актера советской эпохи. Это проявляется во всем: и в его театральной деятельности, и в личных его качествах, и в той огромной общественной миссии, которую несет он как гражданин, как коммунист. Приходится порою удивляться, откуда берется в нем столько энергии, самоотвержения, необыкновенной гражданской ответственности и чувства долга, которые вкладывает он в свою повседневную общественную работу. Как депутат Верховного Совета СССР четырех созывов, он проявлял максимум старания, чтобы с честью оправдать это высокое звание. Как председатель Грузинского республиканского комитета защиты мира, член Советского комитета защиты мира и член Комитета солидарности стран Азии и Африки, он активно участвует в деле укрепления мира во всем мире и своим личным авторитетом способствует развитию дружественных связей своего народа с миролюбивыми народами всего земного шара.

У него во многих странах мира есть друзья: Пикассо и Арагон, Ив Монтан и Симона Синьоре, Вальтер Шмидт и Эльфрида Флорин. Друзья из Албании шлют ему дружеские, полные любви и благодарности письма: он создал в кино образ великого воина албанского народа Скандербега.

Духом высокого интернационализма и большой культуры веет от его домашней обстановки. Здесь, на стене, висят работы Пикассо и Леже — авторские подарки. Здесь множество снимков, демонстрирующих интересные поездки актера в разные страны и его встречи с выдающимися людьми современности, альбомы и репродукции с изображением картин великих живописцев, большая библиотека, огромное количество писем от наших соотечественников и друзей из-за рубежа.

Он знает цену дружбе и умеет дружить с людьми. Какой красивой, творческой, великолепной была его дружба с Николаем Хмелевым! И как замечательно, что эти два актера встретились на своем жизненном пути, поняли и полюбили друг друга!

Мчатся годы. Порою уходят вспять какие-то факты, события, дела, многое забывается... Но история не подвластна забывчивости. Она апеллирует к фактам. А факты говорят об одном: Акакий Хорава, основатель и профессор Грузинского театрального института, в прошлом его руководитель и директор Театра имени Руставели, воплощал в своем лице человека, неустанно заботящегося о молодых творческих кадрах. Воспитывая молодежь в стенах института, он широко распахнул перед нею двери театра, открыв ей дорогу к будущему. Молодежь ему многим обязана. И это общение с молодостью — лучший залог постоянной неуспокоенности актера, мобилизующий стимул в его нелегкой работе.

Акакию Хораве семьдесят лет. Как много сделано за эти годы! Сыграно восемьдесят ролей, прожито восемьдесят жизней. А как еще много предстоит ему впереди! Вот они, роли несыгранные — Макбет, Егор Булычов, герои античных трагедий, герои еще не написанных советских пьес... Впереди — новые творческие поиски, взлеты и радость открытий, определять которые всегда будет все то же страстное желание актера и гражданина нести людям чувства просветленные, учить их мужеству и стойкости, высокому патриотизму и преданности Родине.

Этери ГУГУШВИЛИ

«АВРОРА» В ПАРИЖЕ

ТРАДИЦИОННАЯ ДРУЖБА

В Париже, неподалеку от Эйфелевой башни, гремят орудия крейсера «Аврора». У «Кинопанорамы», где идет советский фильм «Залп «Авроры», стоит очередь.

Невозможно было достать билет на концерт Эмиля Гилельса, который он давал недавно в Парижском дворце Шайо. Ученые мужи пяти французских академий, собравшиеся на свое годичное собрание, тепло приветствовали присутствующих в зале советских академиков во главе с президентом Академии наук СССР Келдышем.

Крупнейшие французские издательства срочно готовят к переизданию перевод на французский язык книг М. Шолохова. Присуждение ему Нобелевской премии вызвало на страницах французской печати в целом серьезный и содержательный разговор о путях и достижениях советской литературы. Вслед за «Живыми и мертвыми» Константина Симонова издательство Жюльяр выпустило на французский книжный рынок «Солдатами не рождаются».

С самым живым интересом отнеслись французы и к нашему «Александру Пушкину», новому советскому теплоходу, побывавшему в конце октября в Гавре. На борт теплохода поднялся мэр-коммунист Гавра Рене Канс, который по-братски приветствовал капитана и всю советскую команду. Бывшие при этом французские журналисты отметили высокие качества нового советского корабля.

Пока происходил чрезвычайно теплый обмен любезностями, 700 советских туристов, совершающих на теплоходе путешествие вокруг Европы, торопились в Париж. Они три дня без устали впитывали в себя, чем славен Париж, любовались великолепными Елисейскими полями, парком Тюильри в осеннем наряде, шедеврами Версаля и Лувра, архитектурными памятниками, которые специально для них вечерами были иллюминированы по решению парижского муниципалитета. Рабочие, инженеры и техники, ученые, врачи и учителя, прибывшие из Свердловска и украинского города Мориса Тореза, из Москвы и Ленинграда и из других городов нашей страны, приковали к себе внимание Парижа, вызвали целый поток газетных репортажей.

Своеобразной сенсацией осеннего автомобильного салона у Версальских ворот Парижа стал наш автомобиль «Москвич». Едва успел он прямо с выставочного стенда отправиться в свое первое коммерческое путешествие по дорогам Франции, как на смену ему к Версальским воротам прибыли советские джигиты. Идущая с начала ноября во Дворце спорта трехчасовая программа нашего циркового ансамбля «Гонка» захватила и увлекла парижан, удостоилась восторженных отзывов в здешней печати. Очерки, статьи, репортажи о жизни советской страны и ее миролюбивой политике, о франко-советском сближении и глубоких корнях дружбы наших народов не сходят ныне со страниц французских газет. Вырезки только за минувший октябрь составили у меня объемистую папку. Не всегда и не во всем авторы объективны, но независимо от своих политических симпатий все они вынуждены откликнуться на растущий интерес читающей публики к нашей стране. Даже такая твердолобая газета, как «Орор», напечатала на целой полосе объемную репортажную заметку французского академика Жака Шастенэ, совершившего поездку в Советский Союз.

Первый снег, выпавший в этом году в Москве необычайно рано, явился предметом специальной передачи по французскому телевидению. А близкая к правящим кругам газета «Насьон» напечатала на минувшей неделе большой разворот, озаглавленный «10 веков франко-русского союза». Свой рассказ об истоках и традициях этой дружбы она начала с замужества Анны Ярославны Киевской, отдавшей руку и сердце Генриху I французскому. В наше же время, подчеркивала газета, наиболее тесные связи между нашими странами обязаны своим существованием братству по оружию в ходе двух последних мировых войн.

Таков тот политический фон, на котором вся Франция с большим вниманием следила за визитом министра иностранных дел Кув де Мюрвиля в СССР. И из этого общего доброжелательного хора выделялись порой здесь скептические, а то и просто злобные голоса, но не они делают сегодня во Франции погоду. Подавляющее большинство французов приветствует результаты визита, ознаменовавшего новый шаг на пути крепнущего франко-советского сотрудничества, открывающего новые перспективы развития отношений между двумя странами. Французы знают, хотя и не все говорят об этом открыто, что укрепление традиционной франко-советской дружбы — путь к подлинной безопасности в Европе. Они помнят, что первым государственным актом нашей страны после октябрьских залпов «Авроры» был «Декрет о мире».

С ДОЛЛАРОВОЙ ОТМЫЧКОЙ

За последние 32 года в Париже не было построено ни одного нового крупного отеля. В летние месяцы, в разгар туристского сезона, печать не раз с горечью писала об этом. Нехватка отелей породила немыслимо высокие цены на номера в гостиницах при весьма низком комфорте, который застрял где-то на уровне 20—30-х годов.

В результате Франция, занимающая, пожалуй, первое в Западной Европе место по притягательной силе своих достопримечательностей, оказалась ныне в хвосте у своих соседей по обслуживанию туристов. И в последние годы растущие потоки зарубежных искателей новых впечатлений стали в значительной степени обтекать Францию, находя в других странах лучшее обслуживание по более низким ценам. Немалый валютный доход Франции от иностранного туризма оказался под угрозой. В этих условиях состоявшееся на днях торжественное открытие первой первоклассной гостиницы рядом с парижским аэродромом Орли не могло пройти незамеченным. Задолго до назначенного дня печать посвящала этому событию многочисленные статьи и комментарии. Ожидалось, что в церемонии примут участие представители французского правительства во главе с государственным секретарем по делам туризма Пьером Дюма.

Однако торжества не получилось. Господин Дюма оказался в этот день чрезвычайно занят, его заместитель срочно заболел. Такова была официальная версия. Подоплека же выглядит совершенно иначе.

Дело в том, что с некоторых пор члены французского правительства получили предписание президента республики принимать участие лишь в тех торжественных церемониях, которые носят «строго официальный характер». Новый же отель является американским. Он был построен на французской земле Конрадом Хилтоном, крупным американским дельцом, который разбросал сеть своих гостиниц по всему миру. «Официальные французские круги,— писала по этому поводу газета деловых кругов «Эко»,— сочли достойным сожаления тот факт, что на территории государственного парижского аэропорта, в одном из главных мест приема прибывающих во Францию иностранцев, не предусматривалось возможным построить французский отель, который явился бы своего рода продолжением витрин с национальными товарами, открытых любознательному взору путешественников, приземлившихся на Орли». Раздражение французских властей можно понять, если вспомнить, что проникновение иностранного, и главным образом американского, капитала во французскую экономику принимает ныне поистине характер эпидемии. Тот же Хилтон строит сейчас громадную гостиницу на 800 номеров-люкс в самом центре Парижа. Проектируются гостиницы для Марселя и Бордо. Обосноваться на французской земле собирается в скором времени и американский «Форд».

Генеральный директор уже созданного французского филиала этой американской автомобильной империи заявил на днях, что «Форд-Франс» твердо намерен держать в своих руках завоеванные ранее 4,5 процента оборота французского автомобильного рынка. Он похвалился, что в этом году «Форд» уже продал во Франции более 50 тысяч автомобилей.

Неделю назад было объявлено и о другом, на первый взгляд абсолютно невероятном факте. Одна из крупнейших во Франции автомобильных фирм, «Симка», решила сменить эмблему на выпускаемых автомобилях. Если раньше это была быстрокрылая ласточка, то теперь автомашины «Симка» понесут на себе пятигранник со звездочкой посредине, точно такую эмблему, которая отличает автомашины американской фирмы «Крайслер», ибо «Симка» тоже оказалась проглоченной заокеанским бизнесом. Можно было бы вспомнить в этой связи о скандале с французской фирмой электронного оборудования Бюлль, попавшей в американские руки, и о десятке подобных историй.

Французские власти возвестили о своем намерении проводить отныне строгую «политику отсева» иностранных фирм, желающих обосноваться во Франции. Однако из 167 иностранных ходатайств о капиталовложениях во Францию, поступивших к французскому правительству в этом году, только 40 получили отказ. Иностранный «посев» пока еще гуще «отсева». Долларовая отмычка пока еще действует достаточно эффективно.

Б. КОТОВ

Париж. По телефону.

К 20-ЛЕТИЮ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

СОЛИДАРНОСТЬ ЮНЫХ

10 ноября 1945 года в старинном лондонском театре Альберт-Холл произошло событие, 20-летие которого отмечает молодое поколение на всех континентах. В этот день представители 63 стран — рабочие, студенты, молодые солдаты-фронтовики — принесли клятву: довести до конца борьбу за мир на земле, искоренить фашизм, сделать все, чтобы «умелые руки, острый ум и энтузиазм молодежи никогда больше не служили войне».

«Мы — в нескладно сидевших
костюмах,
Под которыми были рубашки,
Солью пропитанные и порохом,—
Мы представляли тогда молодежь.
Ибо наши глаза
Видели смерть товарищей,
Ибо нам передали павшие
Высочайшее полномочие —
Говорить от их имен здесь,
С этих гулких трибун Альберт-
Холла,
Ибо память еще кровоточила!»

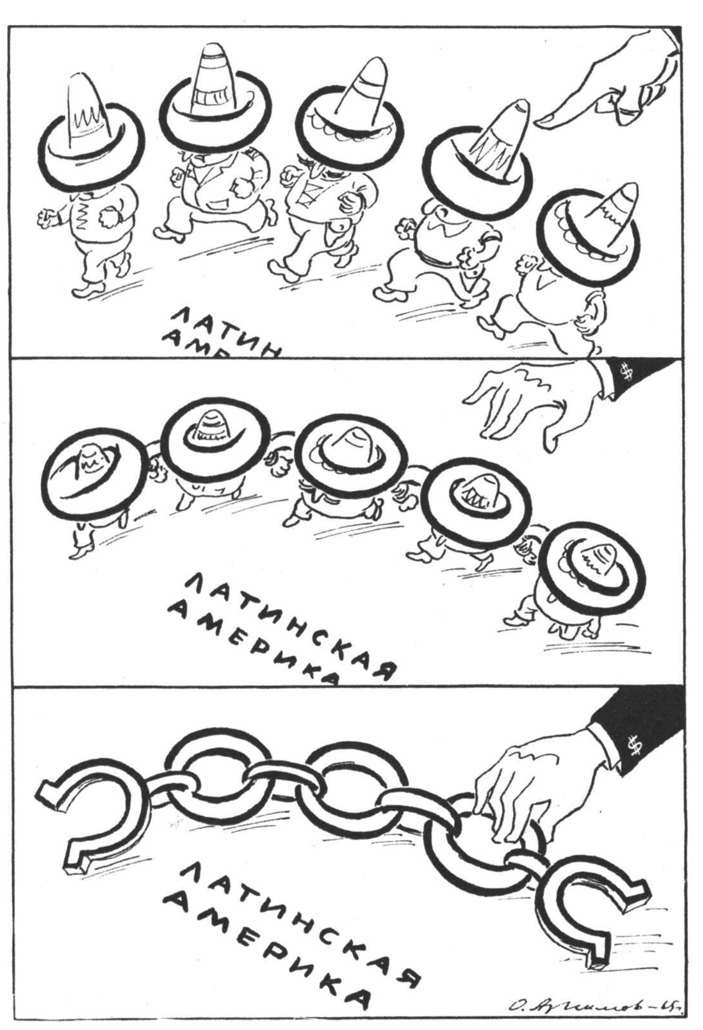
Так вспоминает о лондонской встрече юности ее участник, известный греческий поэт Петрос Антеос.

Советская молодежь была представлена на конференции большой делегацией, в которую входили молодые Герои Советского Союза, руководители ленинского комсомола, лучшие труженики. Посланцы Страны Советов сразу оказались в центре внимания всех делегатов. Огромный авторитет советской молодежи, четкая конструктивная позиция нашей делегации оказали большое влияние на весь ход работы лондонской конференции и на ее главное решение — о создании Всемирной федерации демократической молодежи.

С тех пор 10 ноября ежегодно празднуется как Всемирный день молодежи.

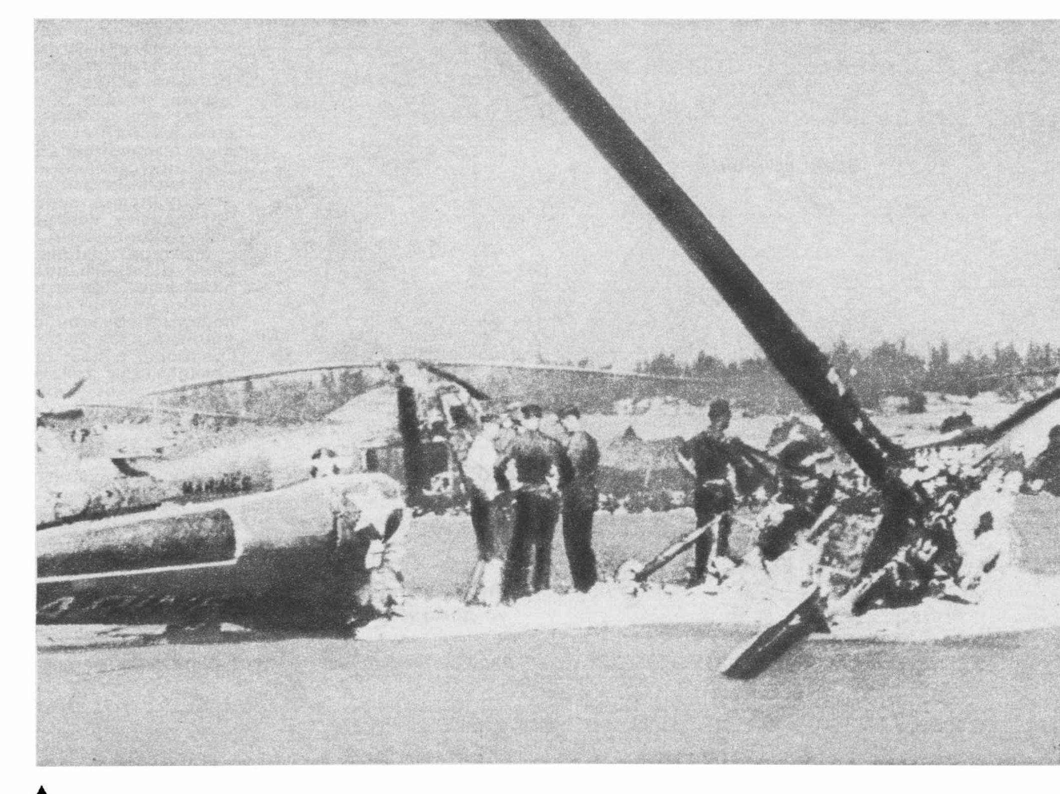
* * *

20-летняя история ВФДМ — это летопись активной борьбы послевоенного молодого поколения

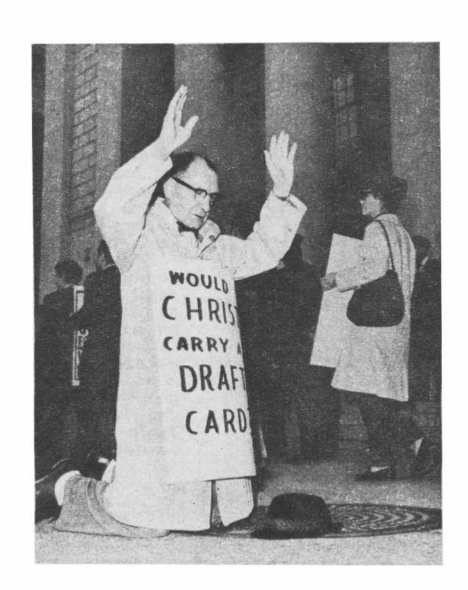
ОАГ — орудие американских колонизаторов.

Рисунок О. Абрамова.

▲ Южный Вьетнам. Бойцы Армии освобождения небольшими штурмовыми группами прорвались к взлетной дорожке американской базы близ Дананга и уничтожили более 40 американских самолетов и вертолетов.

НЬЮ-ЙОРК. Пикеты в защиту Дэвида Миллера, который в знак протеста против грязной кровавой войны во Вьетнаме демонстративно сжег свою карточку призывника. Дэвид Миллер арестован, и ему угрожает суд как «дезертиру» и «предателю национальных интересов». ▶

Фото ТАСС, ЮПИ.

◀ В момент, когда премьер Великобритании вел переговоры с представителями властей Южной Родезии, улицы столицы Солсбери были заполнены толпами возмущенных людей. Для сохранения «порядка» использовались полицейские отряды с собаками.

за свои жизненные интересы. «Молодежь, объединяйся! Вперед, за прочный мир!» — под этим лозунгом федерации миллионы юношей и девушек выступали против развязанных империалистами войн в Корее и Индокитае, собирали подписи под Стокгольмским воззванием, организовывали марши мира. Молодежное движение за мир выдвинуло своих героев, таких, как Анри Мартэн и Раймонда Дьен, создало свои боевые союзы и особые формы борьбы, сочинило свои молодежные антивоенные песни. Организуемые ВФДМ выступления молодого поколения за мир всегда тесно переплетались с национально-освободительной борьбой молодежи Азии, Африки и Латинской Америки.

Среди различных форм деятельности демократической молодежи особую популярность завоевало фестивальное движение. Восемь раз над землей вспыхивал фестивальный факел. В Праге и Будапеште, Бухаресте и Берлине, Варшаве и Москве, Вене и Хельсинки — во всемирных встречах «За мир и дружбу» приняли участие миллионы молодых людей практически из всех стран земли.

В последние годы в Москве при активнейшем участии ВФДМ были проведены всемирные форумы молодежи, которые сыграли выдающуюся роль в укреплении солидарности молодого поколения в борьбе против империализма и войны, за мир и национальную независимость народов. Декларация молодежи, принятая делегатами Всемирного форума 1964 года, заканчивается призывом: «Юность планеты — теснее ряды! В единстве — к победе!».

Эти слова — сегодняшний девиз ВФДМ, боевого стомиллионного союза демократической молодежи 115 стран.

Ю. КАШЛЕВ

Учредительная Всемирная конференция молодежи. Лондон, ноябрь 1945 года. Группа советских делегатов.

Всей семьей.

Футболисты на демонстрации.

Рис. В. Жаринова

МИР ВЕЩЕЙ

ПЕРЧАТКИ

Играя однажды на берегу моря блестящей раковиной, богиня Венера вдруг порезала палец. Тут же прибежали юные богини и перевязали узенькими лентами из льняного полотна не только палец, но и всю кисть. Притом настолько искусно, что бинт даже не был заметен. Так возникла первая перчатка.

Но это легенда, а раньше всех, в XIII веке, начали носить перчатки венецианцы. Они шили их сначала из кружев и славились этим товаром во всем мире. Там же, в Венеции, делали перчатки с некоторым «украшением» — невидимыми ампулами с ядом. С помощью таких перчаток венецианские вельможи освобождались от своих недругов. Вот почему вскоре появился обычай снимать перчатки при рукопожатии.

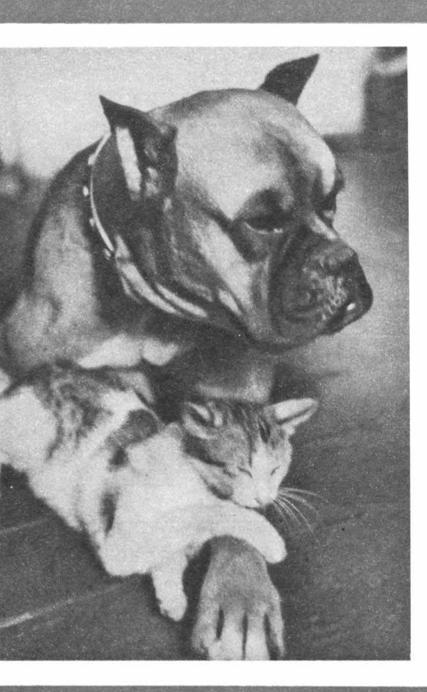
Мастера изящных перчаток делали их из шелка, тончайшего льняного полотна, а затем из кожи, в том числе и лайковые. Перчатки были разного цвета, но самыми изысканными считались белые с золотыми пуговками. Изготовлением перчаток славились не только итальянцы, секреты производства перешли и к французам. Мастера нашлись в Гренобле, а затем в Сен-Жуэне. К концу XVII века перчатки стали делать и в Германии. У всех восточнославянских народов были не только перчатки, но и мохнатки, иначе — варежки, или рукавицы. Упоминания о рукавицах можно найти в документах XVII века. В русских деревнях XIX века они назывались перчанками, а у белорусов — скарпетками. Праздничные вязаные перчатки и варежки делали у нас узорными. В Вологодской области шили перчатки из сукна или сафьяна, а затем расшивали серебряной и золотой нитью.

Уже в XVI веке перчатки были распространены повсюду. Их носили на охоте, на войне, а некоторые даже обедали только в перчатках. Перчатку можно было бросить врагу, вызывая его на поединок. В те времена перчатки считались знаком достоинства и даже символом власти.

Ну, конечно, с давних пор перчатки были и остаются частью женского туалета. Только к давно известным материалам прибавились в наше время новые — нейлоновые, силоновые, перлоновые и эластичные.

Б. РЖЕВСКИЙ

ЗАБАВНЫЕ

ТОЛЬКО МУРКА

Очень мирно живут друг с другом боксер Эмир и кошка Мурка. Вот и сейчас Мурка сладко вздремнула на лапе верного стража, а Эмир охраняет ее покой. В это время лучше с ним не связываться — он злобно рычит. Кошка переняла некоторые собачьи привычки. Она в определенные часы выходит со своим другом на прогулку: вместе бегают, играют, катаются по траве.

Если Эмира ведут на поводке, кошка идет с ним рядом. Однажды Мурка поймала мышонка и, видно, хотела угостить этим лакомством своего покровителя. Она принесла мышонка и положила к его лапам. Эмир понюхал, фыркнул и любезно отказался. Интересно отметить, что Эмир абсолютно нетерпим к остальным кошкам двора.

Л. ЕРМАКОВ

г. Сумгаит.

ТУРНИР НА ПЕСКЕ

Необычный турнир на раскаленном песке состоялся на пляже приморского курорта Варадеро на Кубе — родине знаменитого Капабланки. Шахматное поле было столь велико, что по нему передвигались и сами игроки.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЩЕТКА

В ГДР появились в продаже электрические щетки, которые наносят крем и чистят обувь до блеска. Достаточно нажать кнопку, и автоматический чистильщик начинает свою работу.

СОСНА-ОБРУЧ

Прошедшим летом я побывал на Украине. На берегу реки Удай я увидел удивительную сосну, которую сфотографировал.

И. МАЛИНКА

г. Борисов.

Сергей СМИРНОВ

БОБЕР-КУЛАЧОК

Все звери
к Бобру
обращаются хором:
— Зачем ты от нас отделился
забором?
Бобер
отвечает в интимной беседе:
— Чем крепче забор,
Тем приятней соседи.

ПЕНЬ И ВИДНАЯ СТУПЕНЬ

Сидит —
бесстрастен и белоголов.
Во всем
боится
остроты углов.
Зачем же
занимает
Пень
ступень сию?
Он
Ожидает
Выхода на пенсию.

РЫБА-ПРИЛИПАЛА

Вещает:
— Я —
подмога Кораблю
И
никаких гипербол
не люблю!

СЛИЗНЯЧЬЕ СЧАСТЬЕ

Живет
Улитка
в собственном дому
И всем довольна, судя по всему:
Плодится,
Тянет нить своей дорожки
И —
всем на страх —
показывает рожки.

ДЖЕК И ЖУЧКА

Джек лобызал ей трепетные ручки
И предлагал ей сердце во дворе.
Но,
говорят,
женился не на Жучке,
А на ее удобной конуре.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

ИГАРКА

Скажи кто-нибудь и когда-нибудь охотнику-рыболову Ширяеву, что его именем нарекут знаменитый город-порт и, более того, что он сам, Егор Иванович, невольно явится «крестным» этого названия, он почел бы того по меньшей мере шутником. А ведь так и случилось...

Отыщите на карте могучий Енисей. На его берегу, за Полярным кругом, километрах в семистах от моря, стоит красуется «самый деревянный» город в мире.

Дома — из дерева, тротуары — из дерева, мостовые — из дерева, лесопилки, лесокомбинаты... Ветер и тот метет по улицам не пыль, а опилки.

Откуда же столько леса? Ведь тундра, вечная мерзлота...

Очень просто. Его доставляет Енисей, принимая нескончаемые вереницы плотов с Ангары, Подкаменной и Нижней Тунгусок и других сибирских рек. Сюда, в Игарку, плывут со всего света большие торговые суда, чтобы грузиться лесом, драгоценной ангарской сосной.

Но так стало недавно. Город-порт сравнительно молод: он ровесник первой пятилетки.

А в начале нашего века на том месте, где стоит ныне заполярный порт, охотник-одиночка Егор Ширяев срубил бревенчатую избушку. Здесь он зимовал, отсюда ходил на зверя, промышлял рыбу.

Однажды новое зимовье обнаружили ненцы.

— Как зовешься, сосед? — спросили они Ширяева.

— Егорка, — ответил тот.

— Игорка, Игорка, — повторяли они. — Очень хорошо!

Вскоре рядом с избой Ширяева появились другие. Вырос поселок, ставший известным в округе под искаженным именем «Игорка». А еще через некоторое время в результате случайной описки превратился он в Игарку — порт, известный ныне всему миру.

Э. ВАРТАНЬЯН

А. ЛЕХИЦКА

ТРУДНАЯ ДРУЖБА

Когда-то Сувка подложил Пакульскому небольшую свинью. Вообще-то и говорить не о чем. Сувка забыл об этом и ныне не испытывает по отношению к Пакульскому ни капли сочувствия. Однако тот, к сожалению, излишне чувствительный, беспрестанно терзается мыслью, что Сувка подозревает его в тайной неприязни, застарелой обиде, каком-то мелочном злопамятстве. Словом, Пакульский всегда сам не свой в присутствии Сувки. Ему хотелось бы, чтобы Сувка отбросил эти подозрения, хотелось дать понять, что он очень ценит Сувку, его приветливость, когда тот, словно ничего и не было, любезно и сердечно жмет ему руку, спрашивает о здоровье. Но ведь в глазах его видно разочарование и сочувствие, сомнения в том, действительно ли Пакульский — современный человек, свободный от предрассудков, лишенный мелочности. И Пакульский удваивает усилия, даже тайно упрекает себя в холодности по отношению к Сувке, боясь, что, быть может, обидел его каким-нибудь необдуманным словом или выражением лица.

«Если б,— мечтает Пакульский,— Сувку разбил паралич, тогда я стал бы его другом в беде, и, может, тогда он поверил бы, что я ему брат, а не враг!»

— Вы чем-то озабочены? У вас какой-то тревожный цвет лица. Может быть, вам плохо, боже упаси?— дрожащим голосом говорит Пакульский.

А Сувка отвечает холодно:

— Благодарю, у меня все в порядке!

И нить уже порвана. Пакульский вытирает платочком лицо и вздыхает. Конечно, опять не удалось, неловко как-то вышло. Сувка готов подумать, что он мстит за ту прошлую, уже забытую историю, а он интересуется лишь по доброте сердечной и ради укрепления дружбы. И поэтому Пакульский тотчас же горячо добавляет:

— Если, дорогой пан, вам что-нибудь понадобится — компотик или электроподушку принести домой,— то я с охотой.

— Ведь я сказал, что у меня все в порядке,— отвечает Сувка, но каким-то изменившимся голосом. «Зачем этот человек пристает ко мне? — с горечью думает он.— Что он замышляет?»

И чтобы как-то противостоять неизвестному, Сувка решает послать Пакульскому богатый подарок и устроить ему через приятелей повышение по службе.

Увы, возбужденный, униженный дарами, Пакульский решается на поступок, достойный мужчины. Он подкладывает Сувке огромную свинью, и воистину у него спадает камень с сердца, в котором рождается спокойное доброжелательство к Сувке.

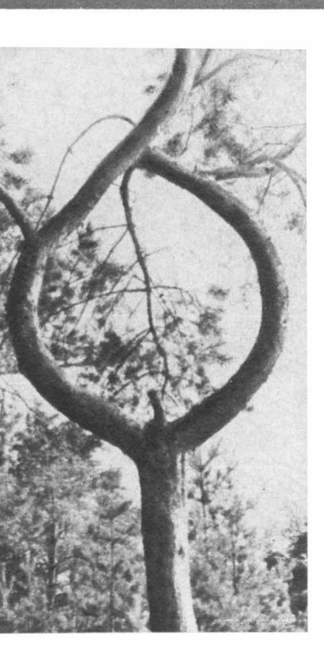
Ныне Сувка крутится возле Пакульского, стараясь, в свою очередь, убедить его, что он не таит в душе никаких обид.

Но, однако, кажется, что он пересолил с этими гарантиями, ибо у Пакульского все чаще возникает выражение беспокойства на лице. Быть может, он безосновательно подозревает, что Сувка строит козни против него.

Кто знает, какой оборот примет в дальнейшем эта трудная мужская дружба.

Перевела с польского И. ГАВРИЛОВА.

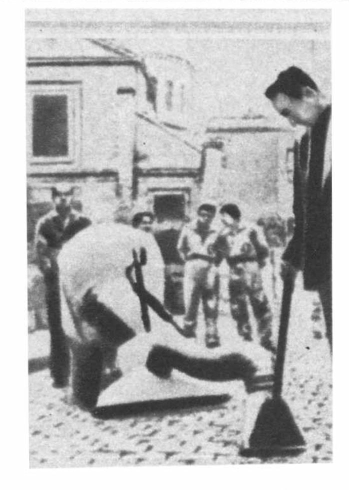
МЕЛОЧИ

В КОМПАНИИ С ПОПУГАЕМ

Джейн Кэш из Калифорнии (США) удалось приобщить к любимому спорту своего попугая, и теперь они вдвоем совершают прогулки на водных лыжах.

СЛОНООБРАЗНЫЙ ПЫЛЕСОС

Пылесос, напоминающий по своей форме слона, можно увидеть на улицах Парижа.

МИШКА НА ФЛАГШТОКЕ

К нам на теплоход «Беломорсклес» в одном из портов незаметно проник медвежонок. Фыркая носом, он тут же направился к камбузу. На виду у испуганного кока он стащил большой кусок мяса. Кок стал взывать о помощи. Но на медвежонка крик не подействовал. Косолапый гость спокойно доел мясо и покинул камбуз.

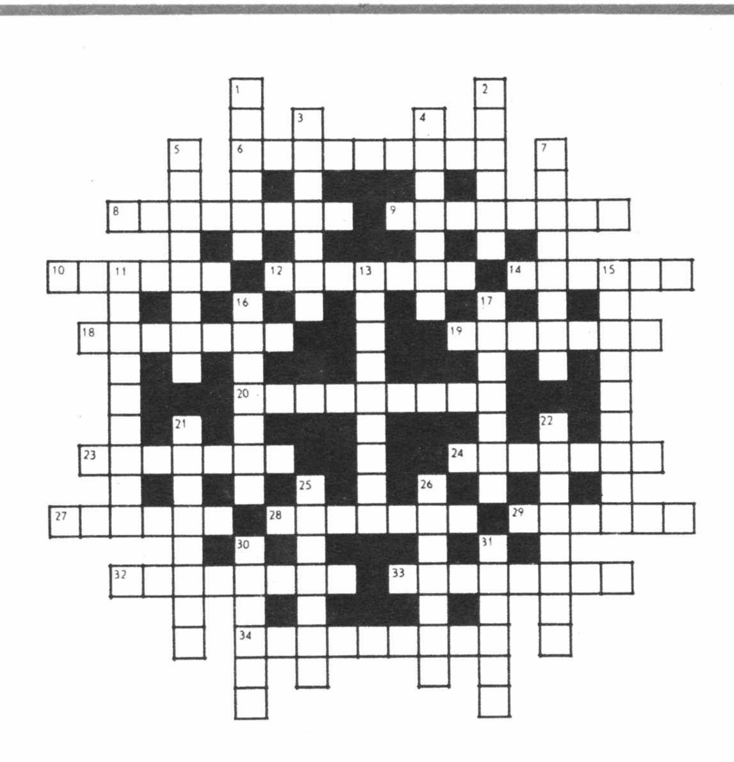
Затем он поднялся на капитанский мостик, обнюхал все навигационные приборы и, наконец, спустился на кормовую палубу. Здесь его внимание привлек развевающийся на ветру флаг. Немного поразмыслив, косолапый быстро вскарабкался по флагштоку.

В это время на судно прибежал какой-то человек. Медвежонок быстро спустился вниз и устремился к нему. Этот человек оказался хозяином нашего гостя. Охотник нашел своего подопечного еще совсем маленьким в тундре.

С. ТИМОХОВ, врач теплохода

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Английский писатель. 8. Произведение архитектуры или скульптуры. 9. Минерал. 10. Название некоторых видов ив. 12. Победитель в спортивном состязании. 14. Химический элемент. 18. Советский композитор. 19. Озеро в Швеции. 20. Заместитель руководителя высшего учебного заведения. 23. Месяц года. 24. Машина, передвигающаяся по суше и воде. 27. Гора в Чехословакии. 28. Продукт перегонки нефти. 29. Форма рельефа. 32. Рыба семейства лососевых. 33. Прибор для определения плотности жидкости. 34. Морское животное.

По вертикали:

1. Опера Д. Пуччини. 2. Периодический подъем уровня океана. 3. Автор оперетты «Корневильские колокола». 4. Часть фасада здания. 5. Тонкая витая проволока для вышивания. 7. Рассказ И. С. Тургенева. 11. Порт в Колумбии. 13. Резиновый слой по окружности шины. 15. Город в Пермской области. 16. Древнегреческий ученый. 17. Математическое положение, требующее доказательства. 21. Мореплаватель XV—XVI веков. 22. Научное предположение. 25. Детский голос. 26. Место для рекламы товаров. 30. Крупнейший кинорежиссер и актер. 31. Спортивная игра.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

5. Тирасполь. 9. Мартынов. 10. Лафонтен. 11. Полосатик. 12. Баббит. 13. Планер. 15. Книга. 18. Ниагара. 19. Ротонда. 20. Маслина. 23. «Одиссея». 26. Ливан. 27. Балхаш. 30. Кармин. 31. «Подросток». 32. Молибден. 33. Камчатка. 34. Экслибрис.

По вертикали:

1. Мясковский. 2. Пирогов. 3. Алфавит. 4. «Катерина». 6. Сангилен. 7. Валобан. 8. Веранда. 14. Париж. 15. Канал. 16. «Арион». 17. Штрих. 20. Мелузов. 21. Ставрида. 22. Автомобиль. 24. Стандарт. 25. Ярмарка. 28. Копейка. 29. Вокализ.

Херлуф БИДСТРУП

Молодежь нашей Дании

В благоденствующем королевстве Дании немногие имеют слишком много и многие слишком мало. В Дании есть свобода и равенство. Равенства молодые люди мужского пола достигают путем отращивания длинных, как у девушек, волос, а молодые люди женского пола, подстригаясь под юношей. Если смотреть на равенство с точки зрения оплаты труда, то равенства, конечно, не получается, так как длина волос в расчет не принимается и женщины за одинаковую работу получают меньше, чем мужчины. Однако время от времени зарплата повышается у всех, потому что повышаются цены. Но, кроме того, растут и налоги. Прогресс по всем статьям! Чем выше строятся, например, высотные дома, тем выше арендная плата.

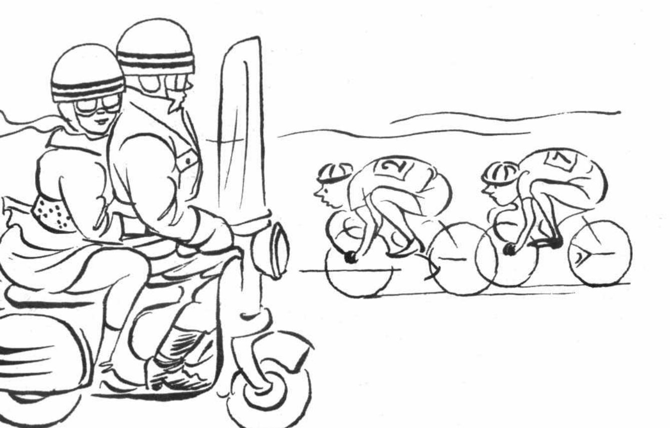
В Дании почти у всех есть работа. Многие имеют свои машины, но у молодежи преобладает двухколесный транспорт. В Дании у многих есть свои дома, однако у многих молодых людей нет ни квартиры, ни перспективы получить ее.

Мы живем в Дании в изобилии материальных благ. Удивительно только, что, чем их больше, тем больше требуется успокаивающих нервы пилюль, снотворного и таблеток от головной боли!

«Хорошо нам вместе!» — поется в свадебной песне. Но из-за жилищного кризиса в эту песенку вкрадывается некий диссонанс. У нас в Дании, конечно, есть свобода, но есть еще и много незанятых стогов сена.

Молодежь сильно устает после вечеров отдыха.

Ромео и Джульетта мчатся в воскресный день на мотороллере за город, чтобы отдохнуть среди тысяч других машин на лоне природы. Автомобильный век нашел свое отражение и в нашем искусстве. Молодые скульпторы изготовляют свои шедевры из измятых крыльев разбитых автомобилей.

Обыватель, живущий в нашем благоденствующем королевстве, содрогается перед растущей преступностью молодежи. А чему удивляться? Подрастающее поколение годами купалось в потоке низкопробных американских кинофильмов, прославлявших бизнес, гангстерство и проституцию.

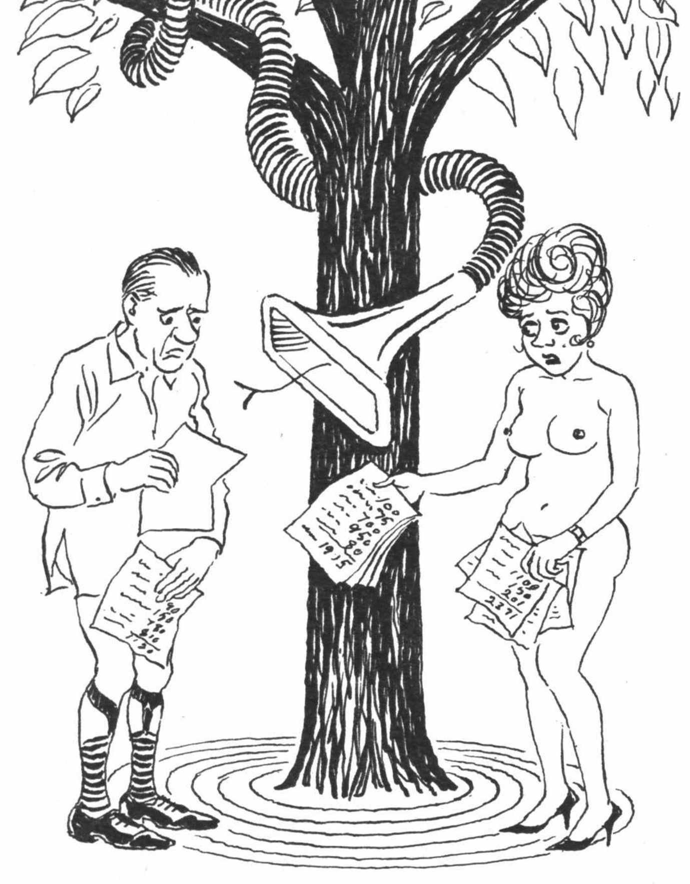

Число студентов в Дании растет из года в год. Сейчас их уже так много, что университеты стали тесными и студенты сидят друг на дружке, а многие остались вообще за стенами храмов науки. Хотя социал-демократия в течение ряда лет стояла у власти, только 10 процентов студенчества — дети рабочих или крестьян.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Плоды, которые Адам и Ева наших дней срывают в раю изобилия с древа познания,— это бесконечные счета, счета, счета... В один прекрасный день Адам и Ева поумнеют и узнают, что, несмотря на все приобретения, сделанные в рассрочку, они опять... голые.

Дорогостоящая шикарная реклама соблазняет молодую хозяйку делать ненужные ей покупки. Покупая товары, она оплачивает и расходы на рекламу.

У молодежи много оснований для недовольства жизнью в «благоденствующем» королевстве. Однако ее протест чаще всего изливается на взрослое поколение в целом. Поэтому протест не бьет по главному виновнику — по капитализму.

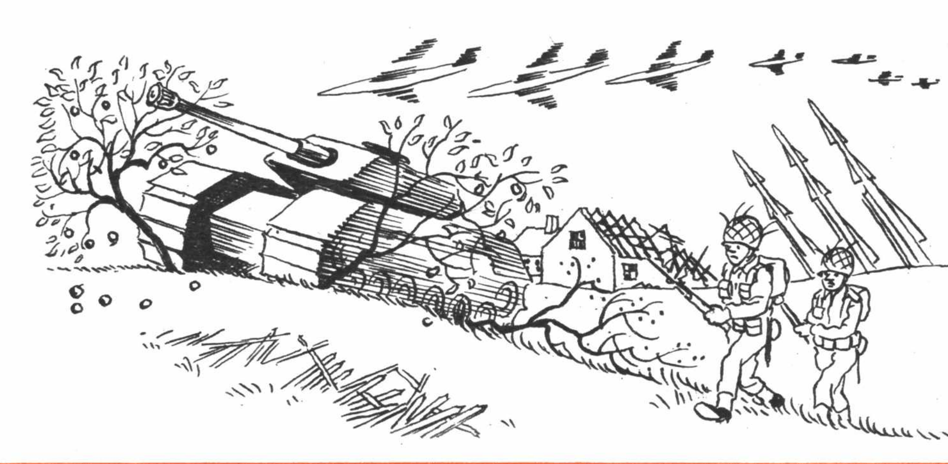

Молодежь любит музыку. Но иногда она слишком переоценивает так называемую «поп-музыку». Успех этой «музыки» измеряется убытками от разрушений во время концертов.

Однако в Дании есть и молодежь, которая не удовлетворяется только танцами или эксцентричными прическами. Это та молодежь, которая смело выступает против политики НАТО, вооружения Западной Германии и грязной войны США во Вьетнаме.

На страже «благоденствующего» королевства стоит сейчас самый дорогой в его истории военный аппарат. Большие участки доброй датской земли рвут гусеницами и снарядами, как будто это вражеские позиции!

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02103. Подписано к печати 3/XI 1965 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2940. Тираж 1 850 000. Изд. № 1892.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

наша улица

Разбужен день
Веселым звоном меди,
Одет рассветом
В праздничный кумач;
Трубит подъем
Рабочей всей планете
ОКТЯБРЬ,
наш нестареющий трубач.

В депо дремать
Оставлены трамваи,
Автомобилям запрещен проезд:
Идут колонны
заводских окраин,
И бьет по окнам
Духовой оркестр.

Весенний день!
Хотя седеет озимь
И плавится рубин лесных рябин...
Нам было трудно в эти сорок восемь,
Но мы и дня из них не отдадим.

Николай БЫКОВ

ОКТЯБРЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ.
Автолитография
С. НИКИРЕЕВА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663